

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2013 – 8 (254)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2013**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2013. – № 8 (254). – 166 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>Татьяна Самсонова.</i> Формирование гражданской культуры в современной России	5
<i>Александр Шатилов.</i> Идеологическое обеспечение политического курса властвующей элиты России.....	12
<i>В. Зорин.</i> Исламская цивилизация и современный мир	23

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>А. Мартыненко.</i> Мусульмане Мордовии: Проблема преодоления внутреннего конфликта	30
<i>Олег Цветков.</i> «Черкесский вопрос» в политических процессах	36
<i>Светлана Аккиева.</i> Женщины Северного Кавказа в изменяющихся условиях	46
<i>Ирина Федоровская.</i> Перспективы российско-азербайджанских отношений в свете закрытия Габалинской РЛС.....	52
<i>Руستم Сагиндиков.</i> Конкурентоспособность Казахстана в глобальной экономике	56
<i>Р. Назаров, В. Алиева, С. Ганиев.</i> Мониторинг этнополитической ситуации. Государства ближнего зарубежья. Узбекистан	63

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Асад Дуррани.</i> «Большая игра» для всех. Афганистан после ухода НАТО: Последствия для региональной безопасности....	75
<i>Н. Ульченко.</i> Политэкономика современного ислама: Опыт Турции	83
<i>Л. Сюкияйнен.</i> Мусульманские меньшинства на Западе: Соотношение политики, права и религии	103
<i>Сергей Костяев.</i> Лоббизм мусульманских стран в США	120

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Ольга Чикризова.</i> К вопросу об определении понятия «исламистский терроризм»	138
«Арабская весна»: Последствия для России и мира	145

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Татьяна Самсонова,

доктор политических наук
(МГУ им. М.В. Ломоносова)

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В условиях демократических преобразований современной России вопрос формирования гражданской культуры стоит весьма остро. Строительство демократического государства требует не только создания новых и реформирования действующих политических институтов. Необходимы глубокие изменения стереотипов политического мышления и моделей политического поведения граждан. Механизм формирования политической культуры сложен и многогранен. Он обусловлен историческими особенностями страны, состоянием и тенденциями ее социально-экономического развития, типом политической системы, доминирующей моделью политической социализации и т.д.

Формированию гражданской культуры максимально должна способствовать система гражданского образования, которое призвано содействовать распространению в массовом сознании ценностей представительной демократии, гражданских прав и свобод в рамках правового государства. В организации системы образования в России всегда была велика роль государства. «Социальная и экономическая деятельность государства должна быть направлена на раскрытие творческого потенциала свободных и ответственных людей. А это во многом проблема воспитания и образования», – заявил на Втором общероссийском гражданском форуме Д.А. Медведев.

Политические ориентации, образующие политическую культуру, как отмечали создатели концепции гражданской политической культуры Г. Алмонд и С. Верба, «тесно связаны с обще-социальными и межличностными ориентациями. В рамках

гражданской культуры нормы межличностных отношений, общего доверия и доверия к своему социальному окружению пронизывают политические позиции и смягчают их».

Современная Россия представляет собой «неустойчивую демократию», которой присущи глубокая внутренняя дифференциация и невысокий уровень доверия граждан к политической власти. Отсутствие четких целей политического развития и дефицит ценностных ориентиров ведут к неготовности и неспособности части россиян интегрироваться в систему новых политических и экономических отношений. Существующие политические и социально-экономические условия диктуют необходимость совершенствовать систему гражданского образования и воспитания. Ее основная цель – дать знания об основополагающих законах, о политических и социальных структурах общества, способствовать формированию критического мышления и нравственных позиций гражданина, прививать навыки гражданского участия в политической жизни. Ключевые направления гражданского образования – воспитание правосознания личности, формирование гражданской идентичности, толерантного сознания, культивирование патриотизма.

Приоритетное направление гражданского образования – формирование правосознания личности. Тревожными признаками в российском обществе являются неуважительное отношение к закону, пренебрежение правами человека. Права человека и гражданина остаются на периферии массового сознания и общественных практик, а также практической деятельности власти. А между тем правовая и нравственная культура личности – это неотъемлемое условие правового государства и гражданского общества. Принятие или непринятие права как основного инструмента регулирования общественных отношений связано, прежде всего, с личными интересами человека. Если эти интересы защищены правом, то оно легко «встраивается» в систему ценностных ориентаций личности. В противном случае личность может номинально принимать нормы права, однако соблюдать их будет только по принуждению. Социологические исследования, проведенные Аналитическим центром Юрия Левады, показывают, что на протяжении последних 20 лет большинство граждан России (от 50 до 70%) считают, что жить в России, не нарушая закон, нельзя. Это обусловлено тем, что люди не чувствуют себя под защитой законов (так считали 68% в 2006 г. и 52% в 2010 г.). Как писал английский писатель и реформатор С. Смайлс, «чтобы сделать из людей хоро-

ших граждан, им следует дать возможность пользоваться своими правами граждан и исполнять обязанности граждан».

Россия переживает системный кризис. Большая социальная дифференциация общества, обнищание значительной части населения и т.д. – все это оказывает негативное влияние на разные поколения россиян. Между тем власть не проявляет должной ответственности за происходящее в стране. Ослабление законности и правопорядка, рост преступности, произвол и коррупция чиновников в значительной степени подрывают уважение граждан к существующим политическим институтам и лидерам, порождают в обществе разочарование, апатию, а подчас и чувство безысходности. Так, согласно результатам социологического опроса, касающегося оценки россиянами эффективности борьбы с коррупцией, проведенного Аналитическим центром Юрия Левады в июне 2011 г., число наших граждан, считающих, что воровства и коррупции в стране стало больше, увеличилось, по сравнению с предыдущим годом, с 43 до 52%. Аналогичные данные приводятся в аналитическом докладе «Двадцать лет реформ глазами россиян».

В России всегда существовала тенденция к взаимопомощи, коллективизму, равенству. И хотя жизнь доказала, что всеобщее равенство не может создать экономически эффективную систему, нужна экономическая система, защищающая слабых. Однако анализ высказываний и особенно действий политиков и крупных бизнесменов свидетельствует о том, что значительная часть политико-экономической элиты страны не хочет ни в чем себя ограничивать ради общего блага.

В условиях кризисного, переходного состояния общества при смене типов политической культуры большое значение имеет модель политической социализации. При стабильной политической системе подготовка подрастающего поколения, включая его политическую социализацию и воспитание гражданских качеств, обеспечивает сравнительно гармоничную передачу от поколения к поколению основных политических ценностей и ориентаций. Это позволяет новому поколению воспринимать существующую политическую власть и политическую систему в целом как легитимные. В России социально-экономические и политические трудности на какое-то время как бы отодвинули вопросы политической социализации и гражданского образования молодого поколения. Политическая социализация – это не только процесс передачи накопленного политического опыта, но и процесс осмысления и усвоения того нового, что соответствует принципам демократии.

Показателями эффективности политической социализации являются уровень политической информированности и политической активности человека, степень его вовлеченности в политическую жизнь.

В процессе политической социализации, гражданского образования и воспитания все более заметную роль играют средства массовой информации, особенно Интернет. Однако роль средств массовой информации двойственна. СМИ уделяют много внимания отрицательным явлениям (неудачи лидеров, скандалы и т.д.). Это вольно или невольно формирует у подрастающего поколения негативное отношение к политике. А недостаток достоверной информации ведет к отчуждению общества от власти и не способствует формированию гражданских качеств личности.

В последние годы стала заметной постепенная утрата традиционного российского патриотического сознания. Вопросы воспитания патриотизма носят дискуссионный характер, являются предметом острого обсуждения в обществе. Одни ставят вопрос: а следует ли целенаправленно заниматься воспитанием патриотизма и разрабатывать с этой целью специальные программы? Отвергая саму идею разработки такого рода программ, сторонники такой точки зрения ратуют за патриотизм не государственный, а «камерный», человеческий, конкретный и прикладной (А. Архангельский). Другие убеждены, что целенаправленное формирование патриотизма и гражданственности важно для консолидации российского общества и противостояния деструктивным тенденциям национального сознания. «Правители должны не обвинять людей в отсутствии патриотизма, а сделать все от себя зависящее, чтобы они стали патриотами», – писал известный английский историк XIX в. Т. Маколей. Выход России из кризиса возможен лишь при сочетании развития патриотических тенденций с гражданским воспитанием населения страны, при условии содействия развитию гражданского общества и правового государства.

В вопросах воспитания особенно велика роль семьи и школы. Семья и школа – это два главных института формирования гражданина. Наукой доказано, что уже в раннем возрасте складывается разное отношение к политике – либо как к процессу борьбы за господство, в ходе которой приемлемы самые разные методы и средства и возможны уступки в вопросах морали, либо как к законопослушному поведению и легитимной деятельности. Возможно и формирование аполитичной личности. «Два человеческих

изобретения можно считать самыми трудными: искусство управлять и искусство воспитывать» (И. Кант).

С целью усиления гражданского образования и развития патриотических чувств в последние годы в школах, лицеях, гимназиях преподаются курсы, в которых излагаются основы права, политологии, социологии, психологии. И отчасти это вызвано тем, что вследствие отсутствия единства в подходе к историческому образованию и ослабления политического воспитания отмечается вопиющая историческая, правовая, культурная безграмотность значительной части подрастающего поколения. Слабые знания по отечественной истории, обществоведению, граждановедению, литературе могут сказаться (и сказываются) на усвоении студентами высших учебных заведений таких предметов, как «Отечественная история», «Политология», «Социология», «Политическая социология» и др. Порой даже складывается впечатление, что часть студентов в силу своей слабой школьной подготовки не в состоянии учиться в высшем учебном заведении.

Требуется разработка специальных программ и циклов радио- и телевидения. Необходимо привлекать к обсуждению проблем патриотического воспитания ученых, видных государственных и общественных деятелей, представителей культуры и искусства, также ветеранов войны, военной службы и труда. Надо активно противодействовать фактам искажения и фальсификации истории Отечества. Важно создавать образы положительных героев в художественных произведениях, рассчитанных на различные возрастные группы населения. «С одной стороны, наша страна находится в более уязвимом положении по сравнению со многими странами мира, так как наработки прежней системы образования и воспитания отброшены. С другой стороны, у России есть уникальный шанс создать систему образования и воспитания, адаптированную к реалиям XXI в. ...В образовательных учреждениях надо развивать, помимо профессиональных качеств, нравственное, эстетическое и мировоззренческое сознание учащегося; надо помочь ему стать не просто трудовой единицей в производственно-рыночных отношениях, но и полноценным членом общества, гражданином страны, сознательным носителем родной культуры и традиций». «И школа, и вуз не должны устраняться от воспитания личности».

Разрыв между надеждами и реалиями наших дней, социальные трудности, с которыми сталкиваются в повседневной жизни миллионы россиян, сложности адаптации к новым рыночным отношениям вызывают подчас чувство безысходности (фрустра-

цию), приводят к цинизму и политической апатии значительной части населения страны. Наблюдается определенное размывание моральных ценностей, ослабление духовно-нравственных принципов в разных социальных слоях. Растут индивидуалистические настроения, культивирование личной автономии и свободы при отсутствии автономного контроля и невысоком уровне ответственности. (В наибольшей степени это относится к молодежи.) Новые демократические ценности должным образом не систематизированы и не передаются адекватно от политической системы к личности. Как показал социологический опрос, проведенный ВЦИОМ в марте 2011 г. в 138 населенных пунктах 46 субъектов Российской Федерации, за последние шесть лет россияне стали меньше интересоваться политикой. Доля тех, кому политика интересна, сократилась с 48 до 39%, а тех, кто политикой не интересуется, выросла с 50 до 59%.

Создатели концепции гражданской культуры Г. Алмонд и С. Верба рассматривали ее как тип смешанной политической культуры, в которой политические ориентации участия сочетаются с патриархальными и подданническими. В результате формируется сбалансированная политическая культура, в которой «политическая активность, вовлеченность и рациональность существуют, но при этом уравниваются покорностью, соблюдением традиций и приверженностью общинным ценностям». Многим российским гражданам, несмотря на радикальные изменения в экономической и политической системе, по-прежнему свойственны подданнические настроения, а также приверженность к политической культуре «наблюдателей» (это понятие было введено в научный оборот в 1990-е годы голландскими исследователями Ф. Хьюнksom и Ф. Хикспурсом). Гражданская культура не исключает подданнические тенденции, однако их превалирование снижает ее гражданский потенциал. Это и наблюдается в современной России, где пока недостаточно развит средний класс, который является основным субъектом гражданского общества.

Человеку-гражданину присуще определенное умонастроение, которое проявляется в способности к свободной (никем и ничем не навязанной), но в то же время ответственной организации повседневной жизни; гражданственность – это «сознательное и активное выполнение человеком своих гражданских обязанностей и гражданского долга, разумное использование своих гражданских прав и свобод». Политическое участие и гражданская активность связаны с реализацией гражданских прав и свобод и соответ-

вующих компетенций (знаний, навыков, способностей). В результате обеспечивается воспроизводство конституирующих ценностей и норм гражданского общества, сложившихся институциональных практик, а также гражданской идентичности. «Традиционный гражданин и его поведение (гражданственность), – отмечает Л. Любимов, – формируются в контексте обеспечения политической системой таких принципов, как свобода личности, свобода слова, право на справедливый суд, право собственности и его эффективная защита». Однако из этих принципов, по его утверждению, «лишь свобода личности обеспечивается российской политической системой».

Как показывают социологические исследования, россияне в целом признают необходимость вовлечения граждан в решение текущих государственных задач (по официальным данным, в России насчитывается свыше 360 тыс. некоммерческих организаций (НКО), из них реально действующих – 136 тыс., т.е. около 38%), но в то же время большинство высказывают мнение о малой пользе политического и общественного участия. Так, согласно общероссийскому опросу, 54% респондентов признаются, что не разбираются «в хитросплетениях российской политики и не представляют, что нужно сделать для того, чтобы голос отдельного человека, прежде всего их собственный голос, мог быть услышан при принятии важных государственных решений».

Реальный статус гражданина определяется соотношением прав и свобод человека, с одной стороны, и гарантиями их реализации, правовыми санкциями власти – с другой. Причем сущность гражданина при каждом виде государственного устройства подвержена изменениям. Сохраняя определенную преемственность, господствующая в обществе культура может существенно отличаться от той, что существовала одно-два поколения назад. Доминирующие ценностные ориентации и установки со временем меняются. Как отмечают отечественные и зарубежные исследователи, такой процесс характерен для посткоммунистических стран, переживающих состояние транзита. Социологические наблюдения за тенденциями в сфере массовых установок показывают, что период первичной адаптации россиян к новым условиям, когда речь шла о выживании, видимо, завершается, и в российском обществе постепенно складывается «энергетический» потенциал гражданской ответственности и соучастия.

В свете рассмотренной нами проблематики считаем целесообразным привести выводы, сделанные на основе масштабного

социологического исследования «Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многомерных социологических замеров)» В.В. Петуховым – одним из руководителей проекта: «Сегодня общество подошло к рубежу, когда люди либо окончательно согласятся с существующим порядком вещей, либо начнут искать пути и способы более активного влияния на окружающую их жизнь. В целом, оставаясь не включенными в “большую” политику, не доверяя большинству государственных и общественных институтов, россияне тем не менее... демонстрируют интерес и реальную готовность к коллективным действиям и самоорганизации. Начинает “просыпаться” молодежь и средние слои населения... Можно с определенной долей уверенности констатировать, что эти группы и слои населения не только включатся в общественную и политическую жизнь, но и востребуют для реализации своих интересов демократические институты и процедуры».

«Философские науки», М., 2013 г., № 1, с. 55–61.

Александр Шатилов,

кандидат политических наук

(ФУ при Правительстве РФ)

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ВЛАСТВУЮЩЕЙ ЭЛИТЫ РОССИИ

Уже в 70–80-х годах наблюдалось идеологическое «обмирщение» отечественной элиты, которая лишь формально придерживалась коммунистической стилистики и риторики, а на деле проводила вполне прагматичный политический и социально-экономический курс. Уже тогда правила игры внутри советского истеблишмента предполагали надмировоззренческую корпоративную солидарность правящего класса и его покровительственно-надменное отношение к верящим в идеалы народным массам. Нужно отметить, что такого рода «игра в идеологию» могла продолжаться достаточно долго (как это происходит до сих пор в КНДР), однако моральный износ коммунистического проекта оказался настолько глубоким, что советский истеблишмент был вынужден форсировать модернизацию режима (в том числе политическую и идеологическую).

Встав с середины 80-х годов на путь перестройки, а затем и радикальных реформ, элита СССР отставала в том числе и свои

вполне корыстные интересы. Советским партийным, хозяйственным и силовым бонзам требовалась конвертация своего условного управленческого капитала во вполне реальные финансово-экономические активы, «частное» использование которых в условиях сохранения коммунистической системы было просто невозможно.

Для столь существенных преобразований требовались соответствующая массовая поддержка и новая идеологическая база, способная дать морально-этическое обоснование слову устаревшего режима и ниспровержению ранее незыблемых догм.

И здесь у российской (тогда еще советской) элиты было два пути: национально-патриотический и либеральный. При этом каждый из них имел и свои «группы поддержки», и свой потенциал мобилизации населения на некоммунистической основе.

Так, *национально-патриотический проект* предусматривал резкое повышение статуса русской нации до государствообразующей и титульной, возврат от светского государства к религиозному (в диапазоне от умеренного клерикализма до православного фундаментализма), активную игру на патриотических чувствах граждан и их «генетической» нелюбви к Западу, «осторожный антисемитизм». Этот путь вел к установлению «национальной диктатуры» и наведению порядка железной рукой. При этом в социально-экономической сфере допускалась возможность введения элементов «ограниченного капитализма», «дирижизма» и «функциональной частной собственности».

Однако такой путь развития страны представлялся советской элите весьма рискованным.

Во-первых, национально-патриотический проект вызвал бы жесткое противодействие со стороны США и их союзников, которые боролись с коммунистической «империей зла» явно не для того, чтобы на ее месте возник «Третий Рим».

Во-вторых, «великодержавная» модернизация была чревата междоусобицей внутри самой элиты, которая изначально формировалась как «межнациональная».

В-третьих, неизбежное введение диктаторского правления пугало истеблишмент, который после «сталинских чисток» и «андроповского закручивания гаек» зарекся «играть в вождя».

Что же касается *проекта либерализации и демократизации*, то он казался более компромиссным, поскольку практически не ущемлял интересы ведущих властных групп и позволял им провести передел собственности и сфер влияния без масштабной

внутриэлитной войны. Так российские элиты обеспечивали себе контроль над политическим и экономическим потенциалом наиболее ресурсоемкой части СССР, а элиты в национальных республиках повышали свой статус до уровня «суверенности» и получали право единоличного распоряжения собственными ресурсами. В итоге, отмечает А. Аринин, как ни парадоксально, «сговор правящих элит во многом предопределил мирный характер распада СССР. Между тем определенные международные силы в целях захвата природных ресурсов и территорий России готовили сценарий распада Советского Союза по югославскому варианту – с гражданской войной и большими человеческими жертвами. Конечно, в ряде регионов кровь все-таки пролилась, но масштабной гражданской войны удалось избежать».

Для реализации либерального проекта модернизации понадобилась соответствующая идеологическая обработка населения, которая осуществлялась по двум направлениям. С одной стороны, проводилась целенаправленная политика по дезавуации советского наследия и преодолению «нерыночных» стереотипов граждан СССР, а с другой – на контрасте с деградирующей социалистической системой пропагандировались в качестве «современных» и «успешных» идеи политической демократии, свободного рынка, парламентаризма, многопартийности и пр. И опять же – «ничего личного»: представители элиты (за редким исключением) не являлись искренними адептами либерализма, они исходили из вполне рационально понимаемой выгоды, которую сулил им этот идеологический проект.

Всю относительность «либерально-демократического настроения» правящего постсоветского российского истеблишмента продемонстрировали события сентября-октября 1993 г. и первая чеченская война, которые сопровождались вопиющими отклонениями от базовых принципов либеральной идеологии и многочисленными нарушениями прав и свобод человека. При этом стоит отметить, что отечественная элита в этом плане мало чем отличалась от своих западных «коллег», которые откровенно пренебрегают либеральной догматикой в случае угрозы своим корпоративным интересам (вспомнить хотя бы маккартизм, войну во Вьетнаме, уничтожение общины «Храма народов» в Гайане, «принудительную демократизацию» Югославии, Ирака, Ливии и др.). Как пишет в своей статье М. Белоусова, «с точки зрения политических элит, жалобы на нарушения прав человека – удел слабых и неспособных. В отличие от рядовых граждан они не апеллируют к абстрактному “государст-

ву” как источнику или нарушителю их прав. Находясь “внутри” государственной системы, они располагают дополнительными эффективными ресурсами (административный, клановый, финансовый) для защиты и реализации своих прав. Таким образом, они отделяют себя от “остальных”, воспринимая реализацию прав человека как нечто зависящее (производное) от борьбы за власть».

При этом идеологический заряд либерализма с точки зрения воздействия на массы оказался достаточно слабым: его хватило на то, чтобы сломать прежнюю Систему и перекантоваться на этапе становления новой российской государственности, но не более. Уже в 1995–1996 гг. либеральный проект стал терять актуальность и привлекательность, что продемонстрировали, в частности, выборы в Госдуму второго созыва, а также «проблемная» президентская кампания Б.Н. Ельцина. Несмотря на «вымученную» победу правящего истеблишмента в президентской гонке 1996 г., стало ясно, что этот успех является последним, если не будет кардинальным образом пересмотрен идеологический антураж российского постсоветского режима. Либерализм уже откровенно враждебно воспринимался массами, и появлялось все больше политиков (системных и несистемных), стремившихся на волне идеологического недовольства прийти к власти. Так, на оппонировании либеральному проекту в конце 90-х годов сделали себе имя сперва руководитель Движения в поддержку армии генерал Л.Я. Рохлин, а затем лидеры блока «Отечество – вся Россия» Ю.М. Лужков и Е.М. Примаков.

О кризисе идеологии либерализма в России тех лет можно найти свидетельства многих очевидцев, но примечательно, что это признают не только противники демократов, но и сами представители либерального лагеря «ельцинской» эпохи. В частности, экс-губернатор Ярославской области А.И. Лисицын, один из адептов либеральных реформ 90-х годов, в своих воспоминаниях признает, что в конце правления первого президента России «демократические, рыночные и прозападные взгляды политиков разделялись обществом все меньше: призывы к достижению личной свободы и правового государства не подкреплялись экономическими благами и практическими государственными действиями, а потому выглядели голословными и демагогическими».

Поэтому правящей элите понадобился новый идеологический поворот, способный, с одной стороны, консолидировать элиту, а с другой – удовлетворить запросы населения страны.

Ставка была сделана на идеологию неоконсерватизма, получившую свое российское воплощение в начале 2000-х годов в концепте «суверенной демократии». Данный интеллектуальный замысел, несмотря на жесткую критику со стороны оппозиции за «абстрактность» и «эклетицизм», нес в себе ряд важных смыслов. Прежде всего впервые после 1991 г. страна получила вариант национальной идеи, которая в целом на тот момент отвечала настроениям общества. Так, при всем своем негативном отношении к Б.Н. Ельцину и его курсу большинство граждан России не были готовы «вернуться в прошлое» и отказаться от пусть и вполне условных, но «демократических» и «рыночных» реалий. Но при этом на рубеже 1990–2000-х годов отчетливо ощущался социальный запрос на державность и патриотизм, а населению требовалась компенсация за национальное унижение, связанное с крушением Советского Союза. В этом плане «суверенность» фактически становится умеренным ответом на имперские, а где-то даже националистические устремления россиян.

Кроме того, концепт «суверенной демократии» позволил власти в начале 2000-х годов снизить градус социального противостояния в обществе и мобилизовать массы на основе «социального компромисса». И это притом, что в конце 90-х годов, особенно после финансово-экономического обвала 1998 г., социальное размежевание в России достигло своего апогея, едва не дойдя до классовой борьбы. Об этом пишет, например, К. Клеман: «На период с 1997 по 1999 г. пришелся пик коллективных действий, отмеченный такими явлениями, как “рельсовая война”, продолжительные эксперименты рабочего контроля над производством (например, на целлюлозно-бумажном комбинате Выборга, на Ясногорском машиностроительном заводе), или “палаточные городки” (например, в Ярославле или Астрахани). В то же время кризис легитимности власти достиг своего апогея. Стачкомы и демонстранты требовали отставки Ельцина и жестко противостояли новым собственникам, купившим заводы с целью перепродажи или спекуляции. Недовольство политической властью и олигархами нарастало».

Но особое значение «суверенной демократии» стоит отметить с точки зрения примирения российской элиты, которая в последние годы правления Б.Н. Ельцина находилась в состоянии перманентных конфликтов и информационных войн.

С приходом к власти В.В. Путина отечественный истеблишмент приобретает отчетливую двуличность: одну его часть соста-

вили так называемые «питерские либералы-прагматики», работавшие с новым президентом России в мэрии Санкт-Петербурга, другую – «силовики», выходцы из спецслужб. При этом если первые были сторонниками «умеренной демократии» и рыночной экономики, то вторые придерживались скорее авторитарных и державно-патриотических позиций. Соответственно, концепт «суверенной демократии» позволил примирить эти два сообщества, дав каждому из них необходимую идеологическую надстройку для проведения в жизнь собственной политической и социально-экономической линии.

Позже концепция «суверенной демократии» органично (с точки зрения приоритетов российских элитных групп) была дополнена идеей участия России в «глобальном акционерном обществе». Эта идея зарождается после прихода к власти В.В. Путина, однако ее активная практическая реализация начинается как раз при Д.А. Медведеве.

В течение первых лет XXI в. страна была вынуждена заниматься внутренним обустройством. Именно на этот период приходится перестройка политической системы и федеративных отношений, активные социальные и экономические реформы, формирование новой повестки дня для России как современного, демократического и в то же время сильного государства. При этом в 2000–2006 гг. руководство страны еще не могло позволить себе проводить активную внешнюю политику: были слишком велики внутривнутриполитические и внутриэкономические риски и «перегрузки». А потребность в таковой явно ощущалась: на постсоветском пространстве одна за одной свершались «цветные революции», НАТО все ближе придвигалась к границам России, одновременно появилась угроза развертывания системы ПРО в Европе.

Кроме того, несмотря на объективно возникшую потребность в преодолении униполярности (в связи с появлением де-факто политических и экономических альтернатив новому мировому порядку США), никто из ведущих государств мира (даже КНР) не осмеливался напрямую заявить Вашингтону о необходимости поделиться глобальным «контрольным пакетом акций». Эту миссию взял на себя В.В. Путин во время своей мюнхенской речи 10 февраля 2007 г., в которой он заявил о недопустимости сохранения мировой монополии Вашингтона в современных условиях: «Сегодня мы наблюдаем почти ничем не сдерживаемое, гипертрофированное применение силы в международных делах, военной силы, силы, ввергающей мир в пучину следующих один за другим

конфликтов. В результате не хватает сил на комплексное решение ни одного из них. Становится невозможным и их политическое решение. Мы видим все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права. Больше того, отдельные нормы, да, по сути, чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере – и навязывается другим государствам. ...И это, конечно, крайне опасно».

Одновременно была заявлена главная идея новой российской внешней политики: отныне окрепшая Российская Федерация станет претендовать на свою долю в мировом глобальном «акционерном обществе» и будет жестко отстаивать свои интересы, исходя из величины своего «пакета».

Можно выделить основополагающие принципы стратегии участия России в «глобальном АО». Прежде всего, это прагматичное и жесткое отстаивание своих прав на влияние в мире, соответствующее проценту «контролируемых акций», в диалоге со своими международными партнерами. Так, например, в этой связи нельзя не отметить жесткую, но в рамках международной процедурной практики, реакцию Москвы при ее проверке на «уступчивость» в войне «08.08.08», когда с подачи США режим Михаила Саакашвили поставил под сомнение авторитет России не только в Закавказье, но и на Кавказе в целом. В этой ситуации поддержка Южной Осетии и Абхазии со стороны Москвы стала фактически вынужденной, поскольку их «сдача» угрожала стабильности ситуации в регионе и была чревата вытеснением оттуда России. При этом стоит отметить, что сила, использованная в данном конфликте, в целом была дозированной. Несмотря на призывы российских «ястребов» «жестко покарать агрессора», «взять Тбилиси» и пр., данные боевые действия не превратились в войну с грузинским народом, а стали лишь демонстрацией готовности России взять на себя ответственность за стабильность ситуации на постсоветском пространстве.

Тесно была взаимосвязана с вышеуказанными событиями и активизация России в рамках ОДКБ, который она стремилась (и стремится) превратить в мощный военно-политический блок, в оплот защиты постсоветского пространства от «рейдерства» со стороны США и Евросоюза. При этом также прагматично учитывается, что большинство постсоветских государств заинтересо-

ны в материальной поддержке со стороны России, обеспечиваемой в том числе и по линии евразийского экономического партнерства.

Кроме того, с учетом объективного роста протестных настроений руководство стран «пророссийского пула» держит в уме возможность силовой поддержки со стороны ОДКБ в случае внутренних вызовов стабильности (массовых беспорядков, путчей, «цветных революций»).

Еще один принципиальный момент связан с последовательным отстаиванием Россией (например, в период «газовой войны» с Киевом в январе 2009 г.) приоритетов своей энергетической политики. Так, с одной стороны, отечественная элита стремилась избавиться от «посреднических фирм» в лице Украины и Белоруссии, которые своими регулярными демаршами лишь затрудняли энергодиалог с ЕС, а с другой – приглашала к широкому сотрудничеству европейский бизнес через реализацию проектов «Северного» и «Южного» потоков. Другое дело, что контрагенты не всегда желали учитывать отечественные интересы и вместо укрепления партнерских связей зачастую старались навязать Российской Федерации либо заведомо невыгодную Энергетическую хартию, либо «диверсификацию поставок сырья» в обход России. Отсюда и жесткость позиции Москвы в защите своих нефтегазовых приоритетов.

Характерной чертой стратегии участия в «глобальном акционерном обществе» является и отказ руководства России в 2000-х годах от эмоциональности и иррациональности в своих внешнеполитических действиях. Оно старалось придерживаться общепринятых правил игры, апеллировать в своих внешнеполитических маневрах к международной практике и международному праву, не стремилось в отличие, например, от ряда инициатив Уго Чавеса или Ким Чен Ира шантажировать своих «соакционеров». Определяющим здесь стал принцип возможностей: если есть возможность перехватить «по закону» у конкурентов какой-либо бизнес-актив, Россия это делала.

Это же касалось и взаимодействия в рамках Содружества Независимых Государств. В 2000-е годы Россией был взят курс на достижение прагматизма в отношениях с внешнеполитическими партнерами, в том числе и в СНГ.

С одной стороны, такой курс выглядел вполне оправданным: методы «задабривания» и «покупки лояльности», используемые в 90-х годах, принесли весьма плачевные результаты. Выработав у партнеров «хватательный рефлекс» и спровоцировав с их стороны

паразитическое отношение к себе, Россия не только не сумела закрепится в этих государствах, но и допустила их постепенный дрейф в сторону Запада. С другой стороны, российская элита учитывала, что, если страна претендует на статус великой державы, то ей в любом случае нельзя отказываться от контроля над зоной своих национальных интересов, которой, без сомнения, является постсоветское пространство. При этом страна должна быть готова и к определенным «тратам», только уже в качестве компенсации не за абстрактную «любовь», а за вполне конкретные взаимные уступки. Соответственно, «геополитические амбиции не должны игнорировать экономические интересы и политические реалии. Российская Федерация стремится... обрести новое равновесие и занять более высокое место на ставшей уже глобальной арене. Из сказанного следует необходимость поддержания баланса между амбициями и ресурсами, вложениями и приобретениями. Критерием при этом могут служить лишь национальные интересы самой Российской Федерации».

Прагматизм России предполагает и ее обязательное встраивание в систему международных институтов, чтобы не отдавать их на откуп своим конкурентам, через глобальные структуры отстаивать свои интересы и доносить свою позицию до международного сообщества. Поэтому наша страна принимает участие не только в работе таких «нейтральных» организаций, как ООН, но и активно сотрудничает со своими традиционными критиками вроде ОБСЕ, Еврокомиссии и пр.

Еще одной и, пожалуй, главной, чертой стратегии участия в «акционерном обществе» является борьба за признание России равноправным партнером со стороны мировых стран-лидеров. И хотя на Западе зачастую преобладает негативный подход к этому вопросу, обусловленный, с одной стороны, историческими комплексами (вроде «Русские идут!» или «О чем можно договариваться с варварской Россией?»), а с другой – скепсисом относительно современного состояния нашей страны (она-де «не является больше сверхдержавой»). Но у нас все же имеется масса «конкурентных преимуществ» – начиная от наличия мощного арсенала ядерных вооружений и заканчивая огромной ресурсной базой.

Несмотря на критику со стороны оппозиции, идеологические тренды «суверенной демократии» (соединение «патриотических» и «либеральных» ценностей) и «участия в глобальном акционерном обществе» (примирил «западников» и «автаркистов») были в целом позитивно восприняты и гражданами, которые нуждались

на тот момент в утверждении стабильности под контролем сильной, ответственной и консолидированной власти. Одновременно населению импонировал стиль «драйва», являвшийся составной частью идеологического проекта «суверенной демократии». Именно с этим был связан рост стихийно-патриотических настроений, наблюдавшийся в российском обществе вплоть до конца 2008 г.

Этот вид патриотизма имел мало общего с традиционными патриотическими воззрениями с их «любовью к родному пепелищу и отеческим гробам». «Стихийный патриотизм» базировался на совершенно иных основаниях. В частности, он был современным (предполагал движение вперед с учетом достижений технического прогресса), агрессивным (хотя такая его энергия была направлена в основном «вовне»), иррациональным (по принципу «главное ввязаться в драку, а дальше порвем всех»). Подобный общественный энтузиазм подпитывался соответствующим информационным и культурно-творческим «креативом», начиная от фильма «Брат-2» и кончая песней Глюк'oЗы «Танцуй, Россия, и плачь, Европа». Также подобный настрой пронизывал практически все форумы на Селигере, которые с середины первого десятилетия 2000-х годов стали проводить прокремлевские молодежные движения.

Одновременно режим «иллюстрировал» эффективность «суверенно-демократической» политики громкими достижениями и масштабными победами. Так, наивысшей точкой «стихийного патриотизма» граждан России стал период 2007–2008 гг. Именно тогда Россия, как в былые годы, громит статусных противников на спортивных аренах (чемпионат мира по хоккею, чемпионат Европы по футболу и баскетболу и пр.), в стране скачкообразно растет уровень материального благосостояния, иницируются и реализуются мегапроекты (Олимпиада в Сочи, форум АТЭС, чемпионат мира по футболу, «Северный» и «Южный» потоки и пр.). Но пиком популярности власти и постулируемой ею идеологической конструкции становится война с Грузией в августе 2008 г.: российское общество с неподдельным восторгом восприняло «легкий» разгром войск Саакашвили и признание Абхазии и Южной Осетии в качестве суверенных государств.

Не исключено, что именно под влиянием такой эйфории в развитии концепта «суверенной демократии» властью был выдвинут проект «инновационного развития России», который предполагал не просто восстановление страны в качестве великой державы, но делал заявку на ее утверждение в качестве одного из

глобальных лидеров. Как свидетельствует один из «креативщиков» администрации президента Д. Бадковский, «переход к модернизационной политике планировался на базе постепенного и, скорее всего, достаточно компромиссного, растянутого во времени перерастания в модернизационный план прежней стратегии максимальной капитализации конъюнктурного благополучия “нулевых годов”. Два события – пятидневная война на Кавказе (август 2008 г.) и... экономический кризис – существенно повлияли и сделали невозможным дальнейшее существование этой базовой логики “медленного старта” модернизационного курса».

Однако разразившийся мировой финансово-экономический кризис поставил российскую элиту перед нелегким выбором. Начинается борьба идеологических проектов выживания и развития государства и общества в условиях негативной политической и экономической конъюнктуры. Все это провоцирует внутреннее размежевание в отечественном истеблишменте, дифференциацию его на адептов «мобилизационного сценария» и сторонников «либерализации режима».

Первые, группировавшиеся в основном вокруг В.В. Путина, предлагали «жесткий путь», связанный с ужесточением внутренней политики и выстраиванием относительно автаркической «Крепости Россия» во внешней среде.

Вторые же (центром притяжения для них стал Д.А. Медведев) полагали, что руководство России не должно отказываться от участия в «глобальном акционерном обществе», а внутри страны целесообразнее всего проводить гибкий курс «маневра и компромисса», предусматривающий «дозированную демократизацию».

С учетом относительного равенства сил противоборствующих сторон и неопределенности позиции бюрократии и бизнеса после возвращения на президентский пост В.В. Путина выбор был сделан в пользу аппаратного компромисса – сочетания элементов двух вышеуказанных проектов, а идеологический профиль режима, ранее и так весьма размытый, теперь вовсе утратил какие-либо мировоззренческие очертания.

Не исключено, что тактически такая позиция руководства страны была мотивирована – в условиях нараставшего «морального износа» власти и обострения политического противостояния в обществе – целесообразностью сохранения хотя бы относительного единства рядов правящего класса, чтобы не допустить перехода отдельных элитных групп в лагерь оппозиции. Тем не менее такой

«эkleктичный» подход в современных условиях (в отличие от «нулевых») является для власти весьма рискованным.

Во-первых, он не учитывает внешний фактор, а проводимая США кампания по демонтажу «авторитарных режимов» делает вполне вероятным вмешательство Запада во внутренние дела России на стороне «несогласных». И в этой ситуации идеологическая «рыхлость» режима будет играть лишь против него.

Во-вторых, в российском обществе имеется запрос на «концептуальность» проводимого властью политического и социально-экономического курса. Опросы общественного мнения показывают, что большая часть населения России ждет от руководства страны активной позиции и формулирования четких и понятных идеологических приоритетов.

В этом плане «тренд стабильности» фактически исчерпал себя, и в настоящий момент ощущается запрос на перемены, правда, пока еще под эгидой власти. Если же на этот запрос руководство страны не сможет или не захочет ответить, то такая ситуация чревата переходом идеологической инициативы к непримиримой оппозиции.

«Обозреватель-Observer», М., 2012 г., № 12, с. 8–17.

В. Зорин,

доктор политических наук

(Институт этнологии и антропологии РАН)

ИСЛАМСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

События на Арабском Востоке, гражданская война в Ливии, преследование коптских христиан в Египте, возрастающее число этнических и религиозных конфликтов в мире вновь актуализировали вопросы межцивилизационного партнерства и сотрудничества. Вновь зазвучали идеи о якобы неизбежном конфликте цивилизаций как мегатренде развития человечества, вновь возникает тень Самюэля Хантингтона. Согласно его теории, современный мир – это взаимодействие цивилизаций, которое по ряду причин может превратиться в столкновения и войны локального и глобального характера. Основной тезис состоит в том, что различия между цивилизациями огромны и еще долго будут оставаться таковыми. С его точки зрения, цивилизации-метакультуры не схожи по своей истории, образу жизни и, что самое важное, по религиям. У людей

различных цивилизаций отличаются представления о мире в целом, о свободе, о моделях развития, о соотношении индивида и общества, о вере и Боге. основополагающим является положение о том, что межкультурные различия более фундаментальные, чем политические и экономические.

Сегодня в России, формулирующей собственную точку зрения на многие процессы на международной арене, во многом необходимо критически подходить к изыскам западных идеологов, пропагандирующих «универсальные подходы» к складывающимся процессам и возникающим в международной жизни явлениям.

Своим открытием С. Хантингтон считает определение роли и места культурного фактора в мировой политике. При всей важности культурного фактора представляется, что С. Хантингтон искажает его роль, заявляя, будто разные потенциалы политического и экономического развития у разных цивилизаций коренятся в их разной культуре. Например, он утверждает, что именно культурный фактор создает в Восточной Азии трудности с установлением демократических систем. Однако достаточно сравнить Северную Корею и Южную Корею или, например, Гонконг и Тайвань с Китаем, чтобы увидеть, что дело заключается вовсе не в культуре, а в политическом режиме. Столь же сомнительно звучит обвинение исламской культуры в неудаче демократических опытов в мусульманском мире – достаточно сравнить те же Пакистан и Турцию с Сирией или Ираком.

Разнообразие отмечается даже в бывшей советской Средней Азии, где Казахстан гораздо дальше продвинулся по пути развития демократического общества, чем, например, тот же Туркменистан. Между тем С. Хантингтон безапелляционно заявляет, что развитие в посткоммунистических странах определяется, прежде всего, их цивилизационной подосновой: прогресс наблюдается там, где имеется наследие западного христианства. В связи с этим возникает вопрос, можно ли сказать, что, например, Западная Украина продвинулась по пути прогресса дальше, чем Восточная Украина?

Фактически он рассматривал «цивилизации» как необычайно устойчивые общества, неспособные к выработке каких-либо значимых общих культурных элементов. Из этого можно сделать вывод о якобы имманентно присущих их взаимоотношениям взаимном непонимании и враждебности. Следовательно, напряженность между ними объясняется не какими-либо реальными интересами с их своеобразной исторической динамикой, а культурными различиями. Вот почему отдельные эксперты заявляют, что

«проблема для Запада – не исламский фундаментализм, а ислам как иная цивилизация». Такая постановка вопроса крайне неверна и крайне опасна для будущей единой Европы. Тем более она неприемлема для России, где живет 14–16 млн. граждан, представляющих народы, которые придерживаются исламской традиции. Весь исторический опыт нашей страны свидетельствует: возможен не только диалог между христианством и исламом, но и их сотрудничество.

В России, несмотря на стремления некоторых экстремистов с обеих сторон, не удалось спровоцировать раскол между православными и мусульманами. Между тем басаевско-масхадовские сепаратисты, всячески подчеркивающие свою верность исламу и исламской солидарности, ухитрились напасть на Дагестан и получили отпор от местных патриотов, вовсе не желающих становиться частью нового Халифата. Рассчитывая на солидарность в мусульманском мире, чеченские сепаратисты были разочарованы, не получив той всеобъемлющей поддержки, на которую они рассчитывали. Эта неудача постигла балкарских и карачаевских радикалов. Нельзя также не признавать, что ваххабиты не имеют большой поддержки среди российских мусульман. События августа 2008 г. вокруг Грузии – еще один аргумент в пользу несостоятельности конфликта цивилизаций. Православная Грузия осуществила акт агрессии в отношении такой же православной Южной Осетии, но зато в последние годы ею были установлены теплые отношения с мусульманскими странами – Азербайджаном и Турцией.

Вполне очевидно, что всякая умозрительная конструкция подтверждает свою обоснованность, лишь пройдя проверку реальностью. Ремесло предсказателя неблагоприятно. Однако политический опыт и социально-культурная практика подтверждают, что «западноцентристское» мышление как монополия на представления о путях и средствах человеческого прогресса изживает себя, уступая место культурному многообразию.

Другой подход основан на отношении к каждой культуре как к ценности, к источнику взаимного культурного обогащения. Согласно Д.С. Лихачёву, «культура не имеет границ и обогащается в развитии своих особенностей, обогащается от общения с другими культурами. Национальная замкнутость неизбежно ведет к обеднению и вырождению культуры, к гибели ее индивидуальности». Именно наше Отечество сегодня выступает уникальным примером пластической сложноорганизованной системы межкультурного взаимодействия, достойно выдерживающей драматиче-

ские испытания на прочность и вносящей творческий вклад в мировую историю. Как подчеркивал академик А. Гусейнов, диалог культур, партнерство цивилизаций – это сегодня не только теоретические конструкции высшего порядка, но это и повседневность миллионов людей. И именно такой диалог культур особенно характерен для России, и прежде всего для районов Кавказа и Поволжья. По хантингтоновскому определению, эти территории относятся к зонам цивилизационного разлома, где в первую очередь и должны якобы произойти конфликты. Реальная практика населения этого региона есть лучший аргумент против сторонников конфликта цивилизаций. Еще раз сошлюсь на академика Гусейнова, который говорил о пространстве диалога, о контактных зонах культуры.

Я хотел бы иллюстрировать этот тезис на конкретном опыте взаимодействия и взаимной адаптации в этнически смешанных селениях Урало-Поволжского региона.

Территория Приволжского федерального округа является одним из полиэтничных регионов России. Она населена разными по языку и культуре финно-угорскими (мордва: эрзя и мокша, удмурты, бесермяне, марийцы), тюркскими (чуваши, башкиры, татары, в том числе кряшены и мишаре), восточнославянскими (русские, украинцы, белорусы) народами. Этническую палитру дополняют переселенцы конца XIX – начала XX в.: латыши, эстонцы, немцы, евреи, поляки, а также современные мигранты из Средней Азии и Кавказа. Полиэтнический состав населения Волго-Уральской историко-этнографической области определил также ее поликонфессиональность. Здесь проживают последователи традиционных этнических религий (удмурты, марийцы, чуваши), суннитского ислама (башкиры, татары), православного христианства (русские, белорусы, украинцы, мордва, чуваши, кряшены, марийцы, удмурты и т.д.), старообрядчества (русские, мордва), католицизма (поляки, латыши), протестантизма: лютеране (немцы, эстонцы, латыши), баптисты, меннониты (русские, немцы и др.), иудаизма (евреи).

Различные этнические и конфессиональные группы находятся в тесном соприкосновении друг с другом. Между ними происходит интенсивное взаимодействие как на этническом, так и на конфессиональном уровнях, особенно в условиях совместного проживания в одном населенном пункте. За последнее время появилось немало работ, в которых межэтнические отношения рассматриваются, прежде всего, в русле изучения конфликтов. Между

тем российский опыт говорит о том, что между группами людей, которые принадлежат к разным народам и различаются в культурном и языковом отношении, конфликты возникают далеко не всегда. Более того, их мирное сосуществование является скорее правилом, чем исключением. Но дело не только в этом. В процессе контактирования и взаимодействия они осваивают язык и элементы культуры друг друга. В некоторых случаях этнически смешанное селение может оказаться полем формирования особых субкультур, когда в результате межэтнического взаимодействия двух или большего числа этнических групп формируется своеобразный локальный этнокультурный тип, или первоначальный характер групп существенным образом изменяется.

В процессе длительного совместного проживания у представителей разных этнических групп вырабатывается высокий уровень межкультурной компетентности. Этот уровень выступает как фактор хороших отношений между людьми разных национальностей и культур. Процессам такого мирного взаимодействия в последнее время уделялось гораздо меньше внимания, чем проблемам конфликтов. В частности, огромный позитивный опыт такого взаимодействия, происходившего на протяжении столетий и происходящего в наше время на территории России, изучен и освоен далеко не полностью. По-видимому, населенные пункты, где совместно проживают представители разных этнических групп, представляют собой ту социальную среду, где наиболее интенсивно протекают процессы межэтнического и межкультурного взаимодействия. Именно в этой среде наиболее выпукло проявляются многие тенденции и механизмы этнокультурных взаимодействий.

Полевые исследования, проводимые учеными Института этнологии и антропологии РАН в 2006–2008 гг., показали, что состояние межэтнических отношений сами жители определяют как стабильные, дружеские. В подтверждение этого приводят такие факты, как смешанные семьи и трудовые коллективы, совместные помочи и даже совместные праздники. Обе группы отмечают общность в религии и сходство в ключевых элементах праздничной культуры. Так, в календаре и чувашей, и мордвы существуют новогодние праздники с гаданиями, Масленица, Пасха, семицко-троицкий цикл, некоторые элементы похоронно-поминальной обрядности (раздача подарков, ниток, обязательные дни поминовения).

Несомненно, этнокультурному сближению различных народов способствуют межэтнические браки, доля которых, начиная с

2000 г., неуклонно увеличивается. В населенных пунктах ПФО при заключении смешанных браков культурный диалог начинается с процесса сватовства. В селе Наумовка Республики Башкортостан, например, если мордва сватает чувашку, то обряд протекает «по-мордовски», т.е. приносят с собой пирог с творогом *ава ловцо*, который съедают в доме невесты по окончании моления. В том случае, если чуваша сватает мордовскую девушку, то могут также принести пирог, но чаще – купленный в магазине торт. На поминках у чувашей мордва также участвует в ритуале *хывни*, т.е. крошат и складывают кусочки поминальной еды в особую посуду.

Реальностью повседневной жизни населения стал мультилингвизм, когда жители свободно владеют несколькими языками. Так, по данным переписи населения 2001 г., 98% населения РФ владеют русским языком, а более 50 тыс. русских жителей Республики Башкортостан знают татарский, башкирский и другие языки соседних народов. В Татарстане около 80 тыс. русского населения знают языки соседних народов. В ряде исследованных селений межэтнические отношения не всегда складывались гладко с самого начала, и нынешние хорошие, добрососедские и даже дружественные отношения – это результат длительного процесса постепенного сближения и взаимного привыкания. Создание коллективных сельскохозяйственных предприятий, при всей противоречивости и неоднозначности существующих оценок этого процесса с экономической, социальной и моральной точек зрения, ликвидировало важное препятствие на пути интеграции населения этнически смешанных селений. Другим фактором процесса сближения выступало и совместное школьное обучение детей различного этнического происхождения.

В некоторых западных обществах представление о толерантности связывается с желанием переместить из публичной сферы в частную все то, что свидетельствует о культурных различиях, прежде всего религию. Опыт нашей страны в этом отношении демонстрирует иной подход к толерантности. Здесь тот факт, что твой сосед придерживается иной веры, может вообще не мешать их дружеским, а нередко и брачным контактам, что основано на знании обычаев друг друга и уважения к ним. По-видимому, существуют различные способы формирования толерантности, связанные с разными представлениями о том, как именно следует понимать этот термин, что, в свою очередь, основано на некоторых базовых культурных представлениях, в том числе и о границе между сферой частного и сферой публичного.

В «Поволжской декларации», принятой на Международной конференции Совета Европы «Диалог культур и межрелигиозное сотрудничество» в Нижнем Новгороде, отмечалось: «Участники отвергли тезис о том, что в основе сегодняшней нестабильности лежит “столкновение цивилизаций”. В интересах всех культурных, этнических и религиозных сообществ, чтобы подобные обманчивые и провокационные идеи не использовались в качестве фактора политической мобилизации.

Участники конференции отметили также эффективное межкультурное и межрелигиозное сотрудничество на местном и региональном уровнях в Поволжье и России в целом. Совет Европы приветствовал вклад России в разработку политики и практических действий Совета Европы, которые предоставляют в распоряжение стран-участниц свой опыт и ценные механизмы диалога культур. Современная этнополитическая ситуация в России показывает, что проблема межэтнических отношений неизменно остается одной из самых сложных и трудно регулируемых. Поэтому мы как ученые видим свою задачу в том, чтобы обобщить позитивные практики межкультурного сотрудничества, способствовать диалогу цивилизаций в условиях глобализации.

*«Евразийское пространство:
Прошлое, настоящее, будущее»,
М., 2012 г., с. 126–131.*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А. Мартыненко,

доктор исторических наук
(Мордовский государственный
педагогический институт)

МУСУЛЬМАНЕ МОРДОВИИ: ПРОБЛЕМА ПРЕОДОЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО КОНФЛИКТА

Во второй половине 1980-х – начале 2010-х годов в Республике Мордовия, как и в России в целом, происходит активное, бурное развитие конфессиональной жизни. Наиболее влиятельными конфессиями на территории РМ являются Русская православная церковь и мусульманская (суннитская) умма. Однако конфессиональный ландшафт республики весьма разнообразен: представлены многие направления протестантизма (лютеране, баптисты, адвентисты, пятидесятники, др.), есть последователи международного общества сознания Кришны, иудаизма, веры бахаи, ислама шиитского толка, даже небольшая община курдов-езидов.

Необходимо отметить, что неотъемлемой чертой этнополитической и этноконфессиональной жизни современной Мордовии является высокая степень стабильности и толерантности. Однако с начала 2000-х годов и по настоящее время в этой поволжской республике развивается внутриконфессиональный конфликт – конфликт внутри мусульманской уммы Республики Мордовия.

В 2000 г. умма Республики Мордовия, ядро которой составляют татары, разделилась на сторонников двух соперничающих муфтиятов – Регионального духовного управления мусульман (далее – РДУМ) РМ и Духовного управления мусульман (далее – ДУМ) РМ. Данное разделение было изначально связано с противостоянием двух централизованных структур мусульман России: РДУМ РМ стало ориентироваться на Центральное духовное управление мусульман России (ЦДУМ; резиденция в Уфе, воз-

главляет муфтий Талгат Таджуддин), а ДУМ РМ объединило приверженцев Совета муфтиев России (СМР; резиденция в Москве, возглавляет муфтий Равиль Гайнутдин).

Осенью 2008 г. организационный раскол мусульман Мордовии осложнился появлением третьего муфтията – Центрального духовного управления мусульман Республики Мордовия (далее – ЦДУМ РМ). Новообразованную структуру возглавил Фагим Шафиев, выпускник факультета арабского языка Исламского университета Медины (Королевство Саудовская Аравия). ЦДУМ РМ объединило часть мусульман татарских сел Аксеново, Большая Елховка и Татарская Тавла.

Реакция ДУМ РМ и РДУМ РМ на это событие была однозначно и предсказуемо негативной. В беседе с автором статьи тогдашний глава ДУМ РМ муфтий Рашит-хазрат Халиков оценил создание ЦДУМ РМ как фактор, не объединяющий, а напротив, усугубляющий раскол среди мусульман Мордовии. А один из сторонников ДУМ РМ даже применил в отношении рассматриваемых событий арабское название «фитна». Этот термин, возникший еще в эпоху мусульманского Средневековья, обозначает смуты, междоусобицы и гражданские войны внутри исламского сообщества. 20 сентября 2009 г. произошло противостояние между сторонниками и противниками Ф. Шафиева в мечети «Рахимия» села Аксеново Ромодановского района РМ. Противников ЦДУМ возглавил имам данной частной мечети И. Ашимов. В республиканских СМИ этот скандальный инцидент был обойден молчанием. Версия газеты ДУМ РМ «Ислам в Мордовии» звучит буквально следующим образом: «В день праздника, когда сотни жителей села пришли в мечеть, чтобы прочесть праздничную молитву <...>, Шафиев устроил в мечети потасовку и несколько раз собственноручно пытался вытолкать законно избранного имама из михраба. Более часа в Аксеновской мечети бушевали страсти, вместо возвышенного состояния молитвы люди получили грязную ругань и оскорбления». При отсутствии на сегодняшний день полной, объективной и открытой информации об инциденте в мечети «Рахимия», очевидно, что это было первое открытое столкновение между мусульманами Мордовии в связи с образованием третьего муфтията.

12 ноября 2010 г. Саранск посетил религиовед, заместитель руководителя экспертного совета религиозной экспертизы Государственной думы РФ, эксперт Министерства юстиции РФ, директор Центра географии религии, секретарь-координатор Межрели-

гиозного совета СНГ Р. Силантьев, который прочитал публичную лекцию «по мусульманским сектам» в Мордовском государственном университете.

Р. Силантьев известен как автор монографии «Новейшая история исламского сообщества России», которая вызвала достаточно болезненную, негативную реакцию у части мусульман в связи с освещением в этой книге таких проблем современной российской уммы, как соперничество отдельных муфтиятов и распространение идей салафийя (ваххабизма).

Именно салафийя и была посвящена лекция московского гостя. Р. Силантьев привел данные, согласно которым за последние 15 лет салафиты в России физически уничтожили 50 имамов и двух муфтиев, не разделявших их религиозных взглядов, а также шесть православных священнослужителей. По его мнению, в стране стремительно растет число поборников радикального ислама. Примечательно, что в своем выступлении Р. Силантьев дал и характеристику той достаточно сложной ситуации, которая сложилась в мусульманской общине Республики Мордовия в последнее десятилетие.

Лектор открыто поддержал одного из действующих в республике муфтиев, председателя ЦДУМ РМ Ф. Шафиева, одновременно заявив, что «один из трех муфтиев Мордовии поддерживает идеи ваххабизма». Это вызвало острую реакцию присутствовавших на лекции представителей ДУМ РМ. Приведем комментарий самого Р. Силантьева: «Почему-то я никогда не слышал, чтобы муфтий Фагим Шафиев критиковал кого-то из коллег. Зато после сегодняшней лекции представители ДУМ РМ накинулись на меня, стали обвинять в некомпетентности. Я постоянно читаю мордовские газеты и знаю, как они не любят Шафиева, выступающего против религиозной войны и всякого рода арабских проповедников».

Достаточно спорным представляется заявление г-на Силантьева о том, что в Мордовии «появились целые ваххабитские села»: «Знаменитый “Белозерский джамаат” прогремел на весь мир. Его представителя неоднократно задерживали в дальнем зарубежье, в том числе в Пакистане. Неоднократно сталкивались с ним и спецслужбы США». Необходимо пояснить, что речь здесь идет о попытке создания в Мордовии салафитской общины, предпринятой в 1997 г. проповедником Абузаром (Марушкиным), последователем одного из самых радикальных салафитских лидеров Аюба Астраханского. Но, как известно, проповедь Абузара поддержала незна-

чительная часть жителей Белозерья, крупнейшего татарского села РМ; большинство же татар республики сохранили приверженность традиционному для Поволжья исламу ханафитского мазхаба.

Общие выводы Р. Силантьева сводятся к следующему: «Российский ислам болен. В стране 73 муфтия, и у каждого свое понимание религии... Наибольшую опасность представляют именно секты исламского происхождения. Они наиболее агрессивны и не терпят инакомыслия. К тому же большинство пытаются мимикрировать под традиционный ислам... Если государство не вмешается в сложившуюся ситуацию и не поддержит своих истинных союзников в исламском сообществе, то о межрелигиозном мире можно будет забыть».

Реакция тогдашнего председателя ДУМ РМ, муфтия Р. Халикова, на публичную лекцию Р. Силантьева была предсказуемо негативной: «Выступление этого человека еще раз подтвердило его давнюю ненависть к мусульманам... Я думаю, его приезд совсем не способствовал конфессиональному миру и согласию». Визит Р. Силантьева в Мордовию лишний раз отразил сложный характер внутримусульманского конфликта в этой республике, а также чрезвычайную уязвимость, хрупкость межконфессионального согласия в стране, когда резкие оценки в адрес отдельных мусульман со стороны православного, воцерковленного ученого немедленно вызывают протестную ответную реакцию.

В декабре 2010 г. ЦДУМ Республики Мордовия вошел в состав новообразованной всероссийской структуры духовного управления мусульман централизованной религиозной организации «Российская ассоциация исламского согласия» (аббревиатура РАИС; другое название – «Всероссийский муфтият»). В состав РАИС вошли региональные муфтияты (Ставропольского края, Пермского края, Республики Мордовия, Рязанской области, отдельных регионов Урала), позиционирующие себя как независимые, т.е. не входящие в организационные структуры Совета муфтиев России (СМР), Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) РФ, Координационного центра мусульман Северного Кавказа. Председателем (муфтием) РАИС стал муфтий Ставропольского края Мухаммад-хаджи Рахимов.

Своей целью РАИС провозгласила «реальное решение» проблем российской уммы (мусульманской общины / сообщества) в тесном сотрудничестве с российскими властями всех уровней (федеральным центром, региональными властями). Этот муфтият заявил о том, что планирует создание совета улемов, а также своих

структурных подразделений (отделов), которые будут заниматься воссозданием отечественной мусульманской богословской школы, развитием исламского информационного пространства в РФ, экспертизой исламских религиозных изданий.

РАИС сразу заняла критичную позицию по отношению к лидеру СМР, муфтию Равилу Гайнутдину. В частности, его резкие заявления по поводу трудностей со строительством в Москве мечетей были прокомментированы в специальном заявлении РАИС следующим образом: «Мечети можно строить и без скандалов. В таких городах, как Самара, Санкт-Петербург, Чебоксары, Пятигорск и Пермь, наши храмы были построены в благожелательной атмосфере и без протестов со стороны немусульманского населения. Нужно быть готовыми к переговорам и спокойному отстаиванию собственной позиции и, наконец, к разумным компромиссам».

Со своей стороны, муфтий Р. Гайнутдин расценил РАИС как сообщество «грязных людей, кукол и марионеток», как «карманный муфтият». Позицию председателя СМР полностью разделил занимавший в тот период должность муфтия ДУМ РМ Рашит-хазрат Халиков, тем более что в состав РАИС в качестве сопредседателя вошел его главный оппонент, муфтий ЦДУМ РМ Фагим-хазрат Шафиев. Ф. Шафиев в интервью газете «Известия Мордовии» подчеркнул, что лично он не является противником СМР, ЦДУМ РФ, КЦМ Северного Кавказа, при этом отметив следующее: «Но есть достаточно много мусульманских общин, которые не вошли ни в одну из трех централизованных организаций. Это допустимо, ведь в исламской конфессии нет такой строгой иерархии, как в Русской православной церкви. А на местах есть много активных муфтиев, которые проводят большую работу для духовного роста населения, эффективно взаимодействуют с местными органами власти. Так вот, для нашей консолидации и более действенной работы было принято решение обратиться к органам государственной власти с просьбой признать создание четвертого всероссийского религиозного объединения мусульман». В любом случае ЦДУМ Республики Мордовия, до этого находившийся в своеобразной «изоляции», обрел целый ряд «союзных» ему муфтият, объединенных в структуре РАИС.

В апрельском 2011 г. выпуске газеты «Ислам в Мордовии» был опубликован материал «РАИС – без покаяния будущего нет», который отразил точку зрения ДУМ РМ и его тогдашнего председателя, муфтия Р. Халикова, на создание РАИС и участие в ней ЦДУМ РМ и лично Ф. Шафиева. Данная статья, казалось бы, не-

ожиданно начинается с развенчания преступлений и репрессий против религий, в частности – ислама, совершенных в советский период. При этом подчеркивается особая роль в этой политике Ленина: «Мусульмане России очень пострадали от Ленина и его последователей – были закрыты и со временем разрушены подавляющее большинство мечетей, медресе, уничтожены исламские книги, убиты и сгноены в тюрьмах десятки тысяч имамов и простых мусульман, честным трудом зарабатывавших хлеб». А затем в данной статье выдвигается обвинение в приверженности к «ленинским идеям»... Шафиева! Цитата: «Но тем не менее отдельные мусульмане России подкрепляют свои действия не аятами и хадисами, а словами и поступками атеиста Ленина. Так поступает, в частности, Фагим Шафиев, называющий себя муфтием Центрального ДУМ Республики Мордовия...».

Действительно, в глобальной сети Интернет на ряде мусульманских сайтов было размещено интервью Ф. Шафиева, в котором он следующим образом апеллирует к опыту лидера российских большевиков: «В свое время великий Ленин, разоблачивший на Всероссийском совещании Советов рабочих и солдатских депутатов планы Сталина об объединении с меньшевиками, выдвинул кардинальный антитезис о разъединении с ренегатами и лакеями русской буржуазии. 4 апреля 1917 г. он выступил с докладом не об объединении с меньшевиками, а о радикальном разъединении. Каким бы история ни запомнила Ленина, неоспорим тот факт, что он изменил ход мировой истории. Вся суть его доклада состояла в том, что коренным вопросом всякой революции является вопрос о власти. Сегодня то же самое происходит с мусульманской уммой России. Для того чтобы консолидироваться, мусульманам нужно разбежаться и собраться вновь». На наш взгляд, при объяснении необходимости создания ЦДУМ РМ и РАИС, Ф. Шафиев позволил себе признание заслуг и авторитета В.И. Ленина, некорректное для любого религиозного лидера, чем сразу воспользовались его оппоненты из ДУМ РМ.

14 сентября 2011 г. в Саранске прошел меджлис-съезд ДУМ РМ, на котором было объявлено о назначении Р. Халикова на пост представителя (заместителя) председателя Совета муфтиев России (СМР) Равиля Гайнутдина в Приволжском регионе. Новым муфтием ДУМ РМ стал 30-летний имам села Лямбирь, выпускник Российского исламского университета Абдулькарим-хазрат Абдрашитов. К сожалению, дальнейшие события, связанные с новым руководством ДУМ РМ, приобрели трагический характер. 9 ноября

2011 г. А. Абдрашитов погиб в автокатастрофе. 27 ноября новым муфтием ДУМ РМ был избран Ильдус-хазрат (Абдульхакк) Исхаков.

В целом, по мнению автора статьи, формирование РАИС только усилило поляризацию сил в мусульманской умме России в целом и в умме Республики Мордовия в частности. Стороны не слышат друг друга, переговорного процесса нет, допускаются личные выпады, налицо поляризация сил, последствия которых для мусульманского сообщества РФ могут иметь деструктивный характер.

*«Этнополитическая ситуация в России
и сопредельных государствах в 2011 г.»,
М., 2012 г., с. 110–113.*

Олег Цветков,

кандидат философских наук

(ИСЭГИ ЮНЦ РАН)

«ЧЕРКЕССКИЙ ВОПРОС»

В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Понятием «черкесский вопрос» можно объединить актуальные для адыгских (т.е. адыгейских, кабардинских и черкесских) этнических активистов проблемы, которые активно транслируются ими в публичное социально-политическое пространство в форме политических и политически окрашенных требований и находят (или не находят) сочувствие в адыгской этнической среде. Эти требования, суть которых излагается чуть ниже, заметно влияют на политический процесс. Это влияние проявляется по-разному и в широкой амплитуде: от откровенных уступок власти давлению этноактивистов и этнических антрепренеров (в том числе и в ущерб российской государственности и межэтническому согласию) и теплых отношений взаимной поддержки с ними до вытравливания ею отдельных лидеров некоторых адыгских общественно-активных групп из публичного политического пространства.

Основу «черкесского вопроса» составляют представления о Кавказской войне XIX в. как о «геноциде адыгов». А актуальное содержание этого «вопроса» легко фиксируется посредством наблюдения за публичной риторикой этноактивистов, а также за событиями общественно-политической жизни Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и некоторых других мест компакт-

ного проживания адыгов, в том числе и зарубежных. В настоящее время в основное содержание «черкесского вопроса» входят:

– требования к Российской Федерации официально признать геноцид адыгов в годы Кавказской войны (1817–1864);

– требования о переселении в РФ зарубежных адыгов (потомков покинувших пределы своей исторической родины вследствие Кавказской войны), облегчении процедуры получения вида на жительство в РФ и российского гражданства, создании благоприятных условий для адаптации в РФ;

– требования части этноактивистов образовать укрупненный «адыгский» субъект РФ, который объединил бы Адыгею, КЧР, КБР и, возможно, части территорий Краснодарского и Ставропольского краев.

К локальным составляющим «черкесского вопроса» можно отнести:

– требования части черкесов (КЧР) по проведению «справедливой кадровой политики», обузданию «карачаевской этнократии», образованию Черкесской автономной области и ее выделению из состава КЧР;

– требования части кабардинцев (КБР) по сохранению контроля над «кабардинскими землями», недопущению их передачи в состав муниципальных поселений с преимущественно балкарским населением.

К актуально-ситуативным составляющим «черкесского вопроса» можно отнести:

– протесты небольшой части адыгских организаций против проведения в 2014 г. Олимпиады в Сочи («месте геноцида адыгов»);

– требования к РФ обеспечить переселение сирийцев адыгского происхождения в РФ.

Адыгские этноактивисты и общественные организации не всегда едины в своих требованиях. Так, например, кто-то из них может выдвигать в разряд первоочередных задач образование укрупненного «адыгского» субъекта Федерации, а кто-то направить свою активность на требование переселения в Россию иностранных граждан кавказского происхождения. Несмотря на возросшую в последние годы популярность «черкесского вопроса» среди обществоведов (по этой теме проведены десятки конференций и написаны множество статей), его постановка и дальнейшая «легитимация» в научном и общественно-политическом дискурсе нуждаются в оговорках принципиального свойства. Дело в том, что

сама формулировка – «черкесский вопрос» – адресует ко всем черкесам (т.е. ко всем адыгейцам, кабардинцам и черкесам) и как бы указывает на то, что самым актуальным для них и является «вопрос» в изложенной выше редакции. Но на самом деле многие адыгейцы, кабардинцы и черкесы (далее в тексте – адыги) вряд ли рассматривают требования признания геноцида адыгов, переселения на российский Кавказ иностранцев кавказского происхождения и т.п. как самые актуальные для своей частной жизни. Российские адыги живут примерно той же жизнью, что и граждане других национальностей, с примерно тем же набором повседневных проблем (зарплата, дети, жилье и пр.). Таким образом, прижившийся термин «черкесский вопрос» несет в себе, в том числе, и определенный мифогенный, манипулятивный потенциал, что необходимо учитывать при анализе ситуации.

Понимание этого существует у некоторых лидеров Северного Кавказа. Так, критическую позицию в отношении формулировки «черкесский вопрос» занимает глава Кабардино-Балкарии Арсен Каноков. В январе 2011 г. в интервью журналу «Эксперт-Юг» он сказал, например, следующее: «...так называемый черкесский вопрос – это надуманная тема, с ней носятся три-четыре больных человека. Да, была Кавказская война, чего только не было, но мы это уже забыли давно, мы живем завтрашним днем. Выйдите на улицу, спросите людей, волнует их это или нет. Это волнует почему-то центральную прессу и некоторых “аналитиков”». Критически отзывались о наличии «черкесского вопроса» и руководители Карачаево-Черкесии. Понятно, что руководители республик в силу своего должностного положения склонны скорее микшировать имеющиеся проблемы, избегая их острых постановок. Однако их сдержанность и критичность в отношении формулировки «черкесский вопрос» обоснована и правомерна.

Актуальным содержание «черкесского вопроса» является преимущественно для этнических антрепренеров, активистов и этноидеологов, концентрирующихся в этнических организациях или вокруг них. Социологических замеров их реального влияния на население республик, осведомленности жителей об их деятельности нигде, за исключением Адыгеи, не проводилось. В Адыгее же социологическое исследование показало низкую степень осведомленности адыгейского населения о деятельности этноактивистов и общественных (этнических) организаций и небольшое количество их последователей.

Особняком стоят зарубежные адыгские организации. В СМИ можно найти о них разную информацию: как об их заверениях в лояльности современной России, так и призывах к освобождению Кавказа от «российской оккупации». Адыгские организации объединяет «категорический императив» служения своему народу, т.е. этническому, а не гражданскому целому. Гражданские инициативы, не сопряженные с этничностью, для них не характерны. Однако в политическом процессе этнический ресурс используется ими очень эффективно. Идейно-идеологической основой этого ресурса и служит изложенная выше интерпретация «черкесского вопроса». Ее политическая сущность выражается в стремлении обеспечения особого политического статуса адыгских этногрупп, а также политического этногруппового доминирования в рамках «своей государственности», т.е. «своих» республик.

Главной политической особенностью «адыгских» республик (как, впрочем, и многих других «национальных» республик) является то, что раздел власти производится здесь не между политическими партиями и иными «надэтническими» акторами, а между «национальностями». В Адыгее и Кабардино-Балкарии преимущественное положение в республиканской власти и фактический контроль над ней неизменно получают адыгейцы и кабардинцы соответственно (в Адыгее – несмотря на то, что люди неадыгейской национальности составляют 75% населения). Хотя исключением является Карачаево-Черкесия: здесь черкесы находятся в значительном численном меньшинстве, и усилия этноактивистов и их последователей направлены на то, чтобы «закрепить» за черкесами определенные должности. Утилитарно-политическая роль различных аспектов «черкесского вопроса» при разделе современной власти особенно ярко проявляется в Адыгее. Когда этническим активистам говорят, что абсолютное доминирование адыгейцев в республиканской власти при их численном меньшинстве в составе населения республики не очень справедливо, то на это обычно отвечают, что адыгейцы стали меньшинством на своей исторической родине не по своей вине, а в результате Кавказской войны. Таким образом, фактическая разница статусов этнических групп (адыгейцев и неадыгейцев) оправдывается и объявляется чем-то вроде легитимной позитивной дискриминации, обеспечивающей адыгейцам гарантии для сохранения этнического своеобразия и культурного развития. Хотя, разумеется, такая легитимация политического доминирования не является официальной, поскольку здесь все еще помнят о наличии Конституции РФ, про-

возглашающей равенство прав граждан независимо от их национальности, пола, религиозной принадлежности и др.

На региональный политический процесс большое влияние оказывает политика федерального центра. За последние 20 лет она претерпела существенные изменения. Однако, если иметь в виду фактическое проведение политики «ублажения народов» посредством негласного дарования прав на приоритетное получение должностей людьми титульных национальностей, то можно сказать, что оно во многом осталось прежним. В Москве, очевидно, полагают, что приоритетное наделение должностями граждан «главной» титульной национальности в «национальных» республиках способствует «умиротворению» данного народа и его лояльности. Действительно, нахождение на высокооплачиваемых должностях, позволяющих многим чиновникам получать еще и большие дополнительные, в том числе коррупционные, доходы, в какой-то мере купирует этнический национализм и другие потенциально разрушительные для российской государственности формы социальной активности. Проблема, однако, состоит в том, что невозможно обеспечить высокооплачиваемыми должностями всех граждан титульной национальности, так как количество должностей в несколько порядков меньше их численности. Таким образом, приоритетное распределение должностей среди них не решает всех проблем, в том числе и проблемы искомой тотальной лояльности.

Для понимания внутренней «политики» в большинстве российских «национальных» республик и роли в ней различных версий этнических идеологий (этнических «вопросов») надо осознавать, что могущественными акторами социально-политических процессов выступают здесь «этнопартии». То есть совокупность индивидов с ярко выраженной и нередко гипертрофированной этнической самоидентификацией, занимающих статусные позиции в социальной структуре, связанных между собой сетевыми отношениями взаимной поддержки и способных мобилизовать на активные массовые акции членов своей этнической группы. В рамках сетевых этнопартийных отношений реализуется множество индивидуальных и групповых интересов – от личного обогащения до удовлетворения других, каких угодно амбиций. В состав этнопартии могут входить люди разных национальностей, признающие правила ее игры, но ее этническая основа всегда сохраняется. На внешнем, чисто формальном плане все постсоветское время сохранялись некоторые, преимущественно имитационные, формы и

структуры общегражданской активности. Однако в республиках она всегда пульсировала вокруг этнических оснований. В настоящее время эволюция этнопартии продолжается. Эти дополитические (потестарные) образования обрели устойчивость и «институциональность», несмотря на формальное господство официальной, как бы «не имеющей национальности» бюрократии и наличие в республиках отделений федеральных политических партий. Этнопартии осуществляют свое господство поверх всех других институтов, в том числе государственных и партийно-политических, которые, как правило, им подчинены или адаптированы к их интересам. Наличие формальных демократических и правовых процедур сочетается с их неформальным контролем над этими институтами. Идеино-консолидирующей основой этнопартии и выступают различные версии «этнических вопросов».

Первым официальным государственным документом, содержащим в себе положения о фактически официальном признании геноцида адыгов, было Постановление Верховного Совета Кабардино-Балкарии от 7 февраля 1992 г. Затем последовало обращение президента Адыгеи и Государственного совета – Хасэ этой республики от 29 апреля 1996 г. в Государственную думу с предложением «дать правовую оценку акта геноцида, совершенного царизмом в отношении адыгского (черкесского) этноса». В рамках программы решения черкесского вопроса о зарубежных соотечественниках в 90-е годы XX в. в Адыгее и Кабардино-Балкарии были приняты республиканские законы, которые в нарушение действующего федерального законодательства предполагали облегченный порядок переезда зарубежных адыгов на Родину их предков и последующую легализацию в Российской Федерации, включая получение российского гражданства.

Активисты общественных организаций массово призывались на государственную службу в систему республиканских органов власти, где легко шагали вверх по карьерным ступеням. Многие этнические активисты из числа членов общественных организаций занимали ведущие позиции в вузах и научно-исследовательских институтах, где использовали свое служебное положение для эксплуатации «черкесского вопроса».

Ситуация несколько изменилась в первом десятилетии XXI в. Масштабная и принципиальная политическая кампания федеральной власти по приведению регионального законодательства в соответствие с федеральным, переход к стратегии жесткого подавления северокавказского вооруженного подполья, обуздание

наиболее откровенных сепаратистов из числа этнических активистов и другие меры федеральной власти были восприняты большинством российских адыгских организаций как предупреждение. Тональность большинства адыгских общественников стала более умеренной, а инициативы – более сдержанными.

Это предопределило последующую дифференциацию общественных организаций на, условно говоря, конформистские и неконформистские. Конформизм заключался в том, что организации, услышавшие сигнал федеральной власти о нежелательности эксплуатации темы геноцида и некоторых других вопросов, снизили свою публичную активность в этом направлении. Но другая (меньшая) часть этнических активистов, недовольная конформистской позицией своих бывших идейно-политических соратников, образовала неконформистские организации. К числу последних можно отнести Черкесские конгрессы Адыгеи, КЧР и КБР, Хасэ (КБР) и некоторые другие. Они вопреки «пожеланиям» федеральной власти развили большую активность по продвижению требования официального признания геноцида (в том числе и на международном уровне), выступили против проведения в Сочи Олимпиады, усилили интенсивность своих контактов с подобными им зарубежными адыгскими организациями и проживающими за рубежом этническими активистами, а также с зарубежными учеными, журналистами и иными лицами, поддерживающими требования по решению «черкесского вопроса».

Наиболее заметными их акциями были: Обращение Черкесского конгресса Адыгеи по вопросу о необходимости признания геноцида адыгов в годы Кавказской войны к Государственной думе Федерального Собрания РФ (25 июня 2005 г.), к Председателю Госдумы РФ Борису Грызлову (23 октября 2005 г.), к Президенту РФ Владимиру Путину (28 октября 2005 г.); Обращение 20 адыгских (черкесских) организаций из девяти стран мира в Европарламент (11 октября 2006 г.). Примерно с 2008 г. в деятельность радикальных адыгских движений стала активно вовлекаться национальная молодежь Москвы, КБР, КЧР, Адыгеи, Ставропольского и Краснодарского краев. Стали проследиваться тенденции ее дальнейшей радикализации, создания неформальных общественных объединений ярко выраженной протестной направленности («Форум черкесской молодежи» и др.).

Признание геноцида активно лоббируется зарубежной адыгской диаспорой, члены которой проводят митинги и пикеты у зданий зарубежных российских представительств, офисов между-

народных организаций, в период проведения международных мероприятий (например, на Олимпиаде в канадском Ванкувере и в июле 2012 г. – на Олимпиаде в Лондоне). В 2010 г. в Тбилиси была проведена конференция «Скрытые нации, непрекращающиеся преступления: Черкесы и народы Северного Кавказа между прошлым и будущим», участники которой обратились к парламенту Грузии с призывом официально признать геноцид. 20 мая 2011 г. парламент Грузии принял резолюцию о признании геноцида черкесов (адыгов), совершенного Российской империей в Кавказской войне. Можно предположить, что по мере приближения Олимпиады Грузия будет также стимулировать протесты против Сочинской Олимпиады-2014, которая будет проводиться в непосредственной близости от ее «оккупированных территорий» (Абхазии). А такие протесты есть и в адыгской среде.

Решение Международного олимпийского комитета провести зимние Олимпийские игры 2014 г. в Сочи активно обсуждается лидерами и активистами адыгских общественных организаций. Сочи и его предместья ассоциируются в сознании многих из них с Кавказской войной. Близ Сочи проходили ее последние бои, а в районе Красной Поляны, где также планируется проведение олимпийских состязаний, 21 мая 1864 г. состоялся парад войск Российской империи в честь победы над северокавказскими горцами. Поэтому город Сочи и его предместья некоторые активисты характеризуют как «место геноцида» адыгов (здесь делается, вероятно, расчет на то, что Олимпийская хартия запрещает проведение Игр в местах массового уничтожения людей). Особый цинизм олимпийским планам, по их мнению, придает то, что год проведения Олимпиады совпадает с трагическим юбилеем – 150-летием со дня окончания Кавказской войны. Указанная позиция изложена во множестве источников, и в частности на интернет-сайте «anti-sochi» («анти-Сочи»). Наиболее последовательны в протесте против Олимпиады представители трех организаций с одинаковым названием – Черкесский конгресс (ЧК Адыгеи, ЧК КБР и ЧК КЧР). Против Олимпиады высказываются также отдельные представители иных российских адыгских общественных организаций. Но при этом они подчеркивают, что выражают свое частное мнение (а не организаций).

Большинство же российских адыгских организаций не препятствуют и не планируют препятствовать проведению Игр. Они ограничиваются лишь настойчивыми пожеланиями отразить в них адыгский культурно-этнический компонент. В пример часто при-

водится зимняя Олимпиада в канадском Ванкувере, в оформлении которой была использована символика коренного населения Канады – индейцев. Тем не менее в преддверии Олимпиады можно говорить о наличии некоторых рисков – возможной мобилизации части радикально настроенных против нее молодых людей, способных организовать акции протеста в России и за рубежом. В целом же вероятность широкого черкесского (адыгского) протеста против Олимпиады внутри России мала. Но она может быть спровоцирована геополитическими конкурентами России, преследующими свои цели. Некоторые зарубежные адыгские организации протестуют против Олимпиады («Черкесский культурный институт», Нью-Джерси, США; «Черкесский научно-исследовательский институт ТИМ», Германия; некоторые черкесские организации Израиля и др.). В 2010 г. зарубежные адыги провели пикеты (малочисленные, до 10–20 человек) в Ванкувере (Канада), Нью-Йорке (США), Германии и Израиле. Самыми многочисленными протестные акции зарубежных кавказцев были в Турции. В июле 2012 г. в Лондоне, где проходили XXX летние Олимпийские игры, небольшая группа зарубежных адыгов протестовала против проведения Игр в Сочи.

Динамика активности российских адыгских общественников и ее направленность, вероятнее всего, не изменятся в предстоящее до Олимпиады время. Большинство организаций будут воздерживаться от протестов против проведения Игр, а «непримиримое» меньшинство будут протестовать. Иная ситуация прогнозируется за рубежом. В отдельных странах Запада, вероятнее всего, возможны только локальные протесты. В Грузии протест против Олимпиады может быть инициирован руководством этой страны и собрать значительное количество людей. Массовым протест может оказаться также в Турции.

Важнейшим средством коммуникации адыгских активистов по олимпийской тематике и по многочисленным аспектам «черкесского вопроса» является Интернет. Они проявляют в нем большую активность, где продолжают разработку и детализацию «черкесского вопроса», намечают проведение различных акций и согласовывают их. В настоящее время можно говорить о таком специфическом феномене, как интернет-адыгство, объединяющем большое количество людей, преимущественно молодежь. Адыгские интернет-ресурсы являются ярко выраженным образцом этноцентризма.

Группы пользователей Интернета по «черкесскому вопросу» объединяются вокруг:

- интернет-порталов, где выложены альтернативные советской и российской историографии источники и материалы по черкесской истории и современной политике (один из самых популярных сайтов – «Адыги.ру», многоязычный информационный портал);

- источников новостей (например, вокруг информационного агентства «Кавказский узел», которое предоставляет пользователям возможность обмениваться мнениями о событиях в разделе «комментарии»);

- форумов, на которых активисты обсуждают материалы, размещенные на информационных сайтах. Черкесские веб-форумы – это пространство, где формируются стратегии и принимаются решения; именно там виртуальная реальность соприкасается с внешним миром. Активисты обсуждают, какие политические шаги им следует предпринять, а после совершения конкретных действий происходит их оценка. Один из самых посещаемых – многоязычный информационно-аналитический веб-портал «Элот.ру» (www.elot.ru). Он превратился в политическую трибуну черкесского молодежного движения. На нем размещены выступления официальных лиц по адыгской проблематике, мнения формальных и неформальных лидеров черкесского народа, статьи российских и зарубежных политологов по черкесской проблематике, а также решения съездов, форумов, встреч черкесской молодежи;

- социальных сетей. В них созданы группы пользователей, в которых происходит активное обсуждение положения адыгов. Аудитория подобных групп широка. Так, в социальной сети «ВКонтакте» в группу «Черкесов (адыгов) ВКонтакте» входит более 5 тыс. постоянных участников.

Таким образом, «черкесский вопрос» и обусловленные им текущие этнополитические процессы получают сильные импульсы из Всемирной сети.

В то же время «ответ» Российского государства на «черкесский вопрос» является неудовлетворительным. Как показывает практика, работающие в республиках федеральные и республиканские чиновники предпочитают не возражать против концепции «геноцида адыгов», а напротив, искать благосклонности этнических антрепренеров, бесконечно будирующих «черкесский вопрос». Это проявляется, в частности, в том, что чиновники проводят с ними рабочие встречи, приглашают на различные круглые

столы и другие «респектабельные» мероприятия, имитирующие деятельность по решению «национальных вопросов». Тем самым из этнических антрепренеров, многие из которых не пользуются реальным влиянием, искусственно конструируются легальные политические игроки. Содействие их деятельности может способствовать тому, что они и на самом деле дорастут до влиятельных игроков и, не исключено, начнут стремиться подменять собой официальные органы власти, как это уже случалось на постсоветском Кавказе. Как представляется, государственные служащие, курирующие внутреннюю политику и способные отражать точку зрения Российского государства на актуальные для адыгов исторические и современные события, должны перестать молчать и выступить с конкретными заявлениями и тезисами, отражающими российские национальные интересы.

*«Проблемы социально-экономического
и этнополитического развития южного макрорегиона»,
Ростов н/Д., 2012 г., с. 131–137.*

Светлана Аккиева,

доктор исторических наук

(Институт гуманитарных исследований

Правительства КБР и КБНЦ РАН)

ЖЕНЩИНЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯХ

В настоящее время женщины в республиках Северного Кавказа составляют: в Дагестане – 51,9%, в Республике Ингушетия – 55,3, КБР – 53,3, КЧР – 53,8, Северной Осетии – Алании – 53,8, Чеченской Республике – 50,9%. Несмотря на преобладание численности женщин над мужчинами, в два последних десятилетия в РФ в целом и в республиках Северного Кавказа доля женщин в занятом населении снижается.

Труд, образование и безработица. Глобальные социально-экономические и политические трансформации в России последних десятилетий в значительной мере изменили положение женщин, особенно в сфере труда и образования. Участие женщин в общественном производстве различалось в зависимости от региона Северного Кавказа. В разных регионах Северного Кавказа различно участие женщин в общественном производстве.

В республиках Северного Кавказа уровень образования женщин выше, чем уровень образования мужчин. В целом же уровень образования населения Северо-Кавказского федерального округа ниже, чем в среднем по стране: в округе меньше доля лиц с профессиональным образованием и больше доля лиц с общим образованием и без образования. При этом отдельные субъекты округа выделяются на фоне остальных. В Карачаево-Черкесской Республике и Республике Северная Осетия-Алания доля лиц с высшим и послевузовским профессиональным образованием выше, чем в среднем по России, – 25 и 27% соответственно против 23% в среднем по стране. А в Республике Ингушетия и Чеченской Республике самый высокий показатель не имеющих образования – из каждой тысячи человек в возрасте 15 лет и более, указавших уровень образования, 35 человек в Ингушетии и 26 человек в Чечне не имеют начального общего образования (в России таких людей шесть на каждую тысячу).

Юноши чаще, чем девушки, оставляют школу, не окончив ее полный курс, т.е. останавливаются на уровне 8–9 классов. Уже в начале 90-х годов уровень образования у женщин был выше, чем у мужчин. Анализ состава студентов государственных вузов республик Северного Кавказа показал, что с 1995 г. неуклонно повышалась доля студентов-девушек, обучающихся на факультетах, которые считались традиционно мужскими, в том числе: математики, физики, информатики, экономики, юриспруденции, инженерно-технических специальностей и др. При этом доступ к высшему образованию и овладению «мужскими» профессиями женщины рассматривают не только из экономических соображений, а уже как неотъемлемую часть их общекультурного развития и «брачного капитала».

Но несмотря на высокий уровень образования и квалификацию, женщины остаются одной из наиболее уязвимых категорий на рынке труда. Это, в первую очередь, связано с тем, что во всех республиках на рынке избыточное предложение мужской рабочей силы, что ведет к выдавливанию женщин с рынка труда. Так, в КБР с 1995 по 1998 г. численность занятых женщин уменьшилась более чем на 14%. В соседней Ингушетии к началу 2006 г. доля женщин среди занятых снизилась до трети (34%), это самый низкий показатель в стране.

Рынок труда к женщине жестче, дискриминация женщин на рынке труда усилилась. На институциональном уровне фактор пола сказывается самым непосредственным образом: подавляющее

большинство женщин, ищущих работу, сталкиваются с откровенной дискриминацией. Женщин в первую очередь увольняют при сокращении штатов, им сложнее найти работу из-за негласной дискриминации по половому признаку (работодатель предпочтет взять на работу мужчину, так как он не будет уходить в декрет или же брать больничный из-за болезни ребенка или другого члена семьи). На протяжении последних двух десятилетий доля женщин в структуре зарегистрированных безработных по республикам Северного Кавказа остается выше, чем мужчин.

Еще в советские годы женщины зарабатывали меньше мужчин, и эта тенденция сохраняется в постсоветский период. Усиление в 90-е годы XX в. межотраслевой дифференциации оплаты труда наиболее существенно отразилось на оплате труда женщин, в силу того, что женщины преобладали в таких отраслях, как текстильная, швейная, пищевая, а также в образовании, культуре, медицине, где заработная плата невелика. С началом реформ выросла численность женщин в банковской и финансовой сферах республик, однако среди руководящих кадров этих подразделений удельный вес женщин невелик. С 90-х годов XX в. отмечается расширение женской занятости, особенно в сфере предпринимательства и бизнеса. По разным оценкам, доля женщин в общем числе предпринимателей составляет от 20 до 30 и даже 40%. В основном женщины заняты средним и мелким бизнесом. Становление женского бизнеса происходит во многом за счет инициативы самих женщин, а не в результате действия специальных государственных программ. Хотя государство вплоть до последнего времени много и охотно высказывалось в пользу женского предпринимательства, конкретных шагов для его поддержки оно так и не предприняло. Женский бизнес ориентирован в основном на сферы традиционной женской занятости – розничную торговлю, бытовые услуги, здравоохранение, культуру, науку. Китайские и турецкие товары негативно отразились на развитии исконных промыслов кавказских народов – изготовлении шерстяных изделий. Эти промыслы традиционно составляли существенную статью дохода семьи. Однако, несмотря на экономические катаклизмы, переработка шерсти и изготовление различных изделий (носки, варежки, свитера, детские изделия и многое др.) и их сбыт сохраняют свое важное значение. При этом в надомном производстве принимают активное участие все женщины – от малолетних детей до старушек. Во всех местах, которые посещают туристы в КБР и КЧР, – Приэльбрусье, Чегемские водопады, Голубые озера, Архыз, Дом-

бай и др. – действуют рынки, на которых продаются изделия народных промыслов из шерсти и кожи, многие из них высокохудожественны. Изготовлены они в основном женскими руками. Активно занимаются женщины и бизнесом, они мало представлены в крупном бизнесе, но в среднем и мелком их доля растет год от года.

Место и роль в семье. Условия формирования семьи стали меняться с приходом советской власти. В рамках происходивших в стране коренных преобразований общественных устоев и социальной жизни особое значение приобрели мероприятия в области просвещения, образования и культуры: создание национальной письменности, обучение русскому языку, ликвидация неграмотности, открытие культурно-просветительских учреждений и т.д. Эти новые возможности осваивались преимущественно мужчинами, несмотря на усилия властей по вовлечению женщин в общественную и экономическую жизнь. Несмотря на гомогенизирующие эффекты советской гендерной политики, сохранялось традиционное разделение труда между полами, предполагающее мужчине управление обществом, женщине – дом, семья.

На Северном Кавказе женщины продолжали жить согласно традиционным нормам, их влияние и участие в общественной жизни было невелико. И в настоящее время у народов Северного Кавказа сохраняется традиционная модель семьи, в которой преимущество отдается мужчине, т.е. он является главой семьи и «добытчиком». Сохраняется неравенство между мужчиной и женщиной в ведении домашнего хозяйства, уходе за детьми и престарелыми родственниками. Все эти работы ведет в основном женщина. В настоящее время развитие рыночных отношений сработало таким образом, что на ролевые позиции «кормильца семьи» вышли женщины, при этом они, формально не отнимая у мужчины роль «главы семьи», укрепляют свои позиции, свой вес и авторитет. В итоге экономическая независимость женщины вместе с ослаблением позиции мужчины-добытчика выступает грозной силой, разрушающей вековые традиции патриархальных устоев общества. Это разрушение происходит не под влиянием принудительного воздействия, как это было в начале гендерной политики Советского государства, а изнутри, вследствие трансформации всей социальной, экономической и политической системы общества.

Права в вопросе воспроизводства и здоровья. Негативные процессы 90-х годов проявились в полной мере и в системе охраны здоровья женщины и в младенческой смертности. По данным медиков, в 2006 г. коэффициент младенческой смертности соста-

вил в КБР 16,1 на 1000 родившихся, а в Ингушетии, Дагестане и Чечне младенческая смертность была значительно выше. Несмотря на сохраняющийся рост детской смертности, почти все республики характеризуются относительно высокой рождаемостью. В Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии суммарный коэффициент рождаемости составляет от 1,62 (Северная Осетия) до 1,74 (Кабардино-Балкария) ребенка на женщину. В Дагестане, Чечне и Ингушетии этот показатель выше. Показательна доля рождений третьего, четвертого, пятого и последующих детей: в Дагестане – это более 30% всех рождений, в Ингушетии – около 51%. Во всех республиках Северного Кавказа духовенство становится реальной и авторитетной силой. Функцию женщины они видят в повышении рождаемости. Меняется отношение общества к роли женщины и ее функции в обществе, главной задачей женщины считается рождение и воспитание детей.

Политическое представление. В советский период существовала система квот, которая регулировала половой состав законодательных, исполнительных органов власти. Но времена квоты давно уже в прошлом. По мнению исследователей, участие женщин в политике не волнует большинство женщин. Женщины России, отмечая неравенство шансов мужчин и женщин в доступе к политической деятельности, пока еще не осознают особой необходимости в том, чтобы менять ситуацию.

Гендерные вопросы, феминизм. В странах Запада признание проблематики прав женщин в качестве неотъемлемой составной части прав человека прошло несколько этапов. Впервые о своих претензиях на роль полноценных гражданок женщины заявили в ходе буржуазных революций, которые можно назвать еще и революциями «права», «правосознания». Затем, в ходе промышленных революций, женщины в массовом порядке оказались втянутыми в общественное производство, что вынудило их добиваться равноправия уже в сфере социально-экономических отношений. Позднее наступает время культурных революций, изменяющих подход к репродуктивным функциям женщин, взгляды на любовь, рождение детей, семейную жизнь. Более двух столетий женщины отвоёвывали для себя, условно говоря, три группы прав – политические (гражданские), социально-экономические и репродуктивные права, которые могли бы позволить им рассчитывать на социальный статус, сопоставимый по основным параметрам с мужским.

Несколько иначе происходила феминизация общества на Северном Кавказе. Фактически как такового феминистского движе-

ния на Северном Кавказе никогда и не было. Вопросы равноправия женщины решались не под давлением женского движения, которого не существовало в природе, а спускались государством законодательно. В итоге, получив права, к которым женщины Кавказа не были готовы, они оказались в худшем положении, чем «под гнетом мужчин». Вся предшествующая история и культура была выстроена в соответствии с мужским видением мира, с мужскими вкусами, предпочтениями – мир «маскулинизирован». И это видение сохранилось как у мужчин, так и у женщин. До настоящего времени это положение сохранялось, однако трансформационные процессы последнего времени постепенно меняют ситуацию в этой сфере.

В республиках Северного Кавказа идет процесс перехода от моногамной семьи к полигамной. Еще в 1999 г. в парламенте Кабардино-Балкарии при обсуждении проекта Семейного кодекса один из депутатов внес предложение о введении института многоженства в республике. Эта тема неоднократно поднималась на страницах печати как в Кабардино-Балкарии, так и в других северокавказских республиках. В последнее время эта тема активно обсуждается на интернет-форумах. Определенная часть женщин и мужчин одобрительно относятся к многоженству, считая, что это решит многие проблемы, в том числе демографические.

В республиках Северного Кавказа возникли несколько десятков женских общественных организаций, которые решают самые разные вопросы – от политических до культурных. В КБР женские общественные организации «Адиух», «Сатаней», «Женщины Балкарии» отпочковались от национальных движений и по сути продолжали политику, проводимую национальными движениями. В последние годы идет процесс образования общественных женских организаций нового типа, которые направлены на защиту и отстаивание интересов женщин, детей, социально незащищенных групп населения (беженцев, мигрантов и т.д.). Хотя в их учредительных документах нет упоминания феминизма и защиты прав женщин, тем не менее их практическая деятельность направлена на защиту женщины от насилия в семье, дискриминации по полу и т.д.

*«Гуманитарные, социально-экономические
и общественные науки»,
Краснодар, 2012 г., № 5, с. 247–250.*

Ирина Федоровская,
старший научный сотрудник
(ИМЭМО РАН)
**ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-
АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В СВЕТЕ ЗАКРЫТИЯ ГАБАЛИНСКОЙ РЛС**

12 декабря 2012 г. истек срок действия договора между Российской Федерацией и Республикой Азербайджан об условиях аренды радиолокационной станции, расположенной в городе Габала. Стороны не сумели договориться о пролонгации договора, поскольку азербайджанская сторона выставила неприемлемые для России условия, увеличив арендную плату с 7 до 300 млн. долл. в год, т.е. в 43 раза. (Для сравнения – за все свои базы в Средней Азии, в том числе Байконур, Россия ежегодно платит 160 млн. долл.) В Габале расположена РЛС типа «Дарьял». Она была введена в строй в 1985 г. и являлась элементом системы ПРО СССР. После распада Союза Россия и Азербайджан долго не могли урегулировать свои отношения относительно принадлежности РЛС. Лишь в 2002 г. стороны договорились о том, что РЛС является собственностью Азербайджана, но передается России в аренду сроком на десять лет, о чем и был заключен соответствующий договор.

На протяжении 27 лет Габалинская РЛС являлась важной частью военно-стратегического потенциала сначала СССР, а потом и России, осуществляя мониторинг воздушного пространства на южных рубежах страны. Однако знаменита она еще и тем, что сыграла определенную роль в российско-американских отношениях. В 2007 г. именно эту РЛС российское руководство предлагало американской стороне использовать совместно для слежения за иранским воздушным пространством вместо размещения американских радаров в Чехии. С военной точки зрения, как полагает большинство экспертов, утрата Габалинской РЛС не является серьезным ударом по обороноспособности РФ. После ввода в строй РЛС нового поколения «Воронеж» в Армавире габалинская станция утратила свое эксклюзивное значение. За 20 лет независимости Россия потеряла три РЛС – одну в Латвии и две на Украине, однако никаких серьезных военных последствий это за собой не повлекло. Утрата этих РЛС всегда имела в большей мере политическое значение, чем военное, что в полной мере относится и к Габале.

Неуступчивость Баку в вопросе продления аренды РЛС несомненно является политическим шагом, направленным на вытеснение российских военных с территории Азербайджана. На первый взгляд, это вполне укладывается в ту политику равноудаленности и многовекторности, которую стремится проводить

руководство республики и основы которой заложил еще Гейдар Алиев.

Являясь страной, экономика которой практически полностью завязана на экспорте энергоносителей, Азербайджан кровно заинтересован в стабильности в регионе для беспрепятственного транзита нефти и газа, в диверсификации этого транзита, а также в серьезных партнерах для развития своего нефтегазового комплекса. В этой связи для Баку важно поддерживать ровные и стабильные отношения с соседями по региону, такими как Грузия, Турция, Иран и – едва ли не в первую очередь – с Россией, а также с западными партнерами в лице США и Евросоюза.

При этом Азербайджан не отдает приоритет какому-то одному направлению. Видя в России серьезного экономического партнера и понимая, какую роль Москва играет в Кавказском регионе, Баку тем не менее сумел найти оптимальную, с его точки зрения, дистанцию от своего северного соседа, которая долгое время позволяла ему тесно сотрудничать с другими партнерами, не вызывая раздражения российской стороны и не ставя под удар взаимовыгодные экономические проекты.

Азербайджанское руководство всегда и везде подчеркивает, что является сторонником гибких региональных альянсов, но к участию в интеграционных проектах не стремится. Так, республика довольно тесно сотрудничает с НАТО в военно-технической сфере, однако никогда не заявляла о своем намерении стать членом этой организации. Той же позиции она придерживается и в отношении ЕС. Азербайджан является участником соглашения о Восточноевропейском партнерстве, но о вступлении в Евросоюз даже не помышляет. Как уже отмечалось, Азербайджану удается, хотя и с переменным успехом, поддерживать добрососедские отношения и с Ираном. Более того, Баку претендует на роль «политического моста» для организации диалога между Западом и этой исламской республикой.

То же относится и к Турецкой Республике. Изначально отношения между Баку и Анкарой были весьма напряженными. Турция, где до сих пор популярны идеи пантюркизма, претендовала на доминирующую роль в регионе, что вызывало неприятие в Азер-

байджане. Пересмотреть свои позиции в двусторонних отношениях с целью их улучшения оба государства заставила энергетическая составляющая. Сегодня Азербайджан и Турция совместно реализуют важнейший проект строительства Трансанатолийского газопровода, пришедшего на смену «Набукко». Таким образом, по мнению директора Центра по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве при МГУ А. Власова, Азербайджан можно назвать единственным на постсоветском пространстве государством с разновекторной внешней политикой.

До последнего времени Габалинская РЛС не мешала Азербайджану следовать выбранным внешнеполитическим курсом. США не только не возражали против присутствия российской РЛС на территории Азербайджана, но, напротив, были совсем не против лишнего «глаза», наблюдающего за Ираном. Иранское руководство, в свою очередь, также никогда не высказывало беспокойства по поводу Габалы, а если в ирано-азербайджанских отношениях возникало напряжение, то отнюдь не РЛС была тому причиной.

Что же заставило Баку пойти на столь демонстративный демарш? Ведь до последнего времени отношения между Россией и Азербайджаном развивались достаточно ровно. У стран не было ни территориальных, ни финансовых претензий друг к другу, в последние годы имел место быстрый рост товарооборота, достигавший 30–40% в год. К тому же, судя по всему, российское руководство давно смирилось с мыслью, что Азербайджан вряд ли когда-нибудь присоединится к ОДКБ или Таможенному союзу. Правда, отношения Баку и Москвы никогда нельзя было назвать безоблачными. Определенные противоречия между соседними государствами существовали всегда и касались они прежде всего транзита газа. Москва ревниво относится к планам строительства Транскаспийского газопровода из Туркмении в Азербайджан, который позволил бы транспортировать туркменский газ на европейские рынки в обход России. К тому же Азербайджан, как уже отмечалось, реализует проект Трансанатолийского газопровода для транзита своего газа в Европу, создавая конкуренцию российскому «Южному потоку». Однако газовые проблемы – это, скорее, проблемы России. С точки зрения транзита газа именно Москва, а не Баку, должна искать возможности давления на соседнее государство для защиты своих позиций в регионе в энергетической сфере. ИРЛС здесь совсем ни при чем.

Однако существует еще одна точка напряжения в российско-азербайджанских отношениях. Баку недоволен позицией Москвы в

урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта. Проблема Нагорного Карабаха была и остается одной из самых болезненных для республики. Как считают эксперты, несмотря на перемирие между Арменией и Азербайджаном, за 18 лет ситуация вокруг НК только усложнилась. Обе страны живут в состоянии ни войны, ни мира. Армения не собирается покидать Нагорный Карабах, считая этот горный край своей исконной землей, а Азербайджан, в свою очередь, утверждает, что 20% его территории оккупировано, и блокирует транспортные связи с Арменией. У азербайджанцев есть давняя обида на Россию за ее проармянскую, по их мнению, позицию во время армяно-азербайджанской войны за Карабах. Правда, с тех пор многое изменилось. В прошедшие после военного конфликта годы Россия стремилась проводить равноудаленную политику в карабахском вопросе. Однако объективно Армения является единственным относительно надежным союзником России на Кавказе. При всем желании сохранить дружественные отношения с Баку Москва вряд ли решится на шаги, ущемляющие интересы Еревана.

Именно здесь, скорее всего, кроются причины осложнения отношений между Российской Федерацией и Республикой Азербайджан. В августе 2010 г. Д. Медведев, будучи Президентом РФ, подписал с армянским руководством «Протокол о внесении изменений в двусторонний Договор о российской 102-й военной базе в Гюмри от 1995 г.», согласно которому Россия теперь охраняет не только границы Армении с Турцией и Ираном, но и обеспечивает безопасность всей территории страны. Таким образом, военные обязательства России перед Арменией расширились.

Этот факт не укрылся от внимания Баку, который счел подписанное соглашение крайне недружественным жестом со стороны Москвы. Именно с тех пор Россия и Азербайджан стали отдаляться друг от друга. Азербайджан ввел запрет на импорт автомобилей российского производства, Ильхам Алиев проигнорировал встречу президентов стран СНГ, Баку стал более определенно выражать свою отличную от российской позицию по Ирану и Сирии, что вызвало сильное раздражение Москвы. Практически свернуто военное сотрудничество двух стран – Азербайджан теперь закупает оружие в Израиле.

На фоне ухудшившихся отношений Баку счел себя уязвленным созданием в Москве Союза азербайджанских организаций России. В него вошли крупнейшие азербайджанские бизнесмены, проживающие в РФ, такие как А. Агаларов, В. Аликперов, Т. Ис-

маилов и др. По оценкам, их общее состояние оценивается в 40–48 млрд. долл., что немногим меньше ВВП Азербайджана. Бакинское руководство посчитало, что появление САОР связано с предстоящими в 2013 г. в республике президентскими выборами. По мнению азербайджанских наблюдателей, в Кремле может родиться сценарий, аналогичный грузинскому, предполагающий приход к власти в республике какого-нибудь азербайджанского Иванишвили. Скорее всего, опасения Ильхама Алиева и его окружения преувеличены. Азербайджан – в любом случае не Грузия. Здесь другая общественно-политическая ситуация, другое отношение к руководству страны. Впрочем, бакинское руководство, выстраивая свои отношения с РФ, вынуждено учитывать настроения российской азербайджанской диаспоры, численность которой в настоящее время составляет порядка 2,5 млн. человек.

Таким образом, приходится констатировать, что российско-азербайджанские отношения в последнее время, несмотря на обоюдные заверения в верности принципам добрососедства, переживают не лучшие времена, и ситуация с Габалинской РЛС лишнее тому подтверждение. Скорее всего, станция так и останется памятником былому сотрудничеству, поскольку в Азербайджане нет специалистов для ее эксплуатации, а демонтаж станции чрезвычайно дорог. Предложить РЛС в аренду третьей стране Баку скорее всего не решится, чтобы окончательно не испортить отношения с Россией.

*«Россия и новые государства Евразии»,
М., 2013 г., № 1, с. 66–70.*

Рустем Сагиндиков,

политолог

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ КАЗАХСТАНА В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Наиболее полно стратегия вхождения Казахстана в число 50 наиболее конкурентоспособных государств мира была сформулирована в послании главы государства Нурсултана Назарбаева в марте 2006 г. Изложенные в нем идеи получили дальнейшее развитие в послании 2007 г. Без преувеличения можно сказать, что большинство казахстанских экономических проблем, включая низкий уровень жизни определенной части населения, теневую экономику, внешнюю задолженность, высокий уровень коррупции

и др., являются производными от низкой конкурентоспособности. В мировой экономической литературе тема конкурентоспособности в течение последних 25 лет остается одной из центральных. В широкой постановке (не как конкурентоспособность на конкретных рынках) она возникла в начале 80-х годов в США как поиск ответов на причины успехов японской экономики на мировых рынках, преодоление угрозы «деиндустриализации» американской экономики и отражалась в аналитических публикациях Совета по национальной конкурентоспособности.

В научных исследованиях глобальной (межстрановой) конкурентоспособности выделяются разработки Всемирного экономического форума (ВЭФ), которые публикуются в его ежегодных докладах (The Global Competitiveness Report). Популярность сравнительных исследований ВЭФ возросла в 90-е годы в связи с нарастающей глобализацией мировой экономической системы. Заслуга экспертов ВЭФ заключается в разработке прикладной теории и конкретном анализе проблемы сопоставления макро- и микроконкурентоспособности стран в глобальном масштабе, а также в формировании обширной базы данных по этой тематике. На протяжении ряда лет (2000–2005) ВЭФ оценивал конкурентоспособность национальных экономик на основе индекса конкурентоспособности роста (Growth Competitiveness Index – GCI). Однако начиная с 2006 г. ВЭФ использует иную методологию и рассчитывает индекс глобальной конкурентоспособности (Global Competitiveness Index – GCI). С 2006 г. ВЭФ стал использовать индекс GCI-06, в котором учитывались девять основных компонентов, более комплексно отражающие развитие страны. Эти девять параметров оценки сведены в три группы. Первая группа – «базовые требования» – состоит из четырех параметров: «качество институтов», «инфраструктура», «макроэкономика», «здравоохранение и начальное образование». Вторая группа – «усилители эффективности» состоит из трех параметров: «высшее образование и профессиональная подготовка», «рыночная эффективность», «технологический уровень». Третья группа – «инновационные факторы» представлена двумя параметрами: «развитость бизнеса» и «инновации». Для расчетов позиций по каждому из девяти компонентов GCI-06 используются статистические данные и результаты опросов. В общей сложности рассчитывается 89 показателей.

Индекс GCI-07 определяется на основе 12 «столпов» (pillars) – «качество институтов», «инфраструктура», «макроэкономическая стабильность», «здоровье и начальное образование», «высшее об-

разование и профессиональная подготовка», «эффективность рынка товаров и услуг», «эффективность рынка труда», «развитость финансового рынка», «технологический уровень», «размер рынка», «конкурентоспособность компаний» и «инновационный потенциал».

Изменение индексов, оценивающих национальную конкурентоспособность, отразилось на методике их расчета, что, в свою очередь, привело к смене позиций отдельных стран. В частности, после замены GCI-05 на GCI-06 Казахстан занимал 56-е место среди 125 стран мира, тогда как по ИГК, рассчитанному для 2005 г., мы занимали 51-е место. То же самое относится и к отдельным подиндексам, в частности, к индексу макроэкономики, по которому сейчас страна занимает 10-е место, что дало необоснованный повод для утверждения о невиданном прорыве по сравнению с 2005 г. (41-е место). Однако некорректно сравнивать эти места в рейтинге, поскольку макроэкономические успехи ВЭФ теперь оценивает также по другим методикам. Изменились как формулы и индикаторы, так и название соответствующего индекса. В 2006 г. этот индекс назывался просто «макроэкономика», а в 2005 г. – «индекс макроэкономической среды». В 2006 г. при расчете параметра «макроэкономика» учитывалось только шесть показателей статистического характера, а в 2005 г. – 10 параметров, в том числе и опросы. Соответственно, нельзя сравнивать 10-е место с 41-м местом в 2005 г., поскольку это позиции в совершенно разных индексах.

По итогам 2007 г. Казахстан занимает 61-е место в рейтинге индекса глобальной конкурентоспособности GCI-07 среди 133 стран мира (ВЭФ ежегодно увеличивает количество оцениваемых стран). При этом, как и ранее, ВЭФ пересчитал рейтинги оцениваемых стран для 2005 и 2006 гг. В результате обновленные оценки показали, что в 2005 г. Казахстан занимал 51-е место, в 2006 г. – 56-е. В соответствии с новыми критериями Казахстан за два года утратил свои позиции, сместившись на 10 позиций вниз. В 2007 г. Казахстан уступил лидирующие позиции среди стран СНГ. Теперь лидером является Россия, занимающая 59-е место среди 133 стран мира. В 2007 г. ВЭФ впервые включил в рейтинги Узбекистан, который занял 62-е место. Список стран СНГ традиционно замыкает Киргизстан.

Рассмотрим более подробно положение Казахстана по всем 12 «столпам» GCI-07 в сравнении с пересчитанными оценками индекса GCI-06. В 2007 г. по сравнению с 2006 г. Казахстан опустил-

ся вниз практически по всем параметрам GCI-07. Сравнительно хорошие позиции наша страна занимает по параметрам «эффективность рынка труда» и «макроэкономическая стабильность»: в 2007 г. – 15-е и 25-е места соответственно, в 2006 г. – 13-е и 14-е места соответственно. При этом по первому из этих параметров в 2007 г. значение увеличилось по сравнению с 2006 г. Это свидетельствует о том, что в странах, занимающих более высокие позиции в GCI-07, оценки этого параметра выросли еще больше. По параметру «макроэкономическая стабильность» лидирующую позицию занимает Кувейт. Вслед за Казахстаном 26-ю позицию занимает Тайвань (Китай). Для сравнения: Словения занимает 29-е место, Япония – 97-е, США – 75-е место. Нетрудно видеть, что даже развитые страны, занимающие лидирующие позиции в рейтинге GCI-07, отстают по этому параметру от развивающихся стран. Это связано с тем, что основным недостатком индекса GCI состоит в том, что при его расчете суммируются значения экономических индикаторов и опросных данных.

В подиндексе «базовые основы экономического роста и развития» три параметра из четырех, за исключением «макроэкономической стабильности», имеют низкие позиции. Причем они ухудшились по сравнению с 2006 г. В частности, по параметру «качество институтов» Казахстан занимает 80-е место, ухудшив за год свои позиции на семь пунктов. По параметру «инфраструктура» республика опустилась на четыре позиции вниз, занимая 71-е место среди 133 стран мира. Наихудшая ситуация складывается с параметром «здоровье и начальное образование» – наблюдается смещение вниз на 11 позиций: на 94-е место в мире. В порядке сопоставления добавим, что среди 93 стран мира, опережающих Казахстан по этому параметру, например, четыре латиноамериканских государства (в порядке убывания): Эквадор (90-е место), Боливия (91-е), Гондурас (92-е) и Пуэрто-Рико (93-е).

Параметр «здоровье и начальное образование» рассчитывается на основе девяти показателей, восемь из которых относятся к сфере здравоохранения и один – к образованию («первоначальный набор» – количество детей, впервые идущих в школу), и статистических данных. К здравоохранению относятся: 1) среднесрочное влияние на бизнес малярии; 2) среднесрочное влияние на бизнес туберкулеза; 3) среднесрочное влияние на бизнес СПИДа; 4) младенческая смертность; 5) ожидаемая продолжительность жизни; 6) распространенность малярии; 7) распространенность туберкулеза; 8) распространенность СПИДа. При этом первые три

показателя определяются по опросам, последние пять – на основе статистических данных. Анализ указанных статистических показателей свидетельствует, что ситуация в этой сфере действительно сложная. К примеру, по показателю «продолжительность жизни» Казахстан занимает в мировом рейтинге низкие позиции и отстает, например, от Киргизстана. В частности, по данным Всемирного банка, в 2004 г. в Киргизстане продолжительность жизни мужчин составила 64 года, в Казахстане – 60, женщин – 71 и 72 года соответственно. Наряду с этим в последние несколько лет в Казахстане остро встала проблема роста заболеваемости туберкулезом, тогда как на протяжении многих лет он был практически искоренен. Растет заболеваемость СПИДом. Однако в Казахстане практически нет такого заболевания, как малярия. Остается неясным, как оценивается влияние этих болезней на бизнес.

Теперь проанализируем рейтинг Казахстана по подиндексу «усилители эффективности», определяемому на основе шести укрупненных параметров. По этим параметрам казахстанский рейтинг GCI-07 ухудшился в сравнении с GCI-06. Так, по параметру «высшее образование и профессиональная подготовка» наша страна сместилась на шесть позиций вниз, занимая теперь 57-е место среди 133 стран мира. На девять позиций ухудшилось положение по параметру «эффективность рынка товаров и услуг», по которому Казахстан ныне занимает 63-е место вместо 54-го. Наибольшее падение произошло по параметру «развитость финансового рынка»: с 60-го на 80-е место. «Развитость финансового рынка» рассчитывается на основе девяти показателей, семь из которых определяются на основе опросов и только два представляют статистические индикаторы. В частности, по этим девяти показателям Казахстан занимает следующие позиции: по показателю «сложность финансового рынка» – 73-е место среди 131 страны мира; «финансирование через отечественный фондовый рынок» – 89-е место; «степень доступа к ссудам» – 55-е место; «доступность (наличие) венчурного капитала» – 49-е место; «ограничения на потоки капитала» – 105-е место; «степень защищенности инвестора» – 35-е место; «прочность банков» – 86-е место; «регулирование обменов ценных бумаг» – 113-е место; «индекс юридических прав» – 47-е место. Нетрудно видеть, что наихудшие позиции связаны с отсутствием в республике развитого фондового рынка (89, 105, 113-е места), недостаточной транспарентности в деятельности банков (86-е место).

На семь позиций ухудшилась ситуация по параметру «технологический уровень», который является одним из слабых звеньев казахстанской экономики, поскольку на протяжении всего новейшего периода ее развития (как, впрочем, и в советские времена) наблюдается существенная техническая и технологическая отсталость предприятий. К числу причин, сдерживающих технологическое развитие, думается, можно отнести: а) отсутствие прогресса в трансферте технологий; б) недостаточный уровень материально-технического и интеллектуального потенциала научно-исследовательских организаций (связано с оттоком значительной части талантливых научных работников по причине искусственно созданной непрестижности профессии); в) в государственных закупках доминирующим условием остается ориентированность на ценовой фактор, а не на фактор технологического уровня и инновационность предложения; г) при разработке государственных и отраслевых программ не учитываются (либо учитываются не в полной мере) вопросы по стимулированию внедрения и использования информационных и коммуникационных технологий. Сказанное в определенной мере нашло отражение в низких баллах, присвоенных экспертами ВЭФ показателям (всего 8), используемым при расчете параметра «технологический уровень». В частности, по показателю «доступность к последним (самым новым) технологиям» наша страна занимает 90-е место, по показателю «прямые иностранные инвестиции и трансферт технологий» – 101-е место, по числу подписчиков широкополосной сети Интернета – 106-е место, по числу пользователей Интернета – 112-е место среди 131 страны мира. К этому добавим, что за последние полтора десятилетия уровень развития науки снизился (в первую очередь ввиду отсутствия адекватного ее финансирования), и она практически оторвана от производства (показатели развития науки учитываются в параметре «инновации»).

Единственным компонентом (из всех 12 «столпов»), по которому рейтинг Казахстана улучшился на одну позицию, является «размер рынка»: в 2006 г. – 56-е место, а в 2007 г. – 57-е место. Незначительное улучшение рейтинга произошло, хотя его численное значение снизилось на 0,19 единицы. Этот параметр определяется на основе двух показателей: размер внутреннего рынка (54-е место) и размер иностранного (внешнего) рынка (49-е место среди 131 страны мира). Положительная ситуация здесь связана с тем, что при расчете этих показателей используются такие статистические индикаторы, как ВВП, экспорт и импорт товаров и услуг,

по которым республика на протяжении последних восьми лет демонстрирует хорошие результаты.

Наконец, существенно ухудшились позиции Казахстана по подиндексу «инновации и факторы развития» – с 73-го места в 2006 г. на 84-е место в 2007 г. При этом его значение уменьшилось всего на один пункт: с 3,44 до 3,43 единицы. Это свидетельствует о том, что страны, занимающие более высокие позиции, чем Казахстан, заметно улучшили свои параметры по этому показателю. При определении этого подиндекса используются два параметра: «развитость бизнеса», по которому наша страна в 2007 г. занимала 85-е место (в 2006 г. – 75-е), и «инновационный потенциал» – 75-е место в 2007 г. против 65-го в 2006 г. Как видим, по обоим параметрам 12-го компонента наши рейтинги ухудшились на 10 позиций. Казахстан опережают такие страны, как Мальта (69-е место), Тринидад и Тобаго (70-е), Египет (71-е), Украина (72-е). Вслед за нашей республикой расположился Вьетнам (74-е место). Первое место по подиндексу «инновации и факторы развития» принадлежит Японии, второе – США.

Завершая анализ компонентов GCI-07 для Казахстана, отметим, что, по результатам опросов экспертов, ВЭФ определяет самые проблематичные факторы, сдерживающие ведение бизнеса в каждой стране. Для Казахстана к числу таких факторов относятся: 1) коррупция (16,2% опрошенных); 2) недостаточная профессиональная подготовка рабочей силы (13,0%); 3) налоговое администрирование (12,9%); 4) налоговые ставки (12,0%); 5) неадекватное предложение инфраструктуры (9,0%); 6) доступ к финансированию (8,5%); 7) инфляция (7,2%); 8) неэффективная правительственная бюрократия (5,9%); 10) ограничения в регулировании труда (3,3%); 11) регулирование иностранной валюты (1,4%); 12) неустойчивость правительства (1,4%) и 13) неустойчивая политика (0,9%).

Подведем некоторые итоги. За последний год индекс глобальной конкурентоспособности Казахстана заметно снизился. Локомотивом, вытягивающим Казахстан на высокие позиции, являются в настоящее время два параметра: «эффективность рынка труда» и «макроэкономическая стабильность». Последний параметр во многом обусловлен благоприятной конъюнктурой мировых товарно-сырьевых рынков, в первую очередь углеводородного сырья. Это свидетельствует о серьезной уязвимости национальной экономики и представляет определенную угрозу стабильности позиций Казахстана. Нам представляется, что для повышения нацио-

нальной конкурентоспособности необходимо развивать социальную и технологическую сферы с тем, чтобы подняться по соответствующим профильным рейтингам и диверсифицировать риск потери конкурентоспособности. Другим выводом относительно национальной конкурентоспособности Казахстана является сохраняющийся низкий уровень развития ряда ключевых для конкурентоспособности сфер – науки, образования, здравоохранения, что отражается в соответствующих рейтингах и других международных организаций. Необходимо дальнейшее развитие, причем очень высокими темпами, таких параметров, как производство ВВП и ВНД (валовой национальный доход) на душу населения, снижение уровня инфляции, увеличение объемов финансирования НИОКР, повышение качества жизни и здравоохранения с целью увеличения продолжительности жизни, предотвращение дальнейшего расслоения населения по уровню доходов, существенное увеличение финансирования образования, здравоохранения, науки и др.

Решение указанных задач будет способствовать как общему повышению качества казахстанской экономики и росту ее конкурентоспособности, так и продвижению страны в рейтинговых оценках международных организаций.

*«Диалог цивилизаций: Восток–Запад. Глобализация и мультикультурализм в посткризисном мире»,
М., 2013 г., с. 517–524.*

Р. Назаров, В. Алиева,

кандидаты философских наук,

С. Ганиев,

аспирант (Институт истории АН РУз)

МОНИТОРИНГ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ.

ГОСУДАРСТВА БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ.

УЗБЕКИСТАН

Демография. По данным Госкомстата РУз, численность постоянного населения Узбекистана в 2011 г. увеличилась на 1,5% и на 1.01.2012 г. составила до 29 559,1 тыс. человек. Родилось – 626,9 тыс. человек, коэффициент рождаемости – 21,4 промилле. Число умерших составило 144,6 тыс. человек, коэффициент смертности – 4,9 промилле. Прирост – 435,7 тыс. человек. В городах проживает 51% населения страны (15 069,6 тыс. человек), в сельской местности 49% (14 489,5 тыс.). Этнический состав населения:

узбеки – 80%, таджики – 5, русские – 4,5, казахи – 3,5, каракалпаки – 2, татары – 1,1, киргизы 1, туркмены – 0,7, корейцы – 0,6%. Всего проживают представители более 130 этносов (азербайджанцы, арабы, армяне, белорусы, греки, грузины, дунгане, евреи, иранцы, крымские татары, немцы, поляки, турки, уйгуры, украинцы, цыгане и т.д.). Трудоспособного возраста – 68,8%, младшего – 26,5, старшего – 4,7%.

Семейный вопрос. Республиканский центр «Оила» («Семья») при Комитете женщин Узбекистана внес на рассмотрение поправки в Семейный кодекс с тем, чтобы увеличить возраст вступления в брак девушек до 18 лет вместо 17. Как отмечают специалисты центра, в 17 лет будущие матери еще не готовы к семейной жизни и ответственности. В течение года свадьбы сыграли 283 тыс. пар. Если 20 лет назад 42,7% девушек выходили замуж до 19 лет, то сейчас средний возраст вступления в первый брак повысился – у девушек до 21–22, юношей – до 24–25 лет. Размер госпошлины за развод увеличен в декабре до 20 минимальных окладов – 1,26 млн. сумов (около 700 долл. США). По данным социологического исследования «Семья и нравственность», проведенного ЦИОМ «Ижтимоий фикр», 85,2% граждан считают, что государство заботится об их семьях «в достаточной степени». 85,8% опрошенных отметили, что семья является важнейшим фактором в выработке системы социальных ориентиров, 80,9% респондентов назвали ее основным фактором формирования нравственности человека. Важнейшими ценностями в семьях республики считаются: уважение к старшим, умение достойно вести себя в обществе, скромность и трудолюбие, забота о подрастающем поколении. 59,2% респондентов назвали любовь самым значимым условием счастливой совместной жизни. Следом идут общность взглядов, искренние отношения между супругами, схожий уровень образования и воспитания. 58,7% опрошенных считают, что в обеспечении прочности и благополучия будущей семьи большую роль играет состояние здоровья вступающих в брак. Показателем внимания государства к проблемам семьи является и то, что новый 2012 г. провозглашен «Годом крепкой семьи».

Миграции. 13–15 декабря 2011 г. в рамках проекта Русского культурного центра Узбекистана «Россия – моя этническая Родина» Посольством РФ и представителями администрации Смоленской области для соотечественников были проведены презентации социально-экономического и миграционного потенциала этого субъекта Федерации в Ташкенте и Алмалыке. В ходе мероприятий

гости рассказали об особенностях региона, его инфраструктуре, достижениях в промышленности и сельском хозяйстве, культурно-гуманитарной жизни области, осветили другие интересующие вопросы. Работники консульского отдела Посольства РФ провели консультации по своей тематике.

Образование. В республике действуют 70 вузов (свыше 260 тыс. студентов), 1536 профколледжей и академлицеев (1,5 млн. учащихся), 9779 общеобразовательных школ (4,577 млн. школьников). К 2011–2012 уч. году было издано 263 наименования учебников общим тиражом 17 135 тыс. экз., в том числе для первых классов 77 наименований учебников тиражом 5325 тыс. экз. В 2011 г. ремонтно-строительные работы были проведены в 317 школах: 151 школа была капитально отремонтирована, в 121 школе проведена капитальная реконструкция, 45 новых школ возведены в новых жилых массивах в сельской местности. Эти 317 школ были обеспечены новым учебным оборудованием, еще 776 школ получили дополнительное оборудование, 533 школы – компьютерную технику.

В 2011 г. была продолжена работа по формированию целостной непрерывной системы образования, включающей в себя цикл подготовки общего среднего – среднего специального – профессионального – высшего – поствузовского образования. Важным шагом в этом направлении стало принятие дополнительных мер по охвату выпускников 9-х классов школ обучением в профколледжах за счет строительства 24 филиалов в отдаленных районах, ввода в эксплуатацию 18 общежитий к действующим колледжам. Построено и реконструировано 166 школ, отремонтирована 151 школа, введено свыше 46,3 тыс. ученических мест, оснащенных современным оборудованием. В 852 школах созданы компьютерные классы. Свыше 9400 общеобразовательных школ (96%) подключены к электронно-информационной сети Ziyonet. Особое внимание было уделено вопросам трудоустройства выпускников профколледжей.

В практику внедрено заключение договоров между колледжами и предприятиями о прохождении выпускниками практики с последующим их трудоустройством. В рамках реализации договоренностей было трудоустроено свыше 390 тыс. выпускников. На реализацию «Программы модернизации материально-технической базы вузов и кардинального улучшения качества подготовки специалистов», рассчитанной на 2011–2016 гг., в соответствии с постановлением правительства намечено направить свыше

277 млрд. сумов. Для аккумуляции средств и обеспечения финансирования намеченных в Программе мер был образован специальный фонд, за счет средств которого профинансированы намеченные мероприятия на сумму свыше 39 млрд. сумов. Серьезного внимания требует вопрос трудоустройства выпускников профколледжей и лицеев. В 2011–2012 гг. завершат учебу 516 тыс. юношей и девушек. Завершено строительство и ввод в эксплуатацию Центра просвещения, вобравшего в себя Дворец симпозиумов и Национальную библиотеку Узбекистана им. А. Навои.

18–25 февраля была проведена Неделя российского образования с участием представителей вузов РФ: Иркутского ГТУ, Тюменского ГУ, Марийского ГУ. В РЦНК были проведены презентации вуза, рассказано о факультетах, кафедрах, специальностях, проведены встречи с преподавательским составом и учащимися в Ташкенте, Фергане, Самарканде. Были показаны видеофильмы, рассказывающие о направлениях деятельности вузов. Во всех презентациях приняли участие слушатели подкурсов при РЦНК. Заключительным мероприятием Недели стал круглый стол «Инновационное сотрудничество вузов России и Узбекистана». В его работе приняли участие представители вузов столицы, Иркутского ГТУ и Тюменского ГУ, ташкентских филиалов МГУ им. М.В. Ломоносова, РЭУ им. Г.В. Плеханова, РУНГ им. Губкина. В ходе мероприятия представителями высшей школы Узбекистана и России были обсуждены вопросы взаимодействия в области совместных инновационных проектов, направленных на дальнейшее развитие всестороннего сотрудничества двух стран, были предложены совместные проекты – проведение узбекско-российского инновационного форума, создание центра инновационного сотрудничества, взаимное содействие в развитии инновационной экономики, трансферт инновационных технологий.

Языковая политика. В целях популяризации русского языка и культуры в 2011 г. были проведены следующие мероприятия: Зимний лагерь русского языка на базе санатория «Бустон» в г. Чирчик, Семинар преподавателей русского языка в Российском центре науки и культуры, Седьмые Виноградовские чтения, открытие Кабинета «Русского мира» в Русском культурном центре г. Чиназа Ташкентской области, проект «Здравствуй, Россия» (февраль–май), Булгаковский фестиваль (апрель–май), Конференция в Бухарском университете, посвященная 120-летию М.А. Булгакова, Четвертые Кирилло-Мефодиевские чтения, второй тур Республиканского конкурса «Знаешь ли ты историю России?», Кон-

ференция «С. Есенин и XXI век», Единый день русского языка. Празднование дня рождения А.С. Пушкина, круглый стол «Русский язык – язык бизнеса и успеха», презентация сборника стихотворений «И помнит мир спасенный», семинар учителей русского языка и литературы, лауреатов Пушкинского конкурса за последние десять лет, Пушкинский бал, концерт российского ансамбля «Бабье лето», посвященный Дню России, 30-летний юбилей музея С. Есенина в Ташкенте, концерт группы «Лидер» МЧС РФ, встреча участников июльской поездки по «Золотому кольцу» России с представителями СМИ, поэтический вечер «Пусть сердцу вечно снится май» памяти С. Есенина, проект, посвященный 80-летию выхода романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (октябрь–декабрь), творческий вечер писателя Н. Ильина, вечер памяти народного поэта Узбекистана А. Файнберга, Праздник русской словесности, семинар «Русисты России – русистам Узбекистана», Месячник русского языка в учебных заведениях Узбекистана (ноябрь–декабрь), выставка «Достоевский – ясновидец человеческой души» к 190-летию писателя (ноябрь–декабрь), конференция «Ирония, комизм, юмор, сатира в современной филологической науке».

Здравоохранение. На реконструкцию лечебно-профилактических учреждений и оснащение их лабораторным, диагностическим и лечебным оборудованием направлено бюджетных средств и привлечено льготных иностранных кредитов и грантов на сумму около 137 млрд. сумов и 136 млн. долл. Ежегодным медосмотром охвачено 5,9 млн. женщин, скрининговое обследование прошли около 150 тыс. беременных. Бесплатными наборами поливитаминов обеспечены более 243 тыс. беременных, проживающих в сельских регионах. Охват детей антиинфекционной иммунизацией составил около 100%. Для укрепления материально-технической базы образовательных и медицинских учреждений республики с учетом современных требований и международных стандартов реорганизован и начал функционировать новый внебюджетный фонд реконструкции, капремонта и оснащения образовательных и медицинских учреждений. Достигнутые успехи в сфере охраны здоровья получили достойную оценку ВОЗ, ЮНИСЕФ на международном симпозиуме «Национальная модель охраны здоровья матери и ребенка в Узбекистане: Здоровая мать – здоровый ребенок». Узбекистан вошел в десятку стран-лидеров в составленном «Save the children» («Спасем детей») рейтинге государств, где лучше всего заботятся о здоровье детей. Важнейшее место в ре-

формировании сферы здравоохранения занимают вопросы подготовки медкадров. В настоящее время наряду с Ташкентской медакадемией в таких центрах, как Самарканд, Андижан, Бухара, Ургенч, Нукус, действуют медвузы, организована подготовка медсестер с высшим образованием. Мединституты работают в сотрудничестве с ведущими зарубежными медучреждениями: университетскими клиниками «Шарите» (Германия), Гарварда, Манчестера, Вены, известными центрами РФ и Украины, госпиталями Японии, Южной Кореи и др. Доля расходов на здравоохранение в госбюджете составляет 15,7%, в ВВП – 4,1%. В Узбекистане вся первичная медпомощь для населения является бесплатной. На этой же основе оказываются экстренная медицинская и педиатрическая помощь, родовспоможение и услуги по лечению целого ряда социально значимых заболеваний – онкологических, инфекционных и др.

Занятость. В силу специфических особенностей Узбекистана, и прежде всего демографических особенностей, проблемы занятости населения продолжают сохранять актуальность и остроту. В результате реализации территориальных программ занятости создано около 1 млн. новых рабочих мест, более 68% из которых приходится на сельскую местность. 64% новых рабочих мест создано за счет реализации мер по усилению стимулирования развития малого бизнеса, частного предпринимательства и фермерства, предоставления им новых весомых льгот и преференций, более 28% – за счет строительства новых предприятий, расширения различных форм надомного труда.

Права меньшинств. В ходе беседы верховного комиссара ОБСЕ по делам нацменьшинств К. Воллебека с омбудсменом С.Ш. Рашидовой от 28 марта 2011 г. отмечалось, что отношения между Узбекистаном и ОБСЕ последовательно развиваются во всех направлениях, в частности в сфере парламентаризма, правопорядка и защиты прав человека. Подчеркивалось, что в Узбекистане особое внимание уделяется обеспечению межнационального согласия, представители всех национальностей и народов живут в мире независимо от их языка, вероисповедания, социального происхождения, права которых гарантированы законом.

Узбекистан сотрудничает с ОБСЕ в таких сферах, как укрепление региональной безопасности и стабильности, развитие институтов гражданского общества, расширение международного экономического и гуманитарного партнерства, экология. В ходе переговоров обсуждены вопросы сотрудничества Узбекистана и ОБСЕ в области законодательства и судебно-правовой системы, в

частности, текущее состояние и перспективы двусторонних отношений. «ОБСЕ совместно с Узбекистаном в течение нескольких лет реализует множество проектов, – отметил К. Воллебек. – Мы имели возможность ознакомиться с работой, проводимой Институтом омбудсмена Узбекистана в сфере защиты прав и интересов человека. Нашей целью является обмен опытом в обеспечении прав национальных меньшинств, проводимой в данном направлении образовательной и просветительской деятельности в вашей стране. Я уверен, что наше сотрудничество в дальнейшем будет расширяться и укрепляться». 29 марта 2011 г. К. Воллебек был принят президентом Узбекистана И.А. Каримовым. К. Воллебек дал высокую оценку позиции Узбекистана в ходе трагических событий в южных регионах Киргизстана в июне 2010 г. и особо отметил, что такой взвешенный и всесторонне продуманный подход позволил предотвратить разрастание конфликта и его переход в фазу межгосударственного противостояния. Верховный комиссар ОБСЕ вновь подчеркнул важность проведения независимого международного расследования событий в Киргизстане. На встрече были всесторонне рассмотрены состояние и перспективы сотрудничества между Узбекистаном и офисом верховного комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств, а также другие вопросы, представляющие взаимный интерес.

Культура, этнокультурная ситуация. Республиканским интернациональным культурным центром (РИКЦ), обеспечивающим координацию деятельности всех национально-культурных центров (НКЦ) диаспор Узбекистана, в сотрудничестве с Русским культурным центром, Посольством РФ в Узбекистане, представительством «Россотрудничества», представительством Республики Татарстан в Республике Узбекистан, рядом НКЦ (Татарстана, Башкортостана, Армении, Белоруссии и др.) в течение года были проведены: Новогодний вечер «В кругу друзей», Рождественский концерт в Академическом Русском драматическом театре Узбекистана, Неделя российского образования, круглый стол «Межнациональное согласие – фактор мира и стабильности», киноконцерт с участием российских артистов театра и кино, народные гуляния «Широкая масленица» (март), День памяти Ю.А. Гагарина, празднование Навруза, заседание Клуба любителей российской истории на тему: «20 лет СНГ: К новым горизонтам сотрудничества», круглый стол в филиале МГУ, посвященный 50-летию первого полета в космос, выставка детских рисунков «Впервые в космосе» (апрель), празднование 50-летия первого полета человека в космос в

г. Гагарин Мирзачульского района Джизакской области, возложение цветов к памятнику Ю.А. Гагарину, отборочный тур творческих конкурсов самодеятельных коллективов учебных заведений «Портрет эпохи», художественная выставка «Луч света на солнечной поляне» художника А. Батыкова (апрель–май), конкурс пасхального творчества в Управлении Ташкентской и Среднеазиатской епархии, встреча учащейся молодежи с ветеранами войны, посвященная 66-й годовщине Победы, юбилей 300-летия со дня рождения М.В. Ломоносова в академлицее при Ташкентской медакадемии, презентация книги из серии «Фольклор и литературные памятники стран СНГ», посвященной творчеству Навои и Бабура, вечер, посвященный 10-летию юбилею татарской шоу-группы «Булгар», Пятый благотворительный концерт юных музыкантов, татаро-башкирский национальный праздник Сабантуй, гастроль танцевального ансамбля «Казань», презентация книги «Волшебная свирель» – сборник белорусской классики, встреча студентов ТГТУ с представителями Русского, Татарского, Корейского культурных центров, конференция «Русская Православная Церковь в Средней Азии: 140 лет добрососедства с Исламом», праздничный концерт татарской молодежи Узбекистана, празднование Дня Республики Татарстан, вечер, посвященный Дню народного единства, юбилей 300-летия со дня рождения М.В. Ломоносова в Нукусе, Фестиваль башкирской культуры, традиций и языка, конкурс на лучшее освещение российско-узбекских отношений в политической, экономической и культурно-гуманитарной сферах в СМИ Узбекистана (январь–декабрь), праздник армянской культуры, презентация книги «Звездная гроздь» – азербайджанский фольклор и лирика поэтов Азербайджана, конференция, посвященная 70-й годовщине битвы под Москвой, 100-летие первой публичной библиотеки Самарканда, дни Конституций России и Узбекистана, конференция «В единой семье народов Узбекистана», фестиваль-конкурс «Зимние узоры».

Жизнь диаспоры. В феврале 2011 г. в здании Астраханской областной общественной организации узбекской культуры «Узбекистан» прошел круглый стол памяти великого поэта, мыслителя, государственного деятеля и полководца Захириддина Мухаммада Бабура, посвященный 528-летию со дня его рождения. В феврале 2011 г. в Доме русского зарубежья в Москве был проведен творческий вечер, посвященный 570-летию со дня рождения великого узбекского поэта, мыслителя и государственного деятеля Алишера Навои.

В феврале 2011 г. в Анкаре также состоялось мероприятие, посвященное 570-летию со дня рождения Алишера Навои, организованное узбекской диаспорой при содействии Госкомитета Турции по истории. В марте узбекской диаспорой Новосибирска при содействии генконсульства Узбекистана и самаркандского арт-центра «Счастливая птица» была проведена выставка, посвященная художественному текстилю и керамике Узбекистана.

В августе 2011 г. узбекская диаспора Нью-Йорка при поддержке Ассоциации соотечественников «Ватан» (рук. Г. Алимова) открыла в Бруклине мечеть. Имамом мечети является выходец из Бухарской области Узбекистана – Мирзо Улубек-ходжи Абдуллаев. В настоящее время молитвы в мечети проходят только по пятницам, которая считается священным днем у мусульман. Молитвенные речи читаются на русском языке, чтобы они были понятны для всех верующих, собирающихся здесь, поскольку среди них много выходцев из разных стран и регионов СНГ. В ближайшем будущем служители мечети планируют построить отдельное здание и открыть в нем постоянно действующую мечеть.

Религия. На 31.12.2011 г. в Узбекистане зарегистрировано 2225 религиозных организаций, из которых 2050 (92%) – мусульманские, преимущественно суннитского толка. Шииты составляют не более 1% мусульман Узбекистана. 175 религиозных организаций представляют конфессиональные меньшинства, из которых более всего – 158 христианских организаций: Корейская протестантская церковь – 52 организации, Русская православная церковь – 37, баптисты – 23, христиане «полного Евангелия» (пятидесятники) – 21, адвентисты Седьмого дня – 10, Римско-католическая церковь – 5, Новоапостольская церковь – 4, лютеранская церковь – 2, Армянская апостольская церковь – 2, Свидетели Иеговы – 1, церковь «Глас Господа» – 1. Кроме того функционируют: иудейских организаций – 8, бахаистских – 6, кришнаитских – 1, буддийский храм – 1, межконфессиональное Библийское общество – 1.

В январе состоялся 1-й съезд духовенства Бухарско-Навоийского благочиния, включающего в себя православные приходы в Бухаре, Зарафшане, Кагане, Навои, Нукусе, Ургенче и Учкудуке. Под председательством благочинного Бухарско-Навоийского округа – священника Олега Цветкова, настоятеля храма Всех святых, в земле Российской просиявших г. Учкудука, духовенство Кызылкумского региона обсудило итоги 2010 г. и приняло ряд официальных обращений и административных решений.

В октябре 2011 г. состоялась конференция «Русская православная церковь в Средней Азии: 140 лет добрососедства с Исламом», посвященная юбилею Среднеазиатской епархии. С приветственным словом к собравшимся обратился новый (назначен в 2011 г.) глава Среднеазиатского митрополичьего округа митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий (Морарь), сменивший на этом посту митрополита Владимира (Иким), переведенного в Омск. Тематика представленных на конференции докладов затрагивала историю и современное состояние РПЦ в Средней Азии, взаимоотношения православного христианства с исламом, культурной миссии православия в среде верующих. Рассматривались вопросы толерантности и добрососедского сосуществования христианской и исламской духовных и культурных традиций. В течение года 5094 паломника Узбекистана совершили важный религиозный ритуал – хадж, т.е. посетили исламские святыни в Мекке и Медине.

В феврале решением суда Юкори-Чирчикского района Ташкентской области глава представительства американского благотворительного фонда «Young Nak» Л. Джай был депортирован в Южную Корею. Сотрудники фонда «Young Nak» занимались прозелитской деятельностью. Л. Джай, директор реабилитационного центра А. Цой и бухгалтер С. Цой обвинены по ст. 216-1 (склонение к участию в деятельности незаконных общественных объединений и религиозных организаций), 216-2 (нарушение законодательства о религиозных организациях) УК РУз. В апреле четыре члена баптистской церкви были подвергнуты суду за нарушение двух статей УК РУз: ст. 184 п. 2 – «Незаконное хранение, импорт, производство и распространение религиозной литературы» и ст. 240 – «Прозелитизм». У них было изъято 50 тыс. экземпляров религиозной литературы. Вся конфискованная литература была направлена в Комитет по делам религий при Кабинете министров Узбекистана. В апреле сотрудники таможенного поста «Главпочтамт» Ташкента пресекли незаконный ввоз запрещенной религиозной литературы из Великобритании (20 единиц), Германии (100 единиц) и Кореи (574 единицы).

Борьба с экстремизмом. В марте 2011 г. в самаркандской мечети «Хужанисбатдор» был обнаружен склад экстремистской литературы партии «Хизб ут-Тахрир». Правоохранительные органы Узбекистана провели успешную операцию, в ходе которой было изъято большое количество запрещенной литературы, в кото-

рой проповедовалась идеология данной партии. По этому факту УВД области возбудило уголовное дело и начало расследование.

В марте 2011 г. в ходе операции на территории афганской провинции Баглан патруль НАТО и афганских сил настиг группу боевиков в поле. Боевики оказали сопротивление при задержании и, отстреливаясь, попытались скрыться. В результате один из боевиков был убит, еще несколько человек были арестованы. Убитый был опознан как полевой командир Исламского движения Узбекистана (ИДУ), имя его не сообщено.

СМИ. В Узбекистане зарегистрировано 1243 СМИ – 704 газеты, 254 журнала, 165 интернет-сайтов, 63 телередакций, 36 радиоредакций, 4 информагентства. 43% печатных изданий, 53% теле- и 85% радиоканалов относятся к негосударственному сектору. С целью укрепления материально-технической базы и кадрового потенциала СМИ осуществлено финансирование проектов 19 редакций, выделены гранты около 100 изданиям. Более 350 региональных журналистов повысили квалификацию в ведущих изданиях столицы. 29 ноября 2011 г. впервые в СНГ запущен в эксплуатацию телеканал наземного вещания в формате HD – «Uz.HD» (ТВ высокого качества). Нацтелерадиокомпания (НТРК) Узбекистана ввела в эксплуатацию новый медиацентр в Ташкенте. 5.08.11 г. принято постановление «О дополнительных мерах по совершенствованию системы мониторинга в сфере массовых коммуникаций», 31.12.11 г. – постановление «О предоставлении дополнительных налоговых льгот и преференций для дальнейшего развития средств массовой информации».

Количество пользователей сети Интернет составляет 7,7 млн., из которых около 4,3 млн. – пользователи Интернета через мобильную связь. Количество доменов, зарегистрированных в зоне UZ, составляет около 12 250; 97% государственных органов имеют веб-сайты в сети Интернет.

Телеканал Узбекистана НТТ 21 июня 2011 г. показал документальный фильм «Страдание» о межэтнических столкновениях на Юге Киргизстана летом 2010 г. Данный фильм был подготовлен зарегистрированным в Бельгии Институтом Алишера Навои. Целью его подготовки стало оказание поддержки в урегулировании ситуации на Юге Киргизстана, отмечает издание. Институт является НПО, которая в мае 2011 г. объединилась с Ошской инициативной группой, созданной узбекскими и киргизскими правозащитниками. Автор сценария и режиссёр фильма – Абдукарим Мирзаев. В фильме рассказывается о событиях 10–15 июня 2010 г.

в Ошской и Джалал-Абадской областях, подчеркивается, что «на Юге Киргизстана продолжают националистические движения и дискриминация населения по национальному признаку». В работе над фильмом не использовалась техника какой-либо телестанции Узбекистана, а телеканал НТТ лишь только дал согласие на его трансляцию. Планируется перевести фильм на русский и английский языки.

*«Этнополитическая ситуация в России
и сопредельных государствах в 2011 г.»,
М., 2012 г., с. 595–603.*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Асад Дуррани,

генерал-лейтенант в отставке,
в 1990–1992 гг. – глава Межведомственной
разведки (ISI) (Пакистан)

«БОЛЬШАЯ ИГРА» ДЛЯ ВСЕХ.

**АФГАНИСТАН ПОСЛЕ УХОДА НАТО:
ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

Афганистан – страна крайне разнообразная. С множеством разделительных барьеров – географических, этнических, племенных, лингвистических и религиозных. Он не стал бы единой страной, если бы крупнейшие общины не договорились об этом в рамках «Большой сделки». Не обошлось и без веских побудительных причин. Знаменитый британский историк Арнольд Тойнби характеризовал территорию, примерно соответствующую современному Афганистану, как «восточный перекресток истории». И действительно, страна лежит на стыке трех регионов: Центральной Азии, Южной Азии и Ближнего Востока (который иногда называют «Западной Азией»). Любое сколько-нибудь важное событие в этом пространстве – вторжение на субконтинент, активизация торговли с Китаем, выход к Индийскому океану или к полезным ископаемым региона – непременно затрагивало Афганистан. Эта земля испытала на себе влияние разных цивилизаций, тяжелую поступь множества армий. Необходимым условием обеспечения общей защиты и явилась «Большая сделка» 1747 г., состоявшаяся при посредничестве Ахмад Шаха Дуррани, которого с тех пор справедливо называют «отцом нации».

После объединения Афганистан уже больше не мог находиться под контролем иностранных держав, не способных обеспечить сформировавший государство «большой консенсус» как единственное условие согласия на оккупацию. Ведь прежде чем

Афганистан оформился в качестве государства, за влияние там безуспешно боролись три могущественные азиатские империи: Узбекский ханат, иранская династия Сефевидов и индийские Великие Моголы. В XIX в., когда две могущественные европейские державы – Англия и Россия – прочно, на столетие, увязли в так называемой «Большой игре», политическое чутье афганских эмиров спасло страну, которая стала «буферным государством». Это та модель, которая наиболее пригодна в деле сохранения стабильности в Афганистане после ухода оттуда НАТО.

Широкий консенсус как гарант стабильности Афганистана – не абстракция. Из-за топографии и демографической структуры афганского общества разделение по этническому или племенному признаку становится в некоторых областях главным фактором. Если интересы какой-то группы не учитываются, она способна дестабилизировать обстановку в целом. Вот почему Пакистан настаивал на формировании переходного правительства с участием всех основных афганских фракций еще до того, как в 1989 г. были выведены советские войска. Провал с созданием такого правительства в конечном итоге и привел к гражданской войне. Сегодня все та же логика диктует необходимость внутриафганского диалога с последующей выработкой приемлемых форм передачи власти до того, как войска коалиции покинут страну.

Региональные вызовы

Собрать все основные фракции афганского общества за столом переговоров – задача поистине не из легких. Одна из причин – груз прошлого, особенно период господства движения «Талибан». Еще более значимым является то, что талибы, предложившие в 2002 г. сотрудничество кабульскому режиму, но услышавшие в ответ высокомерный отказ, сегодня представляют собой грозную силу. Помимо расширения зон влияния и проведения нескольких эффективных операций против хорошо укрепленных и защищенных объектов, талибы получают от НАТО деньги за обеспечение безопасного прохода конвоев тылового обеспечения (в прошлом году им выплачено примерно 150 млн. долл.). Но самым серьезным препятствием для начала примирения является план Вашингтона по сохранению значительного военного присутствия и после 2014 г.

Афганцы в целом и, конечно, «Талибан» в особенности не смиряются с присутствием иностранных войск на своей земле. Соседние страны также предпочитают, чтобы силы других государств

как можно скорее вывели из Афганистана. Пакистан афганские события затрагивают в наибольшей степени. А поскольку многие афганцы будут сопротивляться сохранению американских военных баз, пограничные с Пакистаном области останутся зоной военных действий и станут мишенью для американских ударов возмездия. Иран имеет свои веские основания для беспокойства в связи с сохранением вооруженных подразделений США в регионе. Москва и Пекин также будут с опаской оглядываться на военное присутствие могущественной державы в непосредственной близости от своих границ, поскольку это может оказать неблагоприятное воздействие на силовые игры вокруг этой геостратегической оси. Из-за ухудшившихся отношений с Пакистаном Североатлантический альянс перемещает центр материально-технического снабжения в северные области Афганистана с прицелом на последующий вывод войск. Вот почему некоторые из этих опасений приобрели особую остроту.

Государства Центральной Азии, до сих пор пребывающие в неустойчивом положении после распада Советского Союза, опасаются еще более неопределенного будущего после вывода иностранных войск с территории Афганистана. Сталин создал в свое время пять советских республик, проведя произвольные границы и отделив традиционные зоны торговли от зоны поселений. Идея заключалась в том, чтобы расколоть мусульманские этнические группы, проживающие в регионе, дабы отвести от Москвы угрозу с их стороны. Семена этнического раскола начали прорастать, когда в постсоветскую эпоху республики обрели независимость, но их противоестественные границы никуда не делись. Это дало основания бывшему советнику президента США по национальной безопасности Збигневу Бжезинскому описать регион как «Евразийские Балканы» – потенциально опасный очаг конфликтов. Когда-то эти страны находились в центре «Большой игры» между Британской и Российской империями, а теперь их обхаживают крупные державы, чтобы усилить свое влияние и создать там военные базы.

Таджикистан представляется наиболее уязвимым в случае любых серьезных изменений статус-кво. Столкнувшись с мощной исламской оппозицией, он запросил внешнюю помощь. Когда НАТО сократит военное присутствие в регионе, хрупкий баланс, вполне вероятно, снова уступит место насилию. Горно-Бадахшанская область Таджикистана, где на 45% территории страны проживает всего 3% населения, поддерживает культурные,

религиозные и этнические связи с афганской провинцией Бадахшан. Фактически это неприступный район, который зачастую становится убежищем для боевиков. Протяженная граница с Афганистаном, которую когда-то патрулировали российские войска, слишком плохо защищена. Основные иностранные державы, стремящиеся воздействовать на положение дел в Таджикистане, – Иран (культурные связи), Индия (модернизация бывшей советской военно-воздушной базы) и Китай (экономическое стимулирование в надежде уменьшить трансграничное влияние боевиков).

И Соединенные Штаты, и Россия имеют военные объекты в Киргизии. Вашингтон использует базу в Манасе (за что платит 60 млн. долл. в год) для снабжения войск в Афганистане, держит там большую часть авиационных заправщиков. У России имеется военная база близ Бишкека, которая обеспечивает расквартированный в Таджикистане шеститысячный контингент. Китай подписал договор с Ашхабадом, по которому Туркменистан обязуется поставить Пекину в течение четырех лет до 40 млрд. м³ газа. Также подписана декларация о намерениях по строительству гигантского газопровода через территорию Афганистана в Пакистан и Индию (план останется несбыточной мечтой до тех пор, пока ситуация в регионе не изменится в лучшую сторону).

Пекин разделяет опасения лидеров стран Центральной Азии по поводу исламистских движений. Для обуздания и сдерживания беспокойной провинции Синьцзян, которая населена преимущественно мусульманами, Пекин стремится заручиться помощью своих среднеазиатских соседей. У КНР также есть свое представление о будущем: своего рода «Новый Шёлковый путь», состоящий из трубопроводов, скоростных шоссежных дорог, связывающих этот регион с восточным побережьем Китая, а также железной дороги, которая соединит Пекин с Ташкентом и европейскими столицами.

Не следует также забывать: один из важнейших путей контрабанды наркотиков проходит по территории Центральной Азии и к тому же контролируется исламистами.

Ответ региона

Последние десять лет регион начал реагировать на вышеописанные вызовы. Шанхайская организация сотрудничества, возможно, стала первой ласточкой. Созданная под предлогом борьбы с терроризмом, она, по сути дела, нацелена на региональное сотрудничество по противодействию внешним угрозам, спро-

воцированным вторжением в Афганистан под руководством Вашингтона. Организация развивается вполне планомерно. Тем временем некоторые державы региона, такие как Россия, Китай, Иран и Пакистан, пытаются координировать политику, чтобы справиться с последствиями войны в Афганистане и вокруг него. В конечном итоге это может способствовать более четкой постановке задач ШОС, но на сегодняшний день похоже, что усилия пущены на самотек. Например, сближение Индии и Пакистана – вопрос исключительно двусторонних отношений.

Отношения Дели и Исламабада и в прошлом характеризовались светлыми моментами, но никогда еще проявления у них доброй воли на словах не подкреплялись такими решительными действиями. В начале 2011 г. крупные военные учения Индии в непосредственной близости от границ с Пакистаном не вызвали вообще никакой реакции со стороны пакистанских властей. В аналогичной ситуации 1987 г. в стране была объявлена всеобщая мобилизация. После более чем десятилетних раздумий Пакистан предоставил Индии статус наибольшего благоприятствования в торговле, что было обязательным условием по правилам ВТО. Вслед за этим стороны подписали соглашение о либерализации торговли и упрощении визового режима.

Вскоре после убийства бывшего президента Афганистана Бурхануддина Раббани, которое вызвало бурю возмущения в Кабуле, Карзай посетил Дели и подписал «стратегическое соглашение», предусматривающее активизацию экономического сотрудничества и помощь Индии в обучении афганских военных. Раньше это спровоцировало бы волну негодования в Пакистане, но на сей раз новость восприняли положительно. Существенно и то, что Исламабад снял возражения против участия Дели во втором раунде Стамбульского процесса, указав, что теперь он готов взаимодействовать со своим главным соперником по Афганистану.

Со своей стороны, Индия больше не обвиняет Пакистан в организации беспорядков в Кашмире или в других частях страны. Бывшие противники поддержали кандидатуры друг друга на членство в СБ ООН. Возможно, они не пожелают налаживать широкое сотрудничество по Афганистану (хотя многие в Индии считают, что Пакистану нужно отвести главную роль в этом процессе), но отношения явно пошли на поправку.

Интересы Индии в регионе не ограничиваются урегулированием с Пакистаном. Дели стремится конкурировать с Китаем в области добычи полезных ископаемых в Афганистане и планирует

обустроить взлетно-посадочные полосы и военные госпитали в Центральной Азии. Пакистан полагает осуществление этих проектов Индией вполне легитимным.

Две южноазиатские страны также достигли прогресса в двусторонних связях с Ираном. В результате совместной операции Пакистан и Иран нанесли серьезный урон радикальной организации «Джандулла» – антииранской группировке, которая базировалась на территории пакистанского Белуджистана и получала американскую помощь. А Индия после пятилетнего затишья возобновила сотрудничество с Ираном. Тегеран ответил взаимностью, несмотря на поддержку Дели американских санкций против «исламского режима» в прошлом. Поскольку налаживание отношений с Пакистаном только началось, Индия ищет доступ к Афганистану через Иран, хотя и не желает раздражать США.

Крутой поворот в отношениях между Россией и Пакистаном не может не удивлять. Москва твердо поддерживает полноценное членство Исламабада в ШОС и уже предложила свою помощь в модернизации металлургического завода в Карачи, использующего советские технологии 1970-х годов. Она также обещала поддержать проект, предусматривающий экспорт электроэнергии из Таджикистана в Пакистан. Поскольку линии электропередачи пройдут по территории Афганистана, которая населена не пуштунами, местное население также заинтересовано в этих отношениях. Это дружеский жест и в отношении Душанбе.

Самый значительный шаг, совместно предпринятый обеими странами, – их ясная и недвусмысленная позиция по спонсируемому американцами проекту «Новый Шелковый путь». Внешне он призван дать толчок экономическому развитию региона, причем Афганистан выступает в качестве главного транспортного узла. Однако государства этой части мира считают его уловкой, призванной увековечить американское влияние, оправдать сохранение военных баз в регионе и снизить роль Ирана, Китая и России. За исключением кабульского режима ни одна страна в регионе не поддержала это предложение, обнародованное в Стамбуле 7 ноября 2011 г. Китай и Индия держались поодаль – первый был твердо уверен, что планы Вашингтона будут сорваны и без его участия, а вторая, возможно, не захотела портить отношения с США. Пере страховка индийцев не удивила Россию – державу, все еще сохраняющую немалое влияние. Пока Европа агонизирует, охваченная финансовым кризисом, Москва с ее профицитом бюджета имеет

неплохие шансы восстановить влияние в бывших советских республиках Средней Азии.

Географическое положение и экономические успехи Китая дают ему в руки козыри, и, похоже, он хорошо их разыгрывает. Трубопроводные проекты с Россией и инвестиции в афганскую инфраструктуру и добычу полезных ископаемых развиваются по намеченному плану. Дели не может участвовать в американской политике сдерживания Пекина, поскольку годовой торговый оборот Индии с КНР достиг 60 млрд. долл. Китай успешно транспортирует нефть из Ирана через Ормузский пролив, не обращая внимания на американскую армаду или эмбарго. Однако Китай встревожен перспективами долгосрочного американского военного присутствия. Оно оказывает негативное влияние на стратегические интересы КНР в Пакистане (развивать безопасные пути сообщения с Индийским океаном и инвестировать в богатую полезными ископаемыми провинцию Белуджистан), сужает свободу действий Пекина в регионе, хотя и не мешает Китаю продолжать вкладываться в казначейские облигации США. Шанхайская организация сотрудничества, объединяющая Россию, Китай и четыре из пяти стран Центральной Азии, скорее всего, предоставит полноправное членство Индии и Пакистану. Афганистан получил статус наблюдателя, а Турция стала партнером по диалогу. Уникальная конфигурация ШОС позволяет ей стать региональным зонтиком, под которым Индия и Пакистан могли бы совместно решать вопросы региональной безопасности, включая те, что связаны с Афганистаном. Проблема в том, что и Индия, и Пакистан ни на миг не забывают о своих отношениях с Соединенными Штатами, а потому тянут с принятием решений, которые могли бы вызвать неудовольствие Вашингтона. Это касается, например, строительства трубопровода из Ирана. Более того, вместе с Австралией, Японией и Южной Кореей Индию привлекает сотрудничество с НАТО по проекту противоракетной обороны. Конечно, если Индия решится на него, это негативно отразится на ее положении в регионе.

По сути, то, что достигнуто государственными и негосударственными игроками региона, укрепляет их позиции и позволяет справиться с любой ситуацией, которая может возникнуть в будущем. Они проводят мудрую политику с учетом того, что совершенно неясно, чем может обернуться «конец игры» в Афганистане. Понятно, что страны Центральной Азии, сталкивающиеся с многочисленными неразрешенными внутренними и внешними

проблемами, пытаются выторговать для себя все, что только можно в сложившихся обстоятельствах.

Перспективы можно расширить

Спустя несколько лет после окончания «холодной войны» американский политолог, дипломат и специалист по Советскому Союзу Струоб Тэлбот пришел к выводу, что либо в «новую большую игру» играют все, либо ее вообще не стоит затевать. Подобно Афганистану, весь рассматриваемый регион не сможет успешно решать стоящие перед ним задачи без всеобъемлющего консенсуса. Наличие слишком многих акторов, способных, независимо от их величины и влияния, вставить свой «клин», будет являться препятствием до тех пор, пока все они или большинство не окажутся в одной лодке. Мятежники или саботажники будут по-прежнему взрывать трубопроводы. «Перетягивание каната» между конкурирующими центрами силы способно погрузить регион в пучину хаоса на долгие десятилетия.

Хотя после окончания «холодной войны» Индия и Пакистан сменили предпочтения – первая приняла сторону Запада, а второй – Востока, условия новой игры настолько сложны, что они нуждаются в помощи друг друга. Индия располагает многочисленными преимуществами в силу размера, экономического веса и исторических связей с регионом, но она не реализует до конца потенциал без сотрудничества с Пакистаном, который может встать на ее пути. Исламабад претендует на то, что у него больше рычагов влияния на Афганистан, главным образом в силу географического положения и той роли, которую он играл в последние десятилетия, неизменно оказывая содействие афганским силам сопротивления. Сегодня он пожинает плоды своей политики, отразившейся как на внутреннем положении страны, так и на ее западных границах. Поэтому Пакистан нуждается в Индии, чтобы по крайней мере на восточном фронте ситуация оставалась под контролем. Представляется, что возможно, обе державы находятся только в самом начале движения к разрядке.

Конечно, существует достаточное количество многосторонних договоренностей, открывающих путь к сотрудничеству и решению более фундаментальных задач. В целом обоюдовыгодные двусторонние отношения Индии и Пакистана могут быть дополнены четырехсторонней инфраструктурой с участием Ирана и Афганистана. Один китайский стратег выступил с рекомендациями по

созданию такой инфраструктуры под названием «Памирская группа» в составе Китая, Афганистана и Пакистана. Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), созданная для объединения некоторых бывших советских республик, могла бы сыграть аналогичную, если не более полезную роль. Зонтик ШОС имеет очевидные преимущества. Эта организация уже объединила всех крупных региональных игроков – Россию, Китай и даже Индию.

Одной из целей подобной организации могло бы стать формирование без промедления консенсусного правительства в Афганистане. Помимо обеспечения внутренней безопасности, что не способна обеспечить ни одна военная структура, а уж Афганская национальная армия и подавно, консенсус позволил бы принимать независимые решения во взаимоотношениях с другими государствами. Достаточно вспомнить политику Кабула в «буферные» годы. Она отличалась тонким и умелым балансированием между разными интересами; при этом Афганистан не угрожал соседним странам.

Совместная игра, по мнению Тэлбота, послужит на благо региона, но может поставить США в невыгодное положение. Америка не принадлежит к данной части мира, у нее больше нет денег для инвестиций здесь, и в случае честной и справедливой игры ее основные соперники выгадают значительно больше. Однако у Вашингтона достаточно жесткой силы и глобального влияния, чтобы расстроить любые невыгодные для себя планы региональных держав. Много лет тому назад другой представитель Соединенных Штатов, Дуайт Эйзенхауэр, предупреждал, что американский военно-промышленный комплекс способен втянуть страну в вечную войну. Таким образом, коллективный подход стран региона – это панацея от многочисленных угроз безопасности.

*«Россия в глобальной политике», М., 2012 г.,
№ 6, ноябрь-декабрь, с. 146–153.*

Н. Ульченко

ВОСТОКОВЕД

ПОЛИТЭКОНОМИЯ СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМА: ОПЫТ ТУРЦИИ

Со второй половины XX в. в общественно-политическом развитии Турции происходило постепенное усиление роли ислама,

обусловленное некоторым смягчением той радикальной интерпретации принципов светскости, которые были характерны для первых десятилетий существования Турецкой Республики. В 1970-х годах на политической сцене появились партии происламского толка, которые, несмотря на настороженное отношение со стороны официальных властей и армии, набирали популярность. В 1996 г. лидеру происламской Партии благоденствия Неджметину Эрбакану удалось занять пост премьер-министра в составе коалиционного правительства, хотя, как оказалось, ненадолго. В 1997 г. по настоянию военных правительство Эрбакана ушло в отставку. Но спустя лишь несколько лет, в 2002 г., убедительную победу на парламентских выборах одержала происламская партия, объединившая, как считается, наиболее либерально настроенных членов партий-предшественниц, – Партия справедливости и развития (ПСР). Сформировав однопартийное правительство, она бесспорно находится у власти в стране по сей день.

Привнесла ли новая власть изменения в экономическую политику страны, обусловленные ее специфическими установками, можно ли говорить об использовании ею в той или иной мере принципов исламской экономики в сегодняшней Турции?

Прежде чем искать ответ на этот вопрос, следует принять во внимание несколько предварительных соображений. Во-первых, необходимо выяснить содержание термина «исламская экономика». Экономисты из мусульманских стран, являющиеся авторами концепции и разработчиками теоретических основ исламской экономики, часто определяют ее как рыночную, но руководствующуюся исламскими ценностями, такими как сотрудничество, ответственность, справедливость. По словам главы Центрального банка Пакистана И. Хусейна, исламская экономика представляет собой не более чем попытку обеспечить баланс между рынком, семьей, обществом и государством, поэтому «исламизация» экономики в первую очередь затрагивает распределение доходов и борьбу с бедностью, т.е. проблемы, в решении которых не удалось преуспеть капитализму. Итак, принцип социальной справедливости рассматривается как наиболее существенный атрибут исламской экономики.

Трактовка данного принципа базируется на двух положениях. Первое положение предусматривает взаимную ответственность, второе – соблюдение социального баланса. Это означает, что ислам допускает имущественное неравенство, но в разумных пределах. Не одобряется общественное устройство, в рамках которого

меньшинство живет в роскоши, а большая часть населения влечит голодное нищенское существование. Во-вторых, исламская экономика зачастую ассоциируется с деятельностью исламских финансовых институтов, функционирующих на беспроцентной основе. Запрет рыбы – процентного дохода – в случае предоставления денег займы подразумевает, что процесс инвестирования в исламской модели требует активного участия ссужающего денежные средства. Получение прибыли собственником денег оправдано, если он находится в равных условиях с обладателями прочих факторов производства, т.е. если он принимает на себя инвестиционные риски, что означает зависимость дохода как от факта наличия прибыли, так и ее размеров.

Таким образом, исключается получение фиксированного и гарантированного вознаграждения, известного как ссудный процент. Но специфические особенности функционирования банковских учреждений исламского типа остаются лишь инструментами, обеспечивающими соблюдение принципа экономической и социальной справедливости в том смысле, как они понимаются теоретиками исламской экономики.

В современной Турции существуют и, по-видимому, довольно активно развиваются банковские институты исламского типа. Они известны как «специальные финансовые организации». В 1990-е годы они рассматривались как особая часть национальной банковской системы, и данные об объеме их активов, прибыли и пр. публиковались Ассоциацией банков Турции. В последние годы информация о деятельности специальных финансовых организаций как отдельном фрагменте национальной банковской системы не публикуется. Можно сказать лишь о том, что по состоянию на конец 1990-х годов на них приходилось немногим более 2% от суммарных активов национальных банков. Тем не менее важно подчеркнуть еще раз, что банковские учреждения, функционирующие на беспроцентной основе, рассматриваются в данном случае лишь как одна из форм следования общим принципам исламской экономики, о концептуальной роли которых в экономической политике правительства и предполагается вести речь. Подобная позиция обусловлена не только стремлением избежать узости подхода, в рамках которого исламская экономическая модель сводится лишь к наличию специфических финансовых институтов. Важно учесть, что светский характер Турецкой Республики и довольно длительный период жесткого ограничения государством влияния ислама на общественное развитие значительно ослабили и

юридические, и исторические предпосылки полномасштабного возрождения исламской экономической традиции. Известный турецкий исследователь З. Ониш отмечает, что гиперсекуляризм кемалистской модели модернизации сделал возможным исключение альтернативы – исламского политического порядка – в преимущественно мусульманском обществе. «Несомненно, что значительно более скромный курс, которого придерживаются в последние годы исламисты в Турции, отражает, в том числе, влияние кемалистского проекта модернизации с его сильным акцентом на принцип секуляризации», – резюмирует он. Так что в качестве третьей важнейшей предварительной посылки анализа следует принять следующее: говоря о возможном влиянии принципов исламской экономики на современное экономическое развитие Турции, можно ставить вопрос лишь о вероятной модификации общей модели, некоторых изменениях приоритетов, но никак не о полномасштабной реализации экономико-правовых установок шариата, официальном использовании предписываемой им системы налогообложения и пр.

Разработка концепции исламской экономики пока еще далека от своего завершения, что позволяет дополнить ее более или менее официально признанные постулаты логически вытекающими из них положениями, которые подтверждены тезисами отдельных теоретиков или, что более важно, экономической практикой исламских (происламских) правительств в национальных мусульманских государствах. Так, например, из важности соблюдения принципа социальной справедливости логически следует признание довольно существенной роли государства как экономического и социального регулятора в системе исламской экономики. Или, поскольку сама идея исламской экономики вдохновлена стремлением создать экономическую модель, альтернативную либеральной западной экономике, вполне логично, что эта модель не может или, по крайней мере, не должна воплощаться на деньги Запада, для которого, в свою очередь, целесообразность финансирования исламского экономического эксперимента неочевидна. Поэтому идее перестройки экономики на исламский лад свойственно отрицательное отношение к использованию внешних источников финансирования, в первую очередь к средствам из западных стран, которые являются крупнейшими кредиторами на мировом финансовом рынке. Данный тезис в настоящей статье является четвертой посылкой дальнейшего анализа. Например, руководство Ирана проявляет крайнюю осмотрительность в отношении внешних ис-

точников финансирования на протяжении всего периода развития после исламской революции. Но финансирование иранской экономики поддерживается нефтяными доходами, особенно в годы благоприятной ценовой конъюнктуры.

Что же касается экономики Турции, которая еще со времен проблемы османского долга оказалась прочно привязанной к финансированию извне, то провозглашение подобных лозунгов следует рассматривать либо как проявление экономического авантюризма, либо, в лучшем случае, – сознательной готовности пойти на замедление темпов экономического роста, если, конечно, не найдется более приемлемый источник финансовой поддержки за рубежом, лучше всего имеющий мусульманское происхождение.

Так, важнейшей составляющей предвыборной кампании Н. Эрбакана в 1995 г. стала идея противостояния Западу. В его выступлениях звучал как мотив непримиримости в отношении ЕС, так и призыв к объединению мусульман мира. Выступая в Анкаре в июле 1995 г., Эрбакан заявил: «Партия благоденствия выступает не за роль Турции – прислужницы Запада, а за всемирное сотрудничество мусульман». В этот период неприятие идей сотрудничества с Евросоюзом приняло у лидера ПБ форму открытых угроз относительно соблюдения Турцией договорных обязательств в рамках начавшего действовать Таможенного союза Турции и ЕС. Столь решительный настрой ПБ проистекал из признания не столько объективного, сколько субъективного характера постоянной зависимости Турции от внешних, особенно западных источников финансирования. Министр финансов коалиционного правительства А. Шенер, представлявший в нем Партию благоденствия, заявил: «За государственными займами стоит соответствующее лобби, и долги лавинообразно нарастают. Мы не являемся правительством этого лобби. Поэтому нам будет легко преодолеть эту тенденцию в динамике государственных займов...»

Лидеры ПБ противопоставляли сложившейся модели идею опоры на собственные силы. Государственный министр коалиционного правительства от Партии благоденствия А. Гюль, отвечая на вопрос турецкого журнала «Экономист» об изменениях в экономической политике, планировавшихся его правительством, заявил следующее: «Каждая страна прибегает к использованию внешних источников, к займам, но мы верим, что главный принцип, который позволит разорвать порочный круг, заключается в том, что страны, подобные Турции, способны поддерживать динамизм внутри национальной экономики». Отсюда и главный принцип исламистов во

взаимоотношениях с МВФ: «да» – сотрудничеству по вопросам разработки макроэкономической политики, «нет» – долгосрочному кредитному сотрудничеству в рамках схемы «stand by».

В ходе переговоров предполагалось информировать МВФ об успехах Турции в аккумулировании новых источников финансирования и снижении потребности государства в дефицитном финансировании. Реализма данной позиции придавало намерение заключить новые финансовые соглашения с исламскими странами, а Исламский банк развития рассматривать в перспективе как основного кредитора Турции.

Столь высокая ставка на новые или дополнительные источники финансирования требовала, по меньшей мере, обнаружить их «внутри экономики Турции». Под новыми источниками подразумевались «люди, природные ресурсы и государственная недвижимость». После назначения на пост премьер-министра Н. Эрбакан разослал во все государственные министерства и ведомства устное распоряжение, которое предписывало «создание и поиск источников». Министерству энергетики и природных ресурсов поручалось провести инвентаризацию природных ресурсов страны. Особо при этом выделялась задача оценить по новой стоимости рудные запасы и заключить соглашения на их разработку с мусульманскими странами. Всем государственным организациям вменялось в обязанность провести подробную инвентаризацию находящейся в их собственности недвижимости. После ее завершения планировалось приступить к массивной продаже участков под строительство, земельных угодий, отелей и автомашин. Особая роль в процессе создания источников отводилась передаче в частную собственность лесных угодий.

Идея отказа от использования внешних источников финансирования неизменно присутствует в концептуальных документах Общества независимых предпринимателей (МЮСИАД), представляющего интересы мелких и средних предпринимателей Турции (так называемого «зеленого капитала») – одной из важнейших электоральных групп происламских партий. Например, в подготовленном незадолго до прихода к власти ПСР экономическом обзоре МЮСИАД «Турецкая экономика 2002: Оценки 2001 г., ожидания на 2002 г.» решить проблему внутреннего долга предлагалось за счет «монетизации» (эмиссионного покрытия) его четвертой части. Остальную часть предлагалось перевести в валютные облигации с индексируемым доходом и сроком погашения от 3 до 7 лет. Отказ от использования внешних источников финанси-

рования и одновременная «монетизация» и консолидация госдолга означали бы или откладывание возобновления экономического роста по меньшей мере на несколько лет, или же, что более вероятно, использование неоднократно применявшейся в Турции модели инфляционного роста с практически неконтролируемым ростом цен, а следовательно – усиление финансовой нестабильности и невозможность устойчивого развития экономики. «Монетизацию» и консолидацию долга, по-видимому, следует рассматривать в качестве еще одной интерпретации создания «новых источников» при направленности как первого, так и второго подхода против использования внешних источников финансирования.

Ниже предлагается проанализировать особенности социальной политики и отношение к использованию внешних источников финансирования действующего правительства Партии справедливости и развития. С учетом условий, в которых начиналась деятельность происламского правительства, – период исполнения очередного соглашения с МВФ о стабилизационном кредите – вопрос сводится к выявлению позиции кабинета по вопросу взаимодействия с Фондом и использования его кредитов в обмен на проведение согласованной с его экспертами макроэкономической политики.

Основное направление социальной политики ПСР было обозначено еще в предвыборном заявлении одного из лидеров партии А. Гюля, в котором он объявил о намерении партии снизить предлагавшиеся МВФ размеры профицита первичного бюджета (сумму, на которую доходы бюджета превышают расходы без учета процентных выплат по госдолгу) в пользу увеличения социальных расходов правительства. Выступая перед парламентом после победы на выборах 23 ноября 2002 г., новый премьер-министр А. Гюль огласил программу своего правительства. Размер профицита первичного бюджета предполагалось планировать таким образом, чтобы, с одной стороны, обеспечить необратимое сокращение государственного долга, а с другой – учитывать потребности роста экономики и социальной политики.

5 апреля 2003 г. турецкие уполномоченные лица подписали очередное Письмо о намерениях, подготовленное в связи с началом работы специалистов Фонда над очередным отчетом по кредитному соглашению с Турцией. В письме подчеркивалось: «Оставаясь приверженным политике дезинфляции и стабилизации, правительство признает жизненно важным для успешного продолжения реформ социальную защиту наиболее уязвимых слоев населения». В этой связи правительство намеревалось, оставаясь в

рамках бюджета, повышать роль социальных расходов посредством более избирательной целевой направленности социальных программ и использования основной части имеющихся ресурсов на поддержку наиболее нуждающихся групп населения.

Тем не менее новое правительство не ограничилось лишь повышением эффективности социальных программ. Практически сразу же обозначилась и тенденция увеличения социальных расходов. На момент работы над текстом письма уже были осуществлены дополнительные поддерживающие выплаты пенсионерам в размере 0,9% ВВП. Суммарные социальные расходы, включая здравоохранение, образование, планировалось повысить до 17,9% бюджета против 17,5% в 2002 г. При этом правительство признавало в письме, что ему не удалось полностью придерживаться основных параметров, в рамках которых, согласно стабилизационной программе, одобренной МВФ, должно было бы происходить развитие экономики. В частности, правительство столкнулось с трудностями при проведении жесткой фискальной политики: по состоянию на конец декабря 2002 г. профицит первичного бюджета составил всего 2,5% вместо рекомендованных МВФ 6,5%, что объяснялось как повышением расходов, так и сокращением бюджетных доходов в период, предшествовавший досрочным парламентским выборам, т.е. до ноября 2002 г. В короткий период, оставшийся до окончания года, новое правительство не смогло ликвидировать отставание от намеченных показателей.

Таким образом, в экономической политике нового правительства на первых этапах проявлялась наметившаяся еще в период предвыборной борьбы попытка противостояния требованиям МВФ по вопросам фискальной и социальной политики, что привело к сложностям в ходе подготовки отчета специалистов Фонда. Показательно, что турецкие власти высказались против того, чтобы отчет МВФ был опубликован в Турции, принимая во внимание возможную «чувствительность» рынка, а проще говоря – его весьма вероятную негативную реакцию на довольно жесткие оценки, содержащиеся в документе. Так, в отчете отмечалось, что «объявление неожиданных инициатив в налоговой сфере и в вопросах использования государственных средств... привело к тому, что приверженность властей программе (стабилизационной) по временам представлялась далекой от всецелой».

В дальнейшем сотрудничество с МВФ стало носить более согласованный характер, целевые задачи по объемам профицита первичного бюджета более не дискутировались правительством,

но исполнялись по возможности точно. Тем не менее турецкая элита не отказалась от продолжения и даже введения дополнительных социальных программ, хотя и довольно ограниченных, но неизменно компенсируя новые расходы увеличением налогов и сборов. При этом подходы правительства ПСР к финансированию социальной политики вполне соответствовали объявленным еще в начале его правления и не утратившим актуальность в дальнейшем принципам целевой избирательности и поддержки наиболее нуждавшихся групп (как правило, они совпадают с наиболее важными электоральными группами), в том числе за счет роста налогового бремени, ложившегося на плечи прочих социальных слоев.

Определенная двойственность социальной политики, как неизбежное следствие ее «избирательности», стала одной из важнейших ее особенностей в период правления Партии справедливости и развития. С одной стороны, важным шагом в сфере социальной политики стало окончательное согласование реформы системы социального страхования, подготовленной в рамках договоренностей с МВФ. Ее основные направления заключаются в следующем: постепенное повышение пенсионного возраста до 65 лет, ограничение уровня индексации пенсий уровнем роста цен, снижение уровня пенсий относительно заработной платы до международных стандартов (по состоянию на 2007 г. Турция имела один из самых высоких относительных уровней пенсий среди стран ОЭСР), создание единого пенсионного фонда вместо нескольких ныне действующих. В апреле 2008 г. реформа была одобрена парламентом. По оценкам Всемирного банка, ее реализация обеспечит в ближайшие 75 лет экономию в размере 75% от ВВП 2007 г.

С другой стороны, пенсионное обеспечение является далеко не единственным и, с точки зрения правительства ПСР, очевидно, не самым важным звеном системы социальной поддержки. И действительно, помимо трудовых пенсий в Турции осуществляются разнообразные социальные выплаты по линии: Министерства здравоохранения (покрывает расходы на лечение граждан, не входящих в категорию «оплачиваемой рабочей силы», через систему так называемых «зеленых карт» при условии, что доход на одного члена семьи составляет менее трети минимальной заработной платы); Общества социальной защиты (наряду с обычными трудовыми пенсиями выплачивает ежемесячные пособия гражданам в возрасте свыше 65 лет, выплатами охвачено порядка 20% лиц соответствующей возрастной категории, не имеющих права на полноценное пенсионное обеспечение, размер пособия составляет

менее 100 тур. лир); Генерального управления вакфов (уполномочено на поддержку таких проектов, как открытие студенческих общежитий, учебных заведений, выплата ежемесячных пособий нуждающимся инвалидам); Общества социальной защиты детей (оказывает поддержку в материально-вещественной и денежной форме детям из нуждающихся семей, неспособных обеспечить основные потребности ребенка хотя бы на минимальном уровне для соответствующего возраста); Министерства образования (обеспечивает учащимся в системе начального и среднего образования бесплатное проживание и стипендии); Фонда поддержки социальной помощи и солидарности (средствами фонда распоряжается его дирекция, действует через обширную систему местных вакфов социальной помощи и солидарности, оказывая самые разнообразные виды поддержки нуждающимся); Управления студенческих общежитий (выплачивает стипендии нуждающимся студентам в период получения высшего образования). Анализ данных таблиц 1 и 2 демонстрирует уверенный рост абсолютных и относительных размеров помощи, оказанной через систему государственных организаций социальной поддержки за годы правления Партии справедливости и развития.

Турецкий автор Д. Йылдырым подтверждает данный тезис, используя несколько иную систему подсчетов, а именно посредством оценки изменений в структуре бюджетных трансфертов, оцененных на основе данных о доходах домохозяйств: если в 2002 г. доля материально-вещественной помощи в общем объеме трансфертов составляла 2,64%, то в 2005 г. – 19,29%. При этом, наращивая объемы помощи, правительство в основном использовало ранее сложившиеся каналы ее доведения до жителей страны: абсолютное большинство действующих ныне в Турции учреждений (программ) социальной помощи начали функционировать задолго до прихода к власти ПСР. Так, программа «зеленых карт» действует в Турции с 1992 г.; решение о поддерживающих выплатах гражданам в возрасте свыше 65 лет, не имеющим права на получение трудовой пенсии, было принято еще в 1977 г.; Генеральное управление вакфов осуществляет свои программы с 1984 г., а Общество социальной защиты детей – с 1983 г.; Фонд поощрения социальной помощи и солидарности был создан и начал функционировать в 1986 г. Исключение составляет лишь программа выплаты стипендий Управлением студенческих общежитий, которая действует с 1 января 2004 г. и, следовательно, является детищем нового правительства.

Таблица 1

Размеры выплат по линии учреждений социальной поддержки Турции (тыс. тур. лир)

Название учреждения (вида социальной поддержки)	Годы						Среднегодовые темпы роста (%)
	2002	2003	2004	2005	2006	2007	
Система «зеленых карт»	649 815	917 000	1 062 000	1 808 610	2 910 000	3 913 888	43,2
Выплаты по линии Общества социальной защиты	311 623	737 091	788 825	1 003 882	1 284 823	1 620 143	39,1
Выплаты по линии Генерального управления ваффов	2833	4846	8809	28 108	58 673	63 773	84,4
Выплаты (расходы по предоставлению материально-вещественной помощи) по линии Общества социальной защиты детей	5233	9910	11 484	15 981	41 000	48 255	57,2
Выплаты по линии Министерства образования	15 175	17 363	24 419	47 208	57 668	85 003	41,2
Выплаты по линии Фонда поддержки социальной помощи и солидарности		278 137	392 598	609 380	783 679	851 245	32,2
Выплаты по линии Управления студенческих общежитий			49 348	123 570	204 166	298 530	

**Размеры выплат по линии учреждений
социальной поддержки Турции (% ВВП)**

Название учреждения (вида) социальной под- держки	Годы					
	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Система «зеленых карт»	0,19	0,20	0,19	0,28	0,38	0,46
Выплаты по линии Общества социальной защиты	0,09	0,16	0,14	0,16	0,17	0,19
Выплаты по линии Генерального управле- ния вакфов	0,0008	0,0010	0,0015	0,004	0,008	0,007
Выплаты (расходы по предоставлению мате- риально-вещественной помощи) по линии Общества социальной защиты детей	0,0015	0,0021	0,0020	0,0024	0,005	0,006
Выплаты по линии Ми- нистерства образования	0,004	0,003	0,004	0,007	0,007	0,009
Выплаты по линии Фонда поддержки соци- альной помощи и соли- дарности	...	0,06	0,07	0,09	0,10	0,10
Выплаты по линии Управления студенче- ских общежитий	...					

Тем не менее на годы правления Партии справедливости и развития приходится некоторые организационные перемены в системе учреждений социальной поддержки. Часть из них носит технический характер (отказ от системы «зеленых карт» и включение их владельцев в систему Общего медицинского страхования при уплате страховых взносов государством; передача в 2006 г. выплаты ежемесячных пособий пожилым гражданам от одной государственной организации пенсионного страхования – Пенсионной кассы Турецкой Республики, к другой – Обществу социальной защиты, которое выполняет задачи по страхованию наемных работников государственного и частного секторов).

Но часть нововведений правительства может расцениваться как знаковая. В декабре 2004 г. в силу вступил Закон 5263, имев-

ший целью укрепление организационной структуры Фонда поддержки социальной помощи и солидарности. Если ранее подготовкой его бюджета и распределением средств занимался генеральный секретариат, являвшийся подразделением аппарата премьер-министра, то Законом 5263 для управления Фондом была создана дирекция при аппарате премьер-министра. Очевидно, меры структурного укрепления Фонда поддержки социальной помощи и солидарности были продиктованы стремлением к дальнейшему расширению его роли и влияния в системе социальной поддержки населения. Особое отношение правительства к Фонду, очевидно, связано с целями и особенностями его функционирования, которые исключительно близки исламской риторике взаимопомощи и взаимной ответственности членов уммы. Основопологающая целевая установка отражена в ст. 1 Закона об учреждении Фонда поддержки социальной помощи и солидарности: «Оказывать помощь людям, оказавшимся в затруднительном положении или нуждающимся в помощи, принимая меры к укреплению социальной справедливости, обеспечивать справедливое распределение доходов, поощрять социальную помощь и солидарность».

По словам Х. Хаджихахмутоглу – автора работы о системе социальной поддержки в Турции, «цель программ Фонда – оказать человеку социальную помощь буквально по месту проживания – в своем же квартале – и с применением максимально гибких подходов». Приближению Фонда к нуждам гражданина способствует организация его деятельности через 973 вакфа (отделения), расположенных в 81 иле (т.е. каждом административном округе) и 973 ильче (т.е. в каждом территориальном подразделении административного округа). Гибкость достигается через многообразие форм помощи, предоставляемых Фондом: периодическая помощь; помощь на медицинские нужды (лечение и медицинскую помощь); выделение средств на особые нужды (финансирование деятельности бесплатных общественных столовых, поддержка в чрезвычайных ситуациях, содержание приютов); помощь в получении образования (поддержка студентов и пр.); продовольственная помощь (продовольственная помощь, оказываемая в канун религиозных праздников Курбан-байрам и Рамазан-байрам, организация благотворительных обедов); систематическая помощь продуктами и одеждой.

Гибкость деятельности Фонда, очевидно, во многом обеспечивается его статусом одного из трех сохранившихся в Турции на сегодняшний день внебюджетных фондов. Это означает, что рас-

ходы Фонда не контролируются парламентом, а требуют одобрения только совета Фонда и премьер-министра. Подобный статус Фонда, очевидно, позволяет отнести его к неформальным каналам предоставления помощи, роль которых, по мнению З. Ониша, особенно важна в условиях бюджетных ограничений, т.е. ограничений на использование формальных каналов перераспределения, накладываемых фискальными требованиями МВФ.

Привлекательность Фонда поддержки социальной защиты и солидарности для правящей партии, по всей видимости, заключается в том, что в отличие, например, от системы «зеленых карт» или выплаты пособий пожилым гражданам, где основание для получения помощи одинаково для всех и каждого (например, возраст), через посредство Фонда можно оказывать помощь конкретному избирателю с его специфическими нуждами, используя индивидуальный подход и устанавливая тем самым эффективный контакт нуждающегося электората с властью, как правило, с позитивным исходом для первого, а в более долгосрочной перспективе – и для второй. Поэтому размер социальных расходов по линии Фонда поддержки социальной помощи и солидарности весьма существенен и уступает лишь социальным выплатам, осуществляемым для финансирования системы «зеленых карт» и поддержки пожилых граждан, не имеющих права на официальную пенсию (см. табл. 1 и 2).

Турецкий исследователь Д. Йылдырым также отмечает центральную роль, которую ПСР отводит Фонду и его многочисленным вакфам в росте объемов социальной помощи и трансфертов. Что касается роста масштабов социальной поддержки по линии Фонда, то Йылдырым отмечает, в частности, следующее: на момент прихода ПСР к власти численность семей, получавших субсидии на отопление, составляла менее 1 млн., в 2007 г. – 1 млн. 895 тыс., а в 2008 г. – свыше 2 млн. По приводимым им оценкам, в период правления ПСР с 2003 по 2008 г. тем или иным видом социальной поддержки по линии Фонда воспользовались в общей сложности 42 млн. 663 тыс. человек.

Цель нарастающего потока социальных выплат не ограничивается реализацией исламских принципов в рамках экономической политики правящей партии. По верному замечанию Д. Йылдырыма, характерный в целом для неолиберального подхода рост социальных выплат в данном случае удачно переплетается с «проектом исламизации», ибо социальная помощь, являясь своего рода посланием в духе ислама, одновременно позволяет заполнять пар-

тии оставшиеся пустоты (на электоральном пространстве). «Понимание истоков этого существенного роста исходящей от государства денежной и материально-вещественной помощи связано с осознанием того, что в основе расширения поддержки ПСР связанным с нею социальным группам лежит стремление к установлению связи между популистскими посланиями и политическими планами», – резюмирует Д. Йылдырым. Схожих позиций в оценке социальной политики ПСР придерживается и З. Ониш. Он рассматривает ее как результат переплетения двух факторов – идеологического и прагматического. Идеологический элемент базируется на понятиях справедливости и равенства, подчеркивающих связь партии с исламским наследием. Прагматический элемент связан с необходимостью получить популярность и поддержку.

При этом сама идея использовать социальную помощь в политических целях принадлежит не ПСР. Она возникла гораздо раньше. Комментируя данную проблему, Д. Йылдырым приводит цитату из работы турецкого автора Г. Ялмана «Социальная политика: от государства благоденствия к управлению социальными рисками»: «Наличие в Турции до последнего времени значительных групп населения, не охваченных различными видами социальной поддержки, ставило в повестку дня оказание через всевозможные механизмы денежной и материально-вещественной помощи нуждающимся... В ходе происходившего на протяжении последних 25 лет процесса перестройки турецкой экономики Фонд поддержки социальной помощи и солидарности стал основным инструментом проведения политики по ослаблению (политического) влияния бедноты». Нововведение ПСР состоит в трансформации социальной поддержки из «инструмента ослабления влияния бедноты» в инструмент расширения ее поддержки на фоне заметного увеличения объемов помощи и роста масштабов охвата. Совершенно очевиден параллельный ход процессов усиления (или, по меньшей мере, сохранения на высоком уровне) поддержки ПСР от выборов к выборам и роста численности получателей социальной помощи. З. Ониш отмечает, что «партии удалось сделать капитал на систематических усилиях помочь бедным... при посредстве различных формальных и неформальных каналов».

Весьма существенное обстоятельство, связанное с социальной политикой правительства ПСР, заключается в следующем: рост объемов абсолютной и относительной помощи, оказываемой по вышеперечисленным каналам социальной поддержки, происходит на фоне остающихся практически неизменными относитель-

ных расходов на социальные услуги: доля статьи «Здравоохранение и социальные услуги» в структуре ВВП, рассчитанного в ценах 1998 г., в 2002 г. составила 1,3%, в 2003 г. – 1,1, во все последующие годы, включая 2008 г., – 1,2%. Аналогична ситуация и с величиной затрат на образовательные услуги: в 2002 г. она составила 2,2%, а в последующие годы даже снизилась до 2,0%. Данное обстоятельство заставляет вновь обратить внимание на уже отмеченный ранее факт, заключающийся в том, что усиление социальной политики ПСР, очевидно, соседствует с усилением дифференциации в процессе перераспределения ВВП. Иными словами, принцип избирательности, поддержки связанных с партией социальных групп при неизменной доле расходов на социальные услуги означает вытеснение из системы социальной поддержки «несвязанных групп» или, говоря проще, удорожание для них услуг, субсидируемых для «избранников» ПСР. Обращает на себя внимание замечание Д. Йылдырыма о том, что средняя доля расходов домохозяйств на образование выросла с 35,8% в 2005 г. до 39% в 2006 г. «С одной стороны превращение государственного образования в рыночный товар, с другой – проведение политики в пользу связанных (с ПСР) социальных групп», – резюмирует он.

Как уже упоминалось, политика правительства в отношении использования внешней помощи на цели экономического развития оказалась в большей мере преемственной, чем новаторской. Сторонники ПСР объясняли это тем, что курс правительства представлял собой неизбежное следствие тяжелых условий, в которых турецкая экономика находилась после 1991 г., оказавшись заключенной в порочный круг неуклонно возрастающих государственных займов. Поэтому для ПСР в качестве партии власти оказалось невозможным следовать собственной экономической программе. Как и предыдущие правительства Турции, кабинет Партии справедливости и развития вынужден был демонстрировать «шоу готового платья». Ввиду этого, настаивали сторонники ПСР, более правильно было бы оценивать не столько экономическую деятельность правительства, сколько выполнение им технических функций по реализации программы, одобренной МВФ.

Вопрос встал более остро летом-осенью 2004 г., когда необходимо было решить, заключать ли новое кредитное соглашение с МВФ. И на этот раз было принято положительное решение. Руководство страны кратко объяснило это требованиями рынка. Сдержанность комментариев официальных лиц, видимо, объяснялась тем, что в очередной раз правительству пришлось сделать выбор

не в пользу собственных экономических предпочтений, а в пользу предопределенности, продиктованной экономическими реалиями.

Срок действия соглашения с МВФ истек в мае 2008 г. Повторное решение о сохранении прежнего формата отношений с МВФ, с одной стороны, могло повлечь за собой уже серьезную дискредитацию экономических принципов ПСР. С другой стороны, в пользу возможности проведения более независимой экономической политики говорили достижения Турции в сфере экономической стабилизации и роста. Уже в заключительном письме о намерениях, подготовленном турецкой стороной в конце апреля 2008 г., отмечалось, что государственные финансы Турции существенно окрепли за счет поддержания высокого уровня профицита первичного бюджета на протяжении ряда последних лет: государственный долг снизился до 30% ВВП. «Это позволяет нам отказаться от достижения цели по поддержанию профицита в размере 6,5% ВВП, которая рассматривалась как ключевая в фискальной политике, заменив ее четким среднесрочным ориентиром. Он будет подчинен цели снижения долга и предусматривать создание институциональной системы по ограничению государственных расходов», – говорилось в письме. Таким образом, речь шла о стремлении Турции перейти к более мягкой фискальной политике, которая допускала бы кратковременное нарушение фискальной дисциплины при условии его компенсации по итогам среднесрочного периода. В итоге Р.Т. Эрдоган позволил себе в нескольких публичных выступлениях в 2008 г. заявить, что он не заинтересован в дальнейшем сотрудничестве с МВФ, который вынуждает правительство проводить жесткую фискальную политику. Но решимость правительства поколебал мировой финансовый кризис. К декабрю 2008 г. турецкое правительство все же объявило о решении заключить соглашение с МВФ с тем, «чтобы повысить доверие инвесторов и покрыть свои потребности во внешнем финансировании». Вместе с тем турецкая сторона начала ставить вопрос об использовании средств Фонда не на цели финансовой стабилизации, а на покрытие возросшего вследствие активных антикризисных мер правительства дефицита бюджета.

16 сентября 2009 г. была обнародована Программа среднесрочного развития Турции на 2010–2012 гг. Как следовало из ее положений, по итогам 2009 г. Турцию ожидало снижение ВВП на 6%. С 2010 г. ожидалось возобновление экономического роста, который должен составить 3,5%, а в последующие два года – 4 и 5% соответственно. По итогам кризисного 2009 г. Турция не только не

планировала достичь какого-либо уровня профицита первичного бюджета, но, напротив, размер дефицита еще до учета процентных выплат по госдолгу должен был составить 2,1% ВВП. В 2010 г. первичный бюджет вновь планировалось свести с дефицитом, хотя его размер, по оценкам авторов программы, должен будет снизиться до 0,3% ВВП. Вернуться к профициту первичного бюджета Турция планировала только в 2011 г., когда он составит 0,4%, а в 2012 г. – 1% ВВП. При этом ожидался рост отношения госдолга к ВВП с 40% в 2008 г. до 47% в 2009 г. и 49% в 2010, и лишь в 2011 и 2012 гг. – его некоторое снижение. Турецкая пресса оценила приведенные в программе макроэкономические показатели как «далекие от ожиданий МВФ».

Тем не менее в последовавшем за обнародованием программы заявлении главы миссии МВФ по Турции Рашель Ван Элкан отмечалось: «Мы воодушевлены среднесрочной программой, которая ставит целью постепенное выправление ухудшившегося состояния государственных финансов страны... Программа, исходя из серьезного влияния глобального кризиса на турецкую экономику, устанавливает реальные макроэкономические цели и включает важную задачу по стабилизации отношения госдолга к ВВП к 2011 г. и его дальнейшему снижению в последующем». Но, видимо, по замыслу турецкого правительства, программа все же должна была стать своего рода вызовом финансовым параметрам, «навязываемым» МВФ. В качестве ответа на этот вызов можно расценивать заявление, сделанное бывшим директором-распорядителем МВФ Д. Стросс-Каном на пресс-конференции 2 октября 2009 г. о том, что МВФ – это институт помощи, и он не имеет дела со странами, которые этого не хотят. «Если они не чувствуют нужды в помощи, для нас это хорошо, МВФ не является банком и не ищет клиентов», – резюмировал он. Еще некоторое время в отношениях сторон сохранялась неопределенность. Турецкий экономист Осман Улагай объяснил затяжной характер переговоров следующим образом: «Эрдоган продолжает играть в эту игру, поскольку она очень подходит для Турции в ее нынешнем положении. Во-первых, демонстрируемая им готовность поставить на карту отношения с МВФ приносит неплохие политические дивиденды. Во-вторых, то, что соглашение с МВФ остается неподписанным, позволяет властям безответственно увеличивать государственные расходы. В-третьих, то, что отношения с МВФ все же сохраняются, позволяет заигрывать с рынком, который придает большое значение соглашению с Фондом. В силу всех на-

званных причин Турция, если она не столкнется с новыми экономическими шоками, возможно, пожелает продолжать эту игру».

Игра оказалась прекращенной по инициативе МВФ. 11 марта 2010 г. стало окончательно известно о том, что в силу невозможности достичь договоренности по определенным пунктам стороны отказались от подписания нового соглашения о стабилизационном кредите. Премьер-министр Т. Эрдоган постарался истолковать ситуацию максимально благоприятным для правительства образом, сославшись на то, что у его команды есть принципы, поступиться которыми невозможно. В частности, он сослался на неприемлемое для правительства требование МВФ о сокращении доли налоговых доходов, перераспределяемых в пользу муниципалитетов, что, по мнению правительства, оказалось бы в противоречии с начатой реформой местного самоуправления, предусматривающей обратные меры. Но, по оценкам турецкой прессы, ситуация неопределенности была разрешена именно по инициативе МВФ. Представители МВФ, видимо, лишь воспользовались поводом, тогда как причины прекращения сотрудничества все же связаны с турецкой стороной.

Стремясь успокоить общественное мнение, государственный министр Турции А. Бабаджан отметил, что Турция уже два года осуществляет движение без программы МВФ и далее вполне способна двигаться таким же образом. «Соглашение о стабилизационном кредите с МВФ – это дверь, которую Вы длительное время не вправе закрыть перед 192 странами-членами», – резюмировал он. Бабаджан подчеркнул, что отныне экономическая политика будет определяться Программой среднесрочного развития Турции. При этом в параметры развития страны были внесены определенные уточнения, согласно которым Турция избрала в качестве индикативной цели размер бюджетного дефицита в 1% ВВП. В случае его выхода на более высокий уровень на протяжении последующих лет он приводится к индикативному уровню посредством последовательного ежегодного снижения разницы между фактическим дефицитом и целевым уровнем в 0,33 раза.

Какими же могут оказаться экономические последствия решения правительства? За период кризиса Турция, очевидно, не сумела произвести структурную перестройку экономики, направленную на повышение ее конкурентоспособности, о необходимости которой уже довольно давно говорится в стране. Но тогда возобновление экономического роста будет автоматически означать рост дефицита по счету текущих операций. По прогнозам той же

Программы среднесрочного развития страны на 2010–2012 гг., в 2010 г. отношение дефицита по счету текущих операций платежного баланса к ВВП составит 2,8% против 1,8% в 2009 г., к 2012 г. он увеличится до 3,9%. При переводе в абсолютные цифры положение таково: по итогам 2009 г. дефицит составил 13,8 млрд. долл. Его ожидаемое значение к концу 2010 г. составит 25 млрд. долл. Таким образом, речь идет о возвращении к предкризисному сценарию развития, когда экономический рост в значительной мере опирался на поступление источников извне.

Представители крупного бизнеса Турции отметили, что руководству страны предстоит серьезная работа по устранению дефицита внешних источников финансирования. Причины, по которым правительство согласилось принять на себя риски, связанные с обострением данной проблемы, назвал аналитик по Турции инвестиционного агентства Standart & Poors Ф. Гилл: «2010 г. проходит в предвыборной атмосфере. Правительство захотело освободить себя от жестких финансовых ограничений МВФ». А поскольку рядом экспертов прогнозируется обострение в результате мирового кризиса социальных проблем в ряде быстроразвивающихся индустриальных стран, то подобные превентивные меры, видимо, могут оказаться нелишними для укрепления такого важнейшего направления экономической политики ПСЕ, каким является социальная защита населения.

Итак, по мере увеличения срока пребывания у власти про-исламской Партии справедливости и развития в ее экономической политике все более четко обозначались направления, которые были выделены как характерные для курса, вдохновляемого исламом, – усиление адресной социальной поддержки для «членов уммы» и ограничение масштабов использования финансовых средств Запада. При этом характерно, что поскольку под западными источниками финансирования прежде всего имелось в виду кредитное сотрудничество Турции с МВФ, условием продолжения которого являлось проведение жесткой фискальной политики за счет ограничения, в том числе, правительственных социальных программ, оба направления оказались тесно взаимосвязанными.

«Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии», М., 2012 г., с. 68–85.

Л. Сюкияйнен,
востоковед
**МУСУЛЬМАНСКИЕ МЕНЬШИНСТВА
НА ЗАПАДЕ: СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИКИ,
ПРАВА И РЕЛИГИИ**

Специфика соотношения права, религии и культурных традиций во многом предопределяет серьезные расхождения между европейской в широком смысле и исламской культурами. Нынешний этап мирового развития в условиях глобализации и резкой интенсификации связей между цивилизациями придает этой проблеме особую актуальность. В частности, практика прямых контактов исламской и европейской культур в результате появления мусульманских меньшинств в Европе и других странах Запада позволяет увидеть новые грани соотношения политики, права, религии, нравственности и традиций. Отличия между западной и исламской социально-нормативной культурой дают возможность более точно оценить современный опыт их непростого взаимодействия, а также представить пути и средства снижения уровня возникающей при этом напряженности.

Правовые, политические и культурные аспекты конфликта.

Превращение мусульманских меньшинств в заметное звено европейского социального, культурного и даже политического пространства повлекло за собой немало сложностей и конфликтов. Учитывая, что для Европы и Запада в целом все эти противоречия и прямые столкновения получают прежде всего правовое измерение, проблема сводится к противостоянию правовых культур. Важно отметить, что ключевую роль в указанных конфликтах играет право, и не только из-за характера европейского сознания, но в связи с особенностями мусульманского мировоззрения. Дело в том, что трудности, с которыми сталкиваются мусульманские меньшинства на Западе, относятся к предмету фикха – исламской юриспруденции. Данная черта исламской культуры также способствует тому, что в центре возникающих здесь конфликтов оказывается противостояние принципиально отличающихся друг от друга правовых представлений.

Характерным примером является прямо противоположное восприятие известной фетвы имама Хомейни, вынесенной в начале 1989 г. в отношении писателя Салмана Рушди. Этот документ предусматривает ответственность автора в виде смертной казни за его книгу «Сатанинские стихи», которая с позиций шариата оце-

нивается как отрицание незыблемых исламских постулатов, относящихся к основам веры. Общественность и официальные структуры европейских стран отнеслись к такому решению как к посягательству на свободу слова и выражения мнения, обвинив ислам в стремлении ограничить права человека. А в мусульманском мире и в среде мусульманских меньшинств на Западе преобладает прямо противоположная позиция, которая опирается на два основных аргумента в пользу упомянутой фетвы. Во-первых, исламское правосознание категорически не приемлет оскорбления религиозных чувств и святынь. А во-вторых (и это главное!), для подавляющего большинства мусульман смертная казнь, предусмотренная шариатом за вероотступничество, является императивом. Это обстоятельство невозможно сбрасывать со счетов, поскольку богохульное по исламским оценкам произведение написал не кто-нибудь, а именно мусульманин, который поэтому и обвиняется в отходе от ислама.

Иными словами, установленная шариатом религиозная, по сути, норма воспринимается мусульманским сознанием в качестве абсолютно непререкаемой, не подлежащей пересмотру и стоящей выше любых законодательных предписаний. Кроме того, с этой точки зрения, религиозные чувства, символы и святыни должны находиться под защитой закона. Очевидно, такое понимание принципиально расходится с принятыми в Европе юридическими критериями, которые устанавливают исчерпывающий и крайне узкий перечень ограничений свободы выражения мнения по религиозным мотивам.

Указанное несовпадающее понимание свободы выражения мнения подтверждается и другим известным примером – так называемым «карикатурным скандалом». Он был вызван публикацией в сентябре 2005 г. одной из датских газет карикатур на Пророка Мухаммада, которые позднее были воспроизведены СМИ ряда других европейских стран. В ходе разгоревшегося конфликта спорящие стороны приводили совершенно разные аргументы. Европейские журналисты и их единомышленники делали акцент на свободе слова и необходимости решительно противостоять религиозному мракобесию. А мусульмане возмущались оскорблением религиозных чувств. Здесь вновь ярко проявилось расхождение между исламской и европейской правовыми культурами.

При этом обратила на себя внимание характерная деталь: на одной из помещенных на страницах печатных изданий карикатур Пророк Мухаммад был изображен в тюрбане в виде бомбы. Авто-

ры публикаций как бы давали понять, что европейцев волнует не только религиозная цензура в мусульманском мире, но и вполне реальная угроза радикализма, которую представляет для Запада ислам.

Восприятие ислама как фактора, угрожающего политической стабильности и безопасности континента, проявилось и в запрете на строительство новых минаретов, введенном в Швейцарии референдумом в ноябре 2009 г. В обоснование такого шага немало говорилось о необходимости нейтрализовать опасность исламского экстремизма.

Приведенные примеры позволяют выделить три основные проблемные точки, которые в различном сочетании составляют стержень всех конфликтов, разворачивающихся вокруг ислама и мусульманских меньшинств на Западе. Во-первых, противоречия вызываются различиями в понимании прав и свобод человека, несовпадающими подходами к праву вообще и его соотношению с религиозными и нравственными ориентирами. Во-вторых, европейское мнение беспокоит культурная экспансия ислама, а также неготовность мусульман принять иные ценности и интегрироваться в сложившийся на континенте образ жизни. Наконец, в-третьих, Европа опасается за свою политическую стабильность и безопасность в результате распространения исламского экстремизма.

При всей важности отмеченных сторон конфликта столкновение правовых представлений все же является центральным. Ведь для Европы именно право представляет собой цель и одновременно средство урегулирования и предупреждения всех отмеченных противоречий. Вместе с тем для правильной оценки обсуждаемого противостояния культур и ценностей важно различать причины и мотивы каждой конкретной коллизии, учитывать цели предпринимаемых для его преодоления мер, а также прогнозировать возможные последствия таких шагов.

Возьмем, к примеру, уже упоминавшийся запрет на возведение минаретов в Швейцарии. По наиболее распространенной версии, причиной явилось недовольство ее граждан возможным изменением культурного облика страны, а также потенциальная угроза распространения исламского экстремизма. Следует признать реальность перспективы агрессивного вмешательства ислама и мусульманских меньшинств в культурное пространство Европы и сложившуюся здесь систему традиций и ценностей. Правда, при этом следует отличать подлинную опасность от мнимой, серьезную угрозу от второстепенной. И уж, конечно, надо подбирать та-

кие пути и методы противодействия экспансии чуждых и даже враждебных ценностей, которые не усугубляют конфликт.

В этой связи большой материал для размышлений дают споры вокруг хиджаба, никаба и бурки в Европе. Для точного понимания сути проблемы отметим, что под хиджабом подразумевается такая традиционная одежда женщины-мусульманки, которая скрывает всю ее фигуру, кроме кистей рук и овала лица. Никабом является женский головной убор, полностью закрывающий лицо, а буркой (от арабского «бурку», т.е. вуаль) – практически тот же никаб, но с прорезью для глаз.

Столкновение по, казалось бы, второстепенному вопросу об одежде мусульманки высветило суть противоречий между европейским и мусульманским взглядами на соотношение права, религии, нравственности и обычаев, принципиальные различия между двумя правовыми культурами.

Знаковым рубежом в этом противостоянии стало принятие во Франции в феврале 2004 г. закона, который запрещает использование религиозной атрибутики, включая ношение выделяющихся символов религиозной принадлежности, в государственных учебных заведениях. Показательно, что хотя данный акт касается любых религий, на практике он затронул главным образом мусульманок. Не случайно его назвали «антихиджабным».

Основным мотивом, которым руководствовался французский законодатель, вводя такой запрет, называлась необходимость соблюдения светского характера государства, закрепленного конституцией. Одновременно приводились и другие аргументы. Например, подчеркивалось, что школьницы-мусульманки вполне вероятно носят хиджаб не по собственной воле, а под давлением старших. Подчеркивалось также, что эта мера направлена на то, чтобы не переносить в учебные помещения политические конфликты и защитить мусульманок, которые порой подвергаются унижениям со стороны других учащихся из-за ношения хиджаба. Поэтому, считают некоторые европейские парламентарии, такой закон помогает сформировать отношение к мусульманам как к равным с другими гражданами.

Разумеется, мусульмане восприняли закон прямо противоположно, опасаясь, что он откроет двери для их дискриминации по всем направлениям. Вполне предсказуемо данный шаг встретил резко негативную реакцию не только в среде европейских мусульман, но и в мусульманском мире. Однако эти возражения не были услышаны. Наоборот, «антихиджабный» закон приобрел автори-

тетного союзника в лице Европейского суда по правам человека, который в декабре 2008 г. по иску двух школьниц-мусульманок постановил, что данный акт не нарушает Европейскую хартию о защите прав человека и основных свобод.

Вскоре после принятия французского закона на тот же путь встала Бельгия, где в апреле 2010 г. впервые в Европе нижняя палата парламента практически единогласно проголосовала за принятие закона, запрещающего ношение в общественных местах одежды, полностью или частично скрывающей лицо и мешающей установить личность ее обладателя. Правда, в результате правительственного кризиса процесс его утверждения был заморожен. Однако после формирования нового правительства указанный законопроект практически в первоначальном виде был вновь внесен в парламент, получил одобрение и вступил в силу в июле 2011 г.

Хотя в этом акте не говорится, о какой конкретно одежде идет речь, по единодушному признанию, подразумеваются традиционные мусульманские никабы и бурки. Запрет распространяется на улицы, парки, спортивные сооружения, государственные и иные учреждения, предназначенные для общественного использования или предоставления публичных услуг. Нарушение такого правила влечет наложение штрафа до 137,5 евро или арест на срок до семи суток.

При обсуждении этого закона в пользу его принятия приводились различные аргументы. Главный из них сводился к необходимости обеспечения не только равенства, но главным образом светского характера бельгийского государства. Обращалось внимание на то, что появление мусульманок в традиционной одежде возрождает чувствительную проблему отделения церкви от государства, а также обостряет противостояние между защитниками и противниками светской власти. Поскольку данная проблема уже решена на правовом уровне, то любые проявления сомнений по этому поводу бросают вызов нынешним устоям бельгийского государства.

Правовую логику можно усмотреть и в позиции тех бельгийских депутатов, которые требовали освободить мусульманку от ограничений ее свободы выбора. Они характеризовали никаб и бурку как «тюрьму для женщины» и поэтому считали запрет ношения такой одежды победой над архаичной традицией, которая подавляет свободу воли.

Одновременно выдвигались и политические причины принятия такого законодательного шага. Его сторонники настаивали на том, что никаб и бурка воспринимаются обществом в качестве не религиозного, а прежде всего политического символа, поскольку сокрытие лица не позволяет установить личность мусульманки, которая их носит. А это, в свою очередь, представляет прямую угрозу безопасности. Такое обоснование дополнялось социально-психологическими мотивами принятия данного закона. В частности, подчеркивалось, что присутствие мусульманок в никабе или бурке в общественных местах вызывает у окружающих чувство дискомфорта и говорит о нежелании их обладательниц и мусульман в целом интегрироваться в европейский социум.

Конфликт с позиций европейской правовой культуры. Попытаемся в обобщенном виде изложить ключевые правовые аргументы в пользу принятия в ряде европейских стран отмеченного выше законодательства. Оно касается разных прав и свобод человека и, соответственно, ориентируется на несовпадающие юридические критерии. Прежде всего внутренние убеждения верующего следует отличать от внешних знаков принадлежности к определенной религии. К ним относится использование религиозной символики, а также ношение предметов одежды, которые в очевидной форме подтверждают исповедание лицом той или иной религиозной веры.

Внутренние религиозные убеждения никоим образом не могут быть ограничены, поскольку отражают лишь мировоззрение человека. Что же касается внешней демонстрации данных убеждений, то она может подвергаться ограничениям, связанным с защитой интересов других лиц. Они установлены международными договорами, внутренним законодательством той или иной страны, а также судебными решениями, среди которых выделяются решения Европейского суда по правам человека.

По-иному выглядит другой аспект обсуждаемой проблемы – свобода выражения мнения по вопросам религии. Если внешние признаки принадлежности к религии (например, относительно ношения хиджаба, никаба или бурки) относятся к правам самих мусульман, то свобода слова прежде всего касается права других открыто высказываться об исламе, в том числе негативно, резко критически, в оскорбительных тонах и даже в форме преувеличения и осмеяния. Такая свобода мнения также может быть ограничена, но только по строго определенным основаниям.

Каковы же эти правовые основания? Почему ношение хиджаба, никаба или бурки считается в ряде стран Европы нарушением формального равенства и индивидуальной свободы других лиц? Где границы указанной свободы и как они соотносятся со свободой верующего носить одежду по своему выбору? В каких случаях свобода демонстрировать свою принадлежность к определенной вере вступает в противоречие с принципами права?

Центральным аргументом введения указанных ограничений является обеспечение светского характера государства. Не случайно французское законодательство о запрете открытой демонстрации знаков и предметов одежды, которые явным образом отражают религиозную принадлежность, распространяется лишь на государственную систему образования. Тем самым гарантируется принцип равенства не вообще, а именно по вопросу отношения к религии, отделенной от государства. Смысл введения ограничения заключается в том, чтобы все учащиеся и педагоги воспринимались без учета их религиозных предпочтений, которые исчерпываются областью внутренних убеждений.

Иное обоснование подобных ограничений касается защиты гендерного равенства учеников и учениц. С этой точки зрения ношение традиционной мусульманской одежды (хиджаба или никаба) девочками-мусульманками нарушает указанный принцип. Хотя ислам предусматривает правила ношения одежды и для мальчиков, сложности могут возникнуть, пожалуй, лишь на уроках физкультуры, поскольку мусульманин в принципе обязан скрывать свою наготу в границах между коленями и пупком включительно. В прочих ситуациях следование установленной норме, в отличие от ношения хиджаба или никаба, вовне явно не проявляется и поэтому не воспринимается как демонстрация религиозной принадлежности, а значит – нарушение светских начал образования.

Еще одним аргументом выступает необходимость избегать принуждения к принятию определенной религии (в нашем случае – ислама). Так, считается, что дети легко поддаются внешнему влиянию, и поэтому ношение, например, хиджаба может означать определенное побуждение и даже принуждение к принятию ислама. Такое, хотя и косвенное, давление должно быть исключено в светской системе образования. Особенно если указанную одежду носит женщина-педагог, которой ученицы склонны подражать. Одновременно использование предметов одежды, подчеркивающих связь с исламом, опосредованно напоминает мусульманкам, которые их не носят, о необходимости соблюдать свои религиоз-

ные обязанности, что также может рассматриваться в качестве принуждения, неприемлемого в светских учреждениях.

Кроме того, учитель в таких учреждениях является представителем светского государства и поэтому добровольно берет на себя обязанность следовать некоторым ограничениям, касающимся его свободы на внешнее выражение своего отношения к религии. Ношение учительницей традиционной мусульманской одежды означало бы неравное отношение к ученикам, среди которых есть дети, придерживающиеся различных вероисповеданий или вообще не принадлежащие ни к одной религии.

К рассматриваемым аргументам относится и стремление поддерживать сбалансированные и непредвзятые отношения между учащимися, имеющими различные взгляды на религию, а значит – обеспечивать общественный порядок, защищать личные права каждого на свои убеждения и исключать дискриминацию по признаку отношения к религии. По этой логике запрет демонстрации кем-либо внешних признаков своей принадлежности к религии гарантирует, что иные лица, испытывающие позитивные или негативные чувства к определенной вере или атеизму, не будут относиться к учащимся с предубеждением – с позиции дискриминации или симпатии. Этим и объясняется запрет ношения хиджаба или никаба, поскольку оно в явной форме демонстрирует исламские убеждения, в то время как нейтральная одежда ничего не говорит о приверженности религии или атеизму.

К названным доводам правового характера имеет прямое отношение широко распространенное в Европе мнение о том, что к ношению традиционной одежды девочек-мусульманок принуждают их родные и близкие. Поэтому законодательный запрет хиджаба, никаба и бурки призван защищать права и свободы мусульманок, положить конец их унижению и оградить их от насилия. Правда, в этой связи возникает вопрос о том, нужно ли защищать права тех мусульманок, которые носят такую одежду добровольно. Но в ответ выдвигаются все приведенные выше аргументы, апеллирующие к светскому характеру государства и принципам равенства.

При этом следует иметь в виду определенные различия, отличающие обоснование запрета ношения хиджаба по сравнению с никабом и буркой. Применительно к хиджабу на первый план выступают доводы, связанные со светским характером государства и государственной системы образования. А в отношении никаба и бурки решающим становится обоснование, делающее акцент на

социально-психологических и политических аспектах проблемы, особенностях традиционной для Европы социально-нормативной культуры.

Такой нюанс отчетливо виден на примере Бельгии, где не разрешается ношение в общественных местах скрывающей лицо одежды, что касается никаба и бурки. Если бы ведущим поводом для принятия соответствующего закона была забота о сохранении устоев светского общества и государства, то, очевидно, запрет коснулся бы и хиджаба, который, как подтверждает опыт Франции, рассматривается в качестве главного исламского символа в одежде. Поэтому можно прийти к выводу, что для бельгийского законодателя приоритет заключается главным образом в обеспечении возможности беспрепятственного установления личности на равных для всех основаниях в интересах охраны общественной безопасности.

Кроме того, немалое значение при принятии указанного акта имела ссылка на традиции бельгийского общества, которое воспринимает мусульманскую одежду, практически полностью скрывающую женщину, как символ ее подчиненного положения и ограничения ее свободы, а значит – неравноправия с мужчиной. Кстати, именно этот аргумент наряду с реализацией принципа свободного и открытого социального взаимодействия выдвигался едва ли не как основной при принятии во Франции в июле 2010 г. и вступившего в силу в апреле 2011 г. Закона о запрете ношения никаба и бурки в общественных местах. Иначе говоря, обращенные к собственно религии и светскому обществу доводы оказались в тени.

Все это подтверждает, что принятие названных выше актов относительно одежды опиралось не только на чисто правовые критерии, но и на устоявшиеся в обществе традиции, культурные ценности и представления о публичной нравственности. Вместе с тем ссылки на общественную безопасность, которые достаточно отчетливо отражают крайнюю обеспокоенность европейского общества угрозой исламского радикализма, преимущественно относятся не к чисто правовому, а к политическому обоснованию принятия законодательства, подразумевающего запрет ношения никаба и бурки. Во всяком случае, такие правовые решения призваны решать прежде всего политические задачи.

Проблема в зеркале исламского правосознания. Противники указанного законодательства – прежде всего сами мусульмане и их лидеры – также обосновывают свою позицию правовыми,

политическими и психологическими доводами. В частности, они расценивают запрет на ношение традиционной одежды, скрывающей лицо мусульманки, как очевидное ограничение свободы вероисповедания, а значит – дискриминацию. Вместе с тем мусульмане характеризуют данную меру как угрозу их пребыванию в Европе вообще и свидетельство роста антиисламских настроений на континенте. Давая указанному акту общую негативную политическую оценку, мусульманские ученые подчеркивают, что его реализация приведет не к интеграции мусульман в европейское общество, а наоборот, к их изоляции, обособлению и еще большему отторжению от местной культуры. А это лишь усилит позиции мусульманских радикалов.

В этой связи полезно обратиться к мнению авторитетных мусульманских правоведов и документам центров исламской юриспруденции. Основной интерес вызывает используемая при этом аргументация, которая достаточно отчетливо отражает специфику исламского сознания.

Например, Европейский совет фетв и исследований на своей 12-й сессии в 2004 г. принял специальное заявление по проблеме хиджаба во Франции. В этом документе выражено понимание обеспокоенности европейцев распространением непривычных для них традиций, что порождает естественное стремление защитить свою идентичность и единство. Однако отмечается, что единство и солидарность в условиях культурного разнообразия могут быть достигнуты лишь при уважении прав и свобод человека, на которые посягает запрет хиджаба в государственных учебных заведениях. По мнению Совета, суверенитет государства и его исключительные законодательные полномочия, а также ссылки на светские либеральные ценности не могут оправдывать нарушения личных и религиозных свобод.

Показательно, что в этом заявлении ничего не говорится о равенстве граждан, зато делается акцент на личных и религиозных свободах. Их трактовка со всей очевидностью подтверждает, что мусульманские и европейские традиции исходят из различного понимания культурного и религиозного многообразия, соотношения права с религией, свободы вероисповедания с другими правами и свободами человека. Прежде всего имеются принципиальные расхождения в подходе к самой свободе совести и вероисповедания.

Для Европы такая свобода означает прежде всего личное предпочтение гражданина в выборе своих убеждений, что является его частным делом. А исламская концепция не сводит ее к инди-

видуальному праву на выбор веры. В мусульманском сознании свобода вероисповедания, помимо этого, включает целый ряд иных институтов и символов.

Такое понимание прослеживается также в обращениях Совета по поводу проведенного в Швейцарии референдума относительно сооружения новых минаретов и в связи с демонстрацией в Голландии фильма «Фитна», который был воспринят как унижающий ислам. Например, осуждение запрета на новые минареты Совет объяснил тем, что основное назначение таких сооружений – указывать на местонахождение мечети, где мусульмане исполняют свои культовые обязанности, а без этого они не могут пользоваться своими религиозными свободами. Еще ярче такая логика проявляется в том, что эти свободы в исламской трактовке включают защиту религиозных святынь. В частности, в заявлении по поводу демонстрации фильма «Фитна» Совет специально подчеркнул, что любое право человека подлежит защите, пока оно не нарушает права других, а также не посягает на их святыни.

В этой связи отметим, что законодательство многих мусульманских стран предусматривает ответственность за богохульство, оскорбление религиозных святынь, посягательство на честь и достоинство пророков и божественных посланников. Достаточно привести пример Уголовного кодекса Пакистана, который включает строгие санкции за богохульство. Показателен также опыт Кувейта, где Закон о средствах массовой информации запрещает публикацию материалов, оскорбляющих Пророка Мухаммада и членов его семьи.

С учетом такого подхода становится понятно, почему французское законодательство о хиджабе или запрет на строительство минаретов в Швейцарии оцениваются мусульманским сознанием как посягательство на религиозную свободу. Так, в заявлении Европейского совета фетв и исследований в связи с хиджабом говорится, что хиджаб является не просто религиозным или политическим символом, а элементом поклонения Аллаху и шариатской обязанностью мусульманки, важнейшей стороной ее поведения и подчинения предписаниям своей религии. Ношение такой одежды обязательно независимо от характера того публичного места, где находится мусульманка. По своей природе, подчеркивается в документе, предписания ислама неотделимы друг от друга, о какой бы стороне жизни мусульманина, следующего нормам своей религии, ни шла речь. Именно поэтому принуждение мусульманки отказать от хиджаба означает притеснение ее, посягательство на

честь женщины и ее права. Снятие хиджаба, настаивает Совет, не может быть платой за получение образования или работы в государственном учреждении.

Все приведенные выше аргументы в пользу и против законодательства, запрещающего ношение хиджаба, никабов и бурок, четко отражают принципиальные различия между европейской и мусульманской социально-нормативными культурами, прежде всего в вопросе соотношения права, религии и традиций. Если бы не столкновение ценностных ориентаций, проблема традиционной одежды, которую используют всего несколько десятков мусульманок в Бельгии, или строительства новых минаретов вряд ли приобрела бы такую остроту.

Исламская концепция прав и свобод человека, по сути, не видит четких границ между мирским и сакральным, правом и религией. А если и признает между ними некоторые различия, то трактует их как признание религиозных пределов любых юридических норм, в том числе касающихся прав и свобод человека. В этом смысле ислам охватывает как религиозную, так и мирскую стороны существования человека. Рубеж между религиозным и светским началами не отгораживает ислам от мирских проблем, а пролегает внутри него самого. Поэтому там, где европеец не видит никакого конфликта, мусульманин нередко оказывается перед трудно разрешимым выбором.

Характерной в этом смысле является реакция одного из самых авторитетных мусульманских правоведов Юсуфа Аль-Карадави (являющегося, кстати, председателем упомянутого Европейского совета фетв и исследований) на запрет хиджаба и никаба в Европе. По его мнению, такое законодательство ставит мусульманку перед дилеммой: подчиниться ли закону или своим религиозным убеждениям. Неудивительно поэтому, что ученый считает запрет хиджаба предательством идей Французской революции, провозгласившей свободу, равенство и братство, в то время как в европейском понимании указанный шаг, наоборот, является воплощением данных принципов и не создает никаких конфликтов.

Иными словами, один и тот же факт воспринимается неодинаково с позиций европейской и мусульманской социально-нормативной культуры. Противостоящие стороны апеллируют к разным ценностям и критериям, которые для них являются приоритетными. Европейское сознание обращается к праву, а мусульманское – к религиозным постулатам, которые корректируют тол-

кование юридических норм и принципов. Если все относящееся к исламу оценивается европейским сознанием как религиозный феномен, отделенный от светского государства, то мусульманский менталитет не воспринимает такого разрыва. Это характерно, например, для оценки хиджаба и никаба. В современной исламской правовой мысли есть разные позиции по этой проблеме. Большинство авторитетных юристов считают хиджаб не религиозной обязанностью мусульманки, а принятой в исламе традицией, относящейся к мирским вопросам. Правда, есть и другая точка зрения, которая ставит ношение такой одежды в один ряд с культовыми предписаниями.

Однако такие различия не имеют принципиального значения для европейского общества, которое все связанное с исламом воспринимает в качестве религии. Поэтому любой выход ислама за пределы собственно культа расценивается как нарушение светского характера государства. А в мусульманском сознании такой границы не существует. Хотя в исламе область религиозных обязанностей в точном смысле отличается от иных сторон поведения людей, в целом он в той или иной степени включен в любые сферы личной и общественной жизни. Для него нет такого, как в Европе, деления всего происходящего в обществе на сугубо религиозные и последовательно мирские институты.

Правовых решений недостаточно. Очень часто в конфликтных ситуациях, связанных с исламом и мусульманскими меньшинствами в Европе, право вступает в конфликт с политической целесообразностью. Понятно, например, что вопрос ношения отдельных предметов мусульманской одежды не является чисто правовым. Причины, лежащие в основе названных выше законодательных ограничений, и последствия, к которым они могут привести, носят преимущественно политический, культурный и социально-психологический характер. Если говорить коротко, то принятые правовые меры стали реакцией законодателя на ту напряженность, которая сопровождала быстрый рост мусульманских меньшинств в Европе, их слабую интеграцию в местное общество и в целом столкновение европейского и мусульманского менталитетов, традиций, культур, социально-нормативных ориентаций, а также угрозу исламского экстремизма. Речь, очевидно, идет о противоречиях прежде всего политического и культурно-психологического свойства.

Это же можно сказать об уже наступивших и прогнозируемых последствиях правовых мер. Так, анализ действия француз-

ского закона 2004 г. подтверждает, что он имел весьма ограниченный положительный эффект. Пожалуй, он лишь обострил противостояние отмеченных жизненных укладов, не привел к повышению уровня общественной безопасности и не положил конец ограничению прав мусульманок. Главное, такая законодательная мера не способствовала включению мусульман в общественные процессы в стране, восприятию ими европейских традиций и правовой культуры. Допустимо предположить, что принятые в Бельгии и во Франции законы о запрете ношения в общественных местах полностью скрывающей лицо одежды также не дадут ожидаемого результата. Скорее, они могут содействовать еще большей изоляции мусульманских меньшинств, настроить рядовых мусульман негативно по отношению к власти и обществу, а в итоге – дать козыри в руки мусульманских радикалов.

Право – не просто самостоятельная ценность, но и средство решения политических и социальных задач, к которым как раз и относятся обсуждаемые проблемы. К тому же чисто правовые меры приводят к определенным политическим и социальным результатам, которые могут в целом оказаться прямо противоположными тому, чего от них ждут.

Складывается впечатление, что чисто правового решения у рассматриваемой проблемы нет. Конфликты, связанные с мусульманскими меньшинствами в Европе, не могут быть урегулированы только с помощью законодательства. Безусловно, выход из кризисной ситуации должен быть правовым. Но не только правовым. Без учета политических, культурно-нравственных и социально-психологических аспектов указанные конфликты вряд ли удастся преодолеть. Главное в том, что корректные и даже безупречные в правовом отношении шаги должны сопровождаться разнообразными мерами, цель которых – содействовать более органичному включению мусульман в европейский социум, восприятию ими основ культуры страны их пребывания, включая приоритетные стороны европейского правосознания. В противном случае можно отстоять свои рубежи на поле права, но понести потери на политическом поприще и к тому же невольно повысить уровень социально-психологической напряженности вместо его снижения.

Наверное, крайне трудно найти решение проблем, вызванных ростом мусульманских меньшинств в Европе, которое бы отвечало в равной степени всем отмеченным критериям – правовым, нравственным, культурным, социально-психологическим, политическим. Но вполне возможно постараться в максимальной степени

учесть их, увязать друг с другом и минимизировать потери. Понятно, что европейское сознание будет отдавать приоритет праву, а мусульманское – религии и нравственности. Разумеется, есть пределы сближения позиций сторон, отстаивающих разные ценности, но до этих границ еще достаточно далеко.

Возможности если не снять конфликт, то хотя бы сгладить его, не допустить прямого столкновения, переадресовать нынешнее противостояние в русло поиска взаимоприемлемого выхода на путях компромисса несомненно есть. Только используются они явно недостаточно. Главным образом потому, что между конфликтующими сторонами нет устойчивого, постоянного и развивающегося диалога. Взамен его происходит привычный обмен упреками, участники которого предпочитают вновь и вновь «озвучивать» собственные позиции, не желая слышать никаких возражений и вникнуть в контрдоводы.

Но для преодоления конфликтной ситуации стороны могут и должны сделать шаги навстречу друг другу. Такое движение предполагает прежде всего внимательное отношение к аргументам своих оппонентов и их вдумчивый анализ, а также использование понятных и убедительных для них обоснований, объясняющих собственный взгляд на проблему. Это относится к обеим сторонам, хотя и не в одинаковой степени.

Наверное, более длинный путь должны пройти мусульмане. Ведь именно они, образно говоря, оказались в новом и чужом для себя доме. Главное в том, что в непростом диалоге с Западом мусульмане обязаны научиться терпеливо отстаивать свои интересы и защищать свои права не спекуляцией на эмоциях и чувствах единомышленников на улице, а с использованием правовых аргументов, облекать свои претензии в адекватную юридическую форму. В противном случае их доводы не будут восприниматься не только массовым европейским сознанием, но, главное, теми властными структурами (включая законодательные и судебные), от которых зависит решение той или иной конфликтной проблемы. Между тем даже такой авторитетный исламский центр, как Европейский совет фетв и исследований, в уже упоминавшемся решении о запрете хиджаба в государственной системе образования во Франции сосредоточился на изложении собственного видения проблемы, не задаваясь вопросом о том, насколько оно убедительно для французских государственных институтов и общественного мнения страны. Он не стал анализировать мотивы принятия соответст-

вующего закона и не попытался оспорить их доводами чисто юридического порядка.

Пока европейские мусульмане и их лидеры не вполне готовы к обсуждению спорных проблем в правовом поле. Они не успевают за динамичным развитием событий, отстают в осмыслении новых реалий своей жизни на Западе и к тому же в полной мере не владеют не только европейской правовой культурой, но и разработками современной исламской правовой мысли, которые остаются уделом мусульманской интеллектуальной элиты. Во всяком случае, многие приоритетные начала исламского права и исламской юриспруденции – например, нацеленность на поиск компромиссов, усредненность, отстаивание интересов с учетом места, времени и обстоятельств – не используются в полной мере для предупреждения конфликтов.

Европейские структуры, в свою очередь, в этих спорах проявляют себя в качестве опытных и даже изощренных юристов, но не всегда как дальновидные политики, искусные дипломаты и тонкие психологи. Разумеется, бессмысленно оспаривать их право защищать правовые ценности и государственные интересы, заботиться о незыблемости устоев европейской культуры и уклада жизни. Но такая линия применительно к мусульманским меньшинствам должна включать не только принятие соответствующих законов, но также выработку и реализацию форм и способов их интеграции в европейский социум, культурное пространство, политическую и общественную жизнь. Естественно, при безусловном соблюдении существующих порядков, в том числе и действующего законодательства. Но даже при этих условиях политически целесообразнее не отталкивать мусульман, а воздействовать на их менталитет и поведение, интегрировать их в европейское пространство или, по крайней мере, нейтрализовать и предупреждать возможные эксцессы и нарушения стабильности.

Чисто правовые вопросы, безусловно, надо решать правовыми способами, а политические – политическими. Если принять новое законодательство, касающееся мусульманских меньшинств, можно достаточно быстро, то изменение их сознания и образа жизни займет долгие годы. С учетом этого и надо подходить к решению проблем. Едва ли не первый шаг на этом пути – постараться хоть частично убедить мусульман в корректности этого самого законодательства, разъяснить им, что оно не направлено на ущемление их права как верующих. Здесь простая ссылка на обычные для европейцев правовые аргументы, прежде всего относящиеся к

правам человека, может оказаться недостаточной. Ведь, как уже отмечалось, мусульманская социально-нормативная культура ориентируется на иные приоритеты. Поэтому важно использовать для обоснования своей позиции такие доводы, которые апеллируют к шариатским ценностям, выводам исламской юриспруденции, прежде всего современной, иными словами – к значимым для мусульманского менталитета аргументам.

Обе стороны конфликта просто обязаны идти навстречу друг другу. Важную роль в этом могла бы сыграть исламская правовая культура. Отметим два взаимосвязанных аспекта такой роли. Во-первых, мусульманские меньшинства в Европе объективно заинтересованы в решении современным исламским правоведением тех вопросов, с которыми они сталкиваются в новой для них среде. Причем речь идет о решениях, которые нацелены на преодоление или предупреждение конфликтов и в то же время отвечают критериям шариата. А во-вторых, для европейских структур в их полемике с мусульманами для обоснования своей позиции не просто полезно, но и необходимо обращаться к исламским аргументам.

Следует также учитывать, что исламское право в его современном умеренном понимании может быть не только противником и оппонентом универсальных правовых стандартов и принципов (в том числе относительно прав человека), но и их союзником в преодолении архаичных традиций и обычаев (например, так называемого убийства чести или кровной мести). Вопреки распространенному мнению, европейская и исламская правовые культуры не только сталкиваются и соперничают, но и позитивно взаимодействуют, в состоянии дополнять друг друга. Об этом красноречиво свидетельствует практика правового регулирования институтов исламской экономики в ряде западных стран.

Возможность сочетания европейских и исламских правовых институтов учитывал и архиепископ Кентерберийский Роуэн Уильямс, когда в начале 2008 г. высказывался в пользу включения отдельных норм шариата в правовую систему Великобритании. Показательно, что его предложение практически никто, кроме самих мусульман, не поддержал, несмотря на принятый в стране в 1996 г. Закон об арбитраже. Между тем данный акт вполне допускает создание органов, разрешающих споры в арбитражном порядке при условии соблюдения действующего законодательства (в частности, они не могут рассматривать уголовные дела). Однако британское общественное мнение игнорировало этот факт, как и то, что в стране на основе названного закона уже в течение не-

скольких лет фактически функционируют шариатские органы правосудия, улаживающие незначительные семейные конфликты и имущественные споры. Тут проявилось типичное отношение европейского сознания к шариату, которое сводится к его априорному категорическому неприятию в целом. Без разбора того, что в нем действительно неприемлемо, а что укладывается в рамки европейских правовых систем.

Таким образом, можно констатировать, что отношения между европейской и исламской правовыми культурами складываются противоречиво и нередко приобретают характер острого конфликта. Поэтому затронутые в настоящей статье проблемы еще долго будут оставаться в повестке дня. Простого и однозначного ответа на вопрос о том, как их разрешить, по-видимому, нет. Вместе с тем соперничающие стороны имеют реальную возможность снизить уровень противостояния, избежать прямого столкновения и встать на путь предупреждения возможных обострений, связанных с мусульманскими меньшинствами на Западе. Важно, чтобы эти возможности были использованы.

*«Ближний Восток и современность»,
М., 2012 г., № 45, с. 158–177.*

Сергей Костяев,

кандидат политических наук
(ИНИОН РАН, ДА МИД РФ)

ЛОББИЗМ МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАН В США

Массовые беспорядки, произошедшие в 2011 г. на Ближнем Востоке и в Северной Африке, дают возможность оценить эффективность лоббизма стран этого региона как инструмента обеспечения американского содействия в условиях нестабильности. Практически все эти страны в той или иной степени пытались заручиться поддержкой США для сохранения легитимности своих режимов на международной арене. Насколько результативны попытки ближневосточных стран отстаивать свои интересы в Вашингтоне? Каковы факторы, влияющие на эффективность применения лоббистских технологий? Ответам на эти и другие вопросы посвящена данная статья.

Тенденции развития иностранного лоббизма в США

В последнее время многие говорят о закате Соединенных Штатов, снижении их роли в мировых процессах. В частности, за последние десять лет доля США в мировом валовом продукте по паритету покупательной способности снизилась с 23 до 20%. В 2010 г. впервые ВВП США (14,6 трлн. долл.) уступил ВВП ЕС (14,8 трлн. долл.), в спину дышит КНР с 10 трлн. долл. Это свидетельствует о том, что положение единственной сверхдержавы действительно не столь прочно, как прежде. Однако эти изменения пока никак не сказались на политическом весе США в новой глобальной реальности, и уровень лоббистской активности в «столице мира» – все более высокий – является одним из индикаторов американского влияния. За последние десять лет, по расчетам автора статьи, основанным на отчетной документации по Закону 1938 г. «О регистрации иностранных агентов» и Закону 1995 г. «О раскрытии лоббистской деятельности», количество иностранных клиентов лоббистов в США выросло на 130% – с 827 (1999) до 1905 (2010). За эти же годы увеличилась доля клиентов – представителей зарубежных интересов среди всех структур, нанимавших зарегистрированных лоббистов, – с 7 до 11%.

В повестку дня иностранного лобби в США сегодня включены такие вопросы, как получение финансовой помощи, военное сотрудничество, сохранение имиджа государства, заключение и ратификация договоров о свободной торговле, а также получение государственных подрядов и многое другое.

При этом привлекательность (и, вероятно, результативность) государственного лоббизма несколько снизилась, а частного, напротив, существенно возросла. Так, если в 1999 г. частные иностранные клиенты лоббистов составляли 16%, а государственные – 84% от всего числа пользователей услугами лоббистов, представляющих зарубежные интересы и зарегистрированных по законам 1938 и 1995 гг., то в 2010 г. соотношение уже обратное – 71 и 29%. За указанный период количество зарубежных государственных и политических партийных структур, прибегающих к лоббистской практике, снизилось на 21%, с 697 до 545, а число частных иностранных структур выросло со 130 до 1360.

Наблюдается не только активизация иностранного лоббизма. Растет, хотя и не столь существенно, весь рынок консалтинговых услуг по продвижению интересов зарубежных стран в органах го-

сударственной власти США. В 1999–2010 гг. общее количество клиентов зарегистрированных лоббистов увеличилось на 53%, с 10,6 до 16,3 тыс.

Интересно, что количество зарегистрировавшихся по закону 1995 г. (о лоббистах частных интересов) с 2007 по 2010 г. снизилось на 7%, с 17 тыс. до 15 тыс. Спад вызван указом, который Б. Обама подписал по вступлении в должность президента. Согласно этому документу, зарегистрированный лоббист в течение двух лет не может поступить на государственную службу. А сотрудник администрации США не имеет права работать в сфере, которая пересекается с интересами его бывшего работодателя. Более того, уволившись, уже бывший федеральный чиновник не может заниматься лоббистской деятельностью в течение всего срока президентства Б. Обамы (2008–2012), но в случае его переизбрания это ограничение автоматически продлевается еще на четыре года. Естественно, многие лоббисты, подумывавшие о карьере государственного служащего, предпочли аннулировать регистрацию, чтобы она не была препятствием в поиске работы. Однако имеются случаи, выходящие за рамки только что введенных правил. Например, Патрисия Гилберт, которая работает в комиссии по безопасности потребительских товаров, ранее была лоббистом инвестиционной компании *Barr Laboratories*. Джордж Бреннан, принимавший дела ЦРУ у республиканской администрации, являлся главой одного из подрядчиков этого разведывательного органа – фирмы *The Analysis Corp.*, переименованной в *Sotera Defense* (до инаугурации президента США его командой создаются рабочие группы по каждому министерству и ведомству, которые принимают дела уходящей администрации).

Таким образом, несмотря на некоторое сокращение доли США в мировой экономике, количество иностранных государств, желающих «решать вопросы» в Вашингтоне, только растет. Вместе с тем происходит изменение структуры иностранного лоббизма в США в пользу частных структур на фоне постепенного снижения лоббистской активности со стороны государства.

Весьма интересной представляется характеристика иностранного лоббизма в США, в основу которой положены два параметра: соотношение политических и экономических вопросов в целях лоббирования и состояние межгосударственных отношений – от союзничества до соперничества. Схематически это выглядит примерно так:

Израиль, Грузия, Бахрейн, Египет, Южный Судан, Эстония, Латвия имеют небольшой товарооборот с США, а следовательно, и слабую базу для экономического лоббизма. Союзнический характер отношений позволяет успешно реализовывать программы получения этими странами американской военной и финансовой помощи.

Государства условно второй группы – *Япония, Южная Корея* и др. – также близкие союзники США, но ввиду большого масштаба торговых отношений политические и экономические цели лоббирования более сбалансированы.

Литва представляет собой особый случай, поскольку единственным юридическим лицом, зарегистрировавшимся по американскому лоббистскому законодательству, является *Ukio bankas*.

Лоббизм таких стран, как *Франция, Канада* и *ФРГ*, представляет собой своеобразную «золотую середину». С одной стороны, развитость торгово-экономических связей позволяет соблюдать баланс политики и бизнеса, с другой – государства этой группы далеко не всегда поддерживают все внешнеполитические шаги Белого дома.

Йемен, Пакистан, Саудовская Аравия, Россия и др. занимают продвижением как политических, так и экономических интересов, при этом временами действуют вразрез с политикой администрации США: периоды партнерских отношений чередуются с «резкими похолоданиями».

Теперь – о «китайской модели» (при допущении, что Тайвань де-факто не является частью КНР). *Китай* в основном обращается к лоббизму для защиты своих экономических интересов. США находятся в сильной экономической зависимости от Китая, политика которого в известной мере вызывает дефицит американского торгового баланса. Кроме того, Пекин активно финансирует дефицит американского федерального бюджета через покупку казначейских обязательств Министерства финансов США. Своего рода «пятой колонной» выступает сам американский бизнес, заинтересованный в сотрудничестве с КНР.

Лоббизм таких стран, как *Судан*, направлен преимущественно на отмену американских санкций, которые были введены в связи с массовыми нарушениями прав человека в этой стране.

**Количественная характеристика
лоббистской деятельности
мусульманских стран в США**

Страны	Количество клиентов лоббистских фирм	Количество лоббистских фирм	Лоббистские расходы, тыс. долл.	Основная статья экспорта в США, 2010 г., млн. долл.	Способность режима мирно контролировать население	Наличие американской поддержки режима
Бахрейн	6	17	4523	химикаты – 137	да	да
Египет	40	71	27 310	одежда – 837	нет	нет
Ливия	9	12	3893	нефть и газ – 1648	нет	нет
Пакистан	25	68	26 809	одежда – 1563	да	да
Саудовская Аравия	52	120	73 410	нефть и газ – 30009	да	да
Сирия	8	5	нет данных	продукты переработки нефти и угля – 400	нет	нет
Тунис	15	22	4550	продукты питания – 83	нет	нет
Йемен	7	12	219		нет	нет
Итого	162	327	140 714			

**Общая характеристика лоббизма
мусульманских стран**

В связи с событиями, уже получившими название «арабская весна», возникает вопрос: насколько лоббизм мусульманских стран в США может повлиять на внешнеполитический курс Белого дома? Каковы иные факторы, определяющие поддержку США: нефтяные ресурсы стран региона, исторически сложившиеся военные союзы, глобальная война с терроризмом, способность местных режимов контролировать свое собственное население?

О степени содействия Соединенных Штатов ближневосточным странам можно судить по характеру заявлений Белого дома и Государственного департамента. В частности, в отношении правительств Бахрейна, Пакистана и Саудовской Аравии американские

заявления носили нейтральный оттенок, тогда как в адрес Египта, Ливии, Сирии и Йемена отличались крайней жесткостью. Другой индикатор поддержки – это предоставление финансовой и военной помощи США, хотя этот параметр не имеет особого значения для таких богатых нефтью стран, как Саудовская Аравия.

Что касается активности лоббистских фирм, то она определяется количеством их иностранных клиентов, т.е. числом консалтинговых контор, и затратами на «отношения с правительством». Несмотря на то что данные отчетности, предоставляемые консультантами, не всегда соответствуют реальности, особенно в отношении конкретных сумм, тем не менее они могут служить примерным ориентиром для определения масштабов лоббистской деятельности.

Основываясь на данных, приведенных в табл. 1, можно прийти к выводу о том, что отсутствует прямая зависимость между лоббизмом и американской поддержкой. Так, Египет занимает второе место по масштабу лоббистских расходов после Саудовской Аравии и является одним из столпов американской внешней политики в регионе. Однако это не помешало США отказаться от поддержки режима Хосни Мубарака. Йемен был также весьма важным американским союзником в борьбе с международным терроризмом, тем не менее, как и в случае с Египтом, неспособность обеспечить порядок на улицах привела к призыву Соединенных Штатов подать в отставку Али Абдулле Салеху.

Впрочем, в ряде случаев лоббизм позволяет достичь определенных результатов. Например, Муаммару Каддафи удалось в начале 2000 г. коренным образом изменить политику Белого дома в отношении своей страны, прибегнув к помощи вашингтонских консультантов, а также программы компенсации жертвам террора. Только после начала массовых волнений в 2011 г. правительство США потребовало от ливийского руководителя отказаться от власти.

Итак, очевидно, что Соединенные Штаты прекращают поддерживать тот или иной режим после того, как местные правители уже не способны контролировать ситуацию в стране. Лоббизм, являясь вспомогательным инструментом дипломатии, позволяет достичь лишь незначительных по масштабам выгод.

В этой связи представляется интересным рассмотреть итоги лоббистской практики на примере двух групп стран. Одна – Саудовская Аравия, Бахрейн и Пакистан, которой удалось сохранить

поддержку Белого дома, другая – менее успешная в этом плане – Египет, Йемен, Ливия и Сирия.

«Победители»: Саудовская Аравия, Бахрейн и Пакистан

В 2011 г. внимание американских СМИ было приковано к событиям в Ливии, что и понятно: ведь М. Каддафи для подавления народного восстания использовал танки и самолеты. Вместе с тем беспорядки происходили и в других странах Ближнего Востока, в частности в Бахрейне. Местные руководители хотя и не прибегают к военной силе при разгоне демонстраций, но и не собираются сдаваться без боя. Некоторые страны, такие как Саудовская Аравия, предпочитают решать проблемы мирными средствами – раздавать денежные субсидии населению.

Бахрейн, Саудовская Аравия, Пакистан, в отличие от Ливии, являются близкими союзниками США, и поэтому Белый дом старается не высказывать лишний раз «особой озабоченности» ситуацией с правами человека в этих странах. Почему же вашингтонский истеблишмент поддерживает местные режимы?

Королевство Саудовская Аравия в 1951 г. заключило соглашение о военном сотрудничестве с США. С тех пор там базируется американская военно-тренировочная миссия. С 1975 г. 52 физических и юридических лица из этой страны потратили более 73 млн. долл. на услуги 120 вашингтонских консалтинговых фирм (табл. 1). Как и следовало ожидать, одно из основных направлений лоббистской деятельности – экспорт нефти, тарифное регулирование, процедуры контроля береговой охраны США. В разное время на этой ниве трудились 17 юридических, лоббистских и пиаровских фирм. Консультации в ходе закупок американского вооружения предоставляли пять фирм, среди которых такие известные, как *Greenberg Traurig* и *Barbour Griffith and Rogers*. Специфика лоббистской деятельности Саудовской Аравии состоит в найме вашингтонских консультантов пятью конкретными членами королевской семьи. Цели при этом преследуются самые разнообразные: от финансовых консультаций по государственным ценным бумагам и личного пиара до содействия в выполнении миссии «посла доброй воли» ООН.

Несмотря на военный союз, отношения США и Саудовской Аравии не безоблачны. Поддержка отдельными лицами королевской семьи исламских фундаменталистов обернулась необходимо-

стью специальной пиар-кампании по улучшению имиджа этой страны в США. После теракта 11 сентября 2001 г. посольство Саудовской Аравии в Вашингтоне за 24 млн. долл. наняло агентство по связям с общественностью *Qorvis Communications, LLC*. Оно привлекло в качестве субподрядчиков по этому контракту еще десятков фирм, которые занимались отдельными направлениями корректировки имиджа. В частности, *Barnett Group, LLC* разработала целую программу контактов американских женщин-политиков, женщин-бизнесменов с их коллегами в Саудовской Аравии.

Особое удивление вызывает активная лоббистская кампания по вступлению Саудовской Аравии в ВТО. Казалось бы, эта страна не экспортирует ничего, кроме нефти, торговля которой не имеет ни малейшего отношения к Всемирной торговой организации. Но, в отличие от российских противников присоединения к этой организации, в Аммане осознают важность принципов свободной торговли. Ведь членство в ВТО сигнализирует мировому инвестиционному сообществу: мы намерены играть по общим правилам. Итак, на протяжении 1999–2008 гг. восемь консалтинговых фирм содействовали Саудовской Аравии в переговорах с торговым представителем США в ВТО. В команде была такая известная фирма по предоставлению юридических услуг, как *Akin, Gump, Strauss, Hauer & Feld, LLP*. В результате с 2005 г. эта страна является членом ВТО. После чего последовали консультации, касающиеся выполнения взятых на себя Саудовской Аравией обязательств по открытию внутреннего рынка.

Вторая страна, которой удалось избежать гневных заявлений Белого дома по поводу методов усмирения демонстрантов, – Королевство Бахрейн. Оно в 1991 г. подписало соглашение о военном сотрудничестве с США. С тех пор штаб 5-го флота ВМС США расположился в этой стране. С 1993 г. Бахрейн через шесть своих структур за 4,5 млн. долл. нанимал 17 лобби-фирм для отстаивания интересов в Вашингтоне (табл. 1). Так, в 1993 г. на повестке дня были переговоры по экспорту бахрейнского текстиля в США, в проведении которых участвовали консультанты *Fasturn, Inc.*, одного из лидеров в сфере переговоров по текстильным квотам. Через семь лет с помощью вашингтонских консультантов удалось добиться разработки, подписания главами двух государств и ратификации Конгрессом США налогового соглашения. Это соглашение, среди прочего, ликвидировало двойное налогообложение доходов американских граждан, работающих в Бахрейне, и, соответственно, подданных короля Бахрейна – в Соединенных Штатах.

Затем в 2003–2006 гг. фирма *Fierce, Isakowitz & Blalock* при участии *Holland & Knight* и *Sandler, Travis & Rosenberg* пыталась продвинуть идею соглашения о свободной торговле. Однако критика по поводу ситуации с правами человека в Бахрейне спутала карты лоббистам. Через два года, чтобы изменить восприятие американцами положения с правами человека, был нанят гигант Вашингтонского консалтинга *Patton Boggs, LLP*. А бахрейнский совет экономического развития взялся за рекламу своего королевства как стратегического торгового и инвестиционного партнера среди американских компаний, ассоциаций бизнеса, мозговых центров, СМИ. Лоббистская кампания по соглашению о свободной торговле привела к его подписанию главами государств, а затем и вступлению в силу в 2006 г.

Третья мусульманская страна, в адрес которой не последовало критики Белого дома по поводу ситуации с правами человека, это Пакистан. После ликвидации Усамы бен Ладена вблизи территории пакистанской военной академии и в связи со шквалом обвинений со стороны США в укрывательстве террориста № 1 Пакистан развернул масштабную пиар-кампанию в Вашингтоне по восстановлению своей репутации «союзника в борьбе с терроризмом». Дело в том, что в 2009 г. Конгресс США принял пятилетнюю программу военной помощи Пакистану в размере 7,5 млрд. долл., и лишаться такого куша руководство этой небогатой страны не намерено. Всего с 2002 г. американцами было направлено 20 млрд. долл. на военную поддержку своего союзника. Однако в начале июля 2011 г. Белый дом объявил о сокращении объема финансовой помощи Пакистану на 800 млрд. долл., указывая в качестве причины недостаточно активное сотрудничество Исламабада в борьбе с терроризмом.

Пакистан попытался вернуть себе репутацию союзника США в борьбе с международным терроризмом, заявляя, что он не знал о местонахождении главы «Аль-Каиды». Весной 2011 г. Марк Сигел, партнер лоббистской фирмы *Locke Lord Strategies, L.P.* начал продвигать эту позицию своего клиента – президента Пакистана Асифа Али Зардари. Лоббисты, работающие на Пакистан, обладают необходимыми связями: в частности, Марк Сигел был помощником президента Картера, а в 2001–2004 гг. – главой аппарата конгрессмена Стива Израэля. Фил Риверс возглавлял аппарат сенатора Ричарда Шелби, а Брайан Хэндл являлся помощником сенатора Херба Кола; оба сенатора являются влиятельными чле-

нами Комитета по ассигнованиям, в ведении которого находится распределение финансовой помощи зарубежным государствам.

С 1954 г. Пакистан – военный союзник США, хотя и не всегда лояльный. В период «холодной войны» Белый дом рассматривал эту страну как противовес Индии, тяготевшей к СССР. Особенно активно проходило взаимодействие во время войны, начавшейся после ввода советских войск в Афганистан. В 1988 г. США в соответствии с поправкой Пресслера приостановили оказание военной помощи Пакистану из-за ядерной программы, а через десять лет даже ввели санкции в связи с испытанием ядерной бомбы. Однако после 11 сентября 2001 г. активное военное сотрудничество возобновилось.

Свои интересы в Вашингтоне Пакистан реализует всеми возможными путями, в том числе с помощью лоббистов. Всего с 1948 г. 25 пакистанских физических и юридических лиц пользовались услугами 68 лоббистов, потратив более 26 млн. долл. (табл. 1). Продвижением интересов Пакистана в сфере военного сотрудничества занимались следующие фирмы: с 2008 г. *Locke Lord Strategies, LP*; в 2004 г. *Kestral Trading Company* за 50 тыс. долл. наняла *Bannerman & Associates, Inc.* для получения оборонного подряда Пентагона; в 2001–2005 гг. пакистанское посольство пользовалось услугами *Wilson Associates, LLC*, обошедшимся ему в 1,8 млн. долл. В 1998 г. лоббист Брюс Фейн за 84 тыс. долл. пытался смягчить американские санкции, введенные после испытания Пакистаном ядерного оружия.

Отдельный сегмент представляет собой политический лоббизм. Во-первых, активизируется пакистанская диаспора в США. В 2011 г. Всепакистанская мусульманская лига и Раза Бохари начали собирать средства на выборную кампанию Первеза Мушаррафа, а Комитет поддержки демократии и справедливости в Пакистане нанял *National Strategies, LLC* для осуществления контактов с американскими политиками. С 2010 г. движение *Muttahida Quami* действует через свое отделение в США. *Pakistan Tehreek-e-Insaf* использовало свое представительство *PTI USA, LLC* для политической мобилизации пакистанской диаспоры. Хотя еще в 2002 г. правительство Пакистана нанимало за 600 тыс. долл. *Sterling International Consulting Corporation*, чтобы пробудить политическое сознание своих соотечественников, живущих в США. Кроме того, с 1990 г. Пакистанская народная партия пользовалась услугами лобби в Вашингтоне в приоритетных для нее вопросах, в

частности в расследовании убийства премьер-министра Беназир Бхутто.

Для продвижения собственно экономических интересов различные пакистанские структуры нанимали более двух десятков лоббистов. Наиболее активными были «Пакистанские международные авиалинии», пользовавшиеся с 1960 по 2009 г. связями пяти консультантов и фирм *Pakistan Textile & Apparel Group, Shon Industries aka Shon Textiles*. В свое время с помощью такого гиганта консалтингового рынка, как *Fleishman-Hillard, Inc.*, и четырех других фирм эта пакистанская авиакомпания добилась заключения специального соглашения по экспорту текстиля в США. Как и Бахрейн, Пакистан в начале 2000-х годов тщетно пытался добиться заключения соглашения о свободной торговле с США и даже заплатил за это более 1,2 млн. долл. фирме *Quinn Gillespie & Associates, LLC*.

Соединенные Штаты уже не раз замораживали военную помощь Пакистану, и меры по ее сокращению, принятые в июле 2011 г., не являются чем-то экстраординарным. В Вашингтоне прекрасно понимают, что нельзя отталкивать страну, обладающую ядерным оружием. Тем более в ситуации, когда не ясна степень контроля политического руководства Пакистана не только над своими военными, но и тем более – мусульманскими радикалами. К тому же в США много лет подряд самые различные аналитики едины во мнении, что без Пакистана нельзя выиграть войну в Афганистане.

«Проигравшие»: Египет, Йемен, Ливия, Сирия

Стремительный крах режима Хосни Мубарака в Египте оказывается не столь уж неожиданным, если взглянуть на него через призму лоббистской деятельности египетских структур в США. Начиная с 1980-х по первую половину 2000-х годов египетский бизнес предпринимал серьезные попытки выйти на международные рынки и снять заградительные барьеры в торговле. В частности, в 2005 г. александрийская ассоциация экспортеров хлопка в союзе с Министерством торговли и промышленности смогла добиться отмены квот на египетский хлопок в США и ЕС, заплатив 5 млн. долл. консалтинговой фирме *CMGRP, Inc.* Другой пример. Американская торговая палата в Египте организовывала инвестиционные конференции в США в 1994 г., а спустя несколько лет наняла *Paul, Hastings, Janofsky & Walker LLP* и *Baker Botts LLP* для

продвижения идеи соглашения о свободной торговле между двумя странами. Всего при Мубараке египтяне потратили на лоббистскую деятельность в Вашингтоне более 27 млн. долл. (табл. 1).

Но уже во второй половине 2000-х годов в Египте не осталось ни одной частной структуры, отстаивающей свои интересы в Вашингтоне. Акцент в лоббизме переместился на сохранение в прежнем объеме американской военной помощи. Такое ограничение лоббистской практики, несомненно, указывало на неспособность Мубарака отвечать на вызовы времени и постепенную деградацию режима.

Здесь важно пояснить, что лоббизм совершенно необходим, если задачей ставится обеспечение стабильного потока бюджетных ассигнований. Роль Конгресса США в бюджетном процессе крайне велика: ни одна строчка главного финансового документа не принимается в том виде, в каком ее подготовило административно-бюджетное управление Президента США. Поэтому нужно лоббировать членов Комитета Конгресса США по ассигнованиям, с тем чтобы добиться нужных целей.

Интересна и эволюция форм представительства египетских интересов в Соединенных Штатах. В 40–70-х годах XX в. арабские государства пытались выработать единую лоббистскую стратегию в Вашингтоне посредством Лиги арабских государств, которая, в свою очередь, действовала как через Арабский информационный центр, так и через семь консалтинговых фирм. С приходом к власти Мубарака в начале 80-х годов коллективная стратегия была отброшена.

Таблица 2

**Финансовая помощь США мусульманским странам,
млн. долл.**

Страны	Годы						
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Бахрейн	19,0	16,4	5,3	9,2	20,5	17,7	26,2
Египет	1779,2	1757,7	1705,2	1554,7	1555,7	1653,9	1557,3
Ливия			1,0	3,3	0,8	0,1	1,7
Пакистан	762,9	734,4	740,5	2305,9	1911,6	1385,0	2965,0
Саудовская Аравия	1,6	0,3		0,4	0,2	0,4	
Сирия		0,6	14,1	2,5			
Тунис	10,3	10,8	11,6	14,6	21,9	25,7	6,6
Йемен	18,7	23,7	19,4	42,4	80,3	62,9	120,2
Итого	2591,7	2543,6	2497,1	3933,0	3591,0	3145,7	4677,0

Нынешняя смена власти в Египте и приход военных в качестве временной администрации, благосклонная реакция Белого дома на эти события вполне объяснимы. Египетские генералы встали на защиту как 1,3 млрд. долл. ежегодных военных субсидий, так и секулярного пути развития, обеспечивающего благополучие основной статьи египетского «экспорта» – туризма. Вашингтон же имеет опыт десятилетий тесных отношений с египетскими военными и рассчитывает, что ему удастся сохранить Египет в числе ближайших союзников США. При этом ни военное сотрудничество с США, ни активное арабское лобби в Вашингтоне не помешали Б. Обаме выступить с призывом к Хосни Мубараку подать в отставку. Главным для Белого дома оказалась неспособность египетского лидера контролировать ситуацию в стране.

Тунис, где и началась «арабская весна», представляет собой яркий пример того, что даже традиционно позитивные отношения с США не гарантируют сохранение поддержки Белым домом. Хотя Тунис формально и не является военным союзником Вашингтона, он имеет двухвековую историю отношений с этой страной. В 80-е годы прошлого века они несколько ухудшились в результате операции Израиля в Тунисе против Организации освобождения Палестины. С 1957 г. правительство Туниса получает финансовую помощь США, о размерах которой в последние годы можно судить по табл. 2. Кроме того, ежегодно заседает американо-тунисская военная комиссия, регулярно проводятся совместные учения.

Тунисский лоббизм в США довольно активен для страны такого небольшого размера и политического веса в мире. С 1946 г. 15 тунииских структур потратили более 4,5 млн. долл. на услуги 22 вашингтонских консалтинговых фирм (табл. 1) для поддержания благоприятных отношений с США. Эволюция туниисского лобби напоминает изменения в лоббизме египетском. В 50-е годы была предпринята попытка проводить единую стратегию через Лигу арабских государств. В 70-е годы основные усилия лоббистов были направлены на поддержание экономического развития страны. Но уже в 2000-е годы лоббизм ограничивался целью получения финансовой помощи туниисскими военными. В итоге в январе 2011 г. Обама не поддержал Бен Али, который и был вынужден уйти в отставку.

И наконец, еще один союзник США на Ближнем Востоке – Йемен, которому американцы оказывают военную помощь с 1979 г. Отношения между двумя странами обострились во время агрессии Ирака против Кувейта, когда Йемен выступил на стороне

Садама Хусейна. Однако с 11 сентября 2001 г. эта страна позиционирует себя как союзник США в «войне с террором» и ежегодно получает около 20 млн. долл. на нужды армии. Всего с 1989 г. семь представителей этого государства за 219 тыс. долл. нанимали опытных вашингтонских юристов, лоббистов и пиарщиков для продвижения своих интересов (табл. 1). Показательны их жалобы в Вашингтон: в 1990 г. Альянс йеменской оппозиции нанял *Wagner, Hines & Avary, Inc.* для того, чтобы проинформировать американских политиков о своем существовании. Услугами лоббистов в 1992–2000 гг. пользовалось и Министерство иностранных дел Йемена – оно пыталось задействовать фирму *Baker Botts LLP* для содействия в разрешении пограничного конфликта с Саудовской Аравией.

В остальном проблематика йеменского лобби традиционна для Ближнего Востока – нефть и оружие. В 2001–2002 гг. МИД Йемена нанимал фирму *DLA Piper US LLP* для контактов по вопросам добычи и переработки нефти. В 2010 г. визит главы ВВС Йемена в США организовывал вашингтонский консультант со связями в Пентагоне Дэниэл Свейн. В рамках поездки прошла встреча с главкомом ВВС США, обсуждалось создание программ обучения йеменских военных, проведение совместных военных учений. Кроме того, речь шла о модернизации военной авиации Йемена, создании программы учений национальных гвардий двух стран, о закупках американского вооружения.

На фоне народных волнений в 2011 г., когда резко активизировалась «Аль-Каида», а многие военные оставили свои посты и дезертировали, Б. Обама несколько раз призывал президента Йемена покинуть свой пост. Здесь, как и в Египте, союзничество в «борьбе с террором» не стало гарантией поддержки Белым домом.

Теперь о Ливии, которая никогда не была в ряду сторонников США. Девять различных ливийских структур потратили на услуги более десяти американских консалтинговых фирм почти 3,8 млн. долл. (табл. 1). Чтобы добиться расположения Белого дома после 11 сентября 2001 г., Каддафи заявил о своей приверженности борьбе с «Аль-Каидой». Впоследствии, в 2011 г. официальный Триполи даже вменяет в вину этой организации подстрекательство ливийцев к бунту.

В течение 2000-х годов США оставались довольно терпимы к режиму Каддафи – пока он не нарушал общепризнанных норм международного права. На 2003–2008 гг. приходится последняя лоббистская кампания ливийского лидера в Соединенных Штатах,

направленная на нормализацию межгосударственных отношений. Сначала, в качестве подготовительного этапа, Ливия признала ответственность за организованные теракты и учредила компенсационный фонд. Были выплачены компенсации жертвам взрывов в Берлине в 1986 г. (2,7 млрд. долл.), Локерби в 1988 г., рейса UTA Flight 772 в 1989 г., а также ливийцам, пострадавшим в Триполи и Бенгази от американской контратаки в 1986 г. Затем Каддафи ликвидировал программу производства ядерного и химического оружия и открыл страну для международных инспекций.

В 2004–2007 гг. за 3 млн. долл. была нанята лоббистская фирма *Fahmy Hudome International*, специализирующаяся на представительстве интересов нефтяных стран в Вашингтоне. Ее президент Рада Фами Хьюдом была заместителем министра энергетики в первый срок президентства Дж. Буша-младшего. В результате в сентябре 2008 г. госсекретарь США Кондолиза Райс посетила Ливию – это был первый визит такого уровня с 1953 г. После чего, 31 октября 2008 г., президент США во исполнение Закона № 110-301 «О разрешении претензий к Ливии» подписал указ № 13477 о восстановлении иммунитета Ливии против гражданских исков американцев о компенсации ущерба вследствие террористических актов, организованных Каддафи. Согласно указу, ни один американский гражданин не мог в судебном порядке взыскивать денежные средства с ливийского правительства. Все судебные дела, находившиеся на рассмотрении, были прекращены. Иностранные граждане также лишились права предъявлять претензии к Ливии в американских судах.

Немного истории. Ливийский лоббизм в США берет начало в 1957 г., когда Комитет за освобождение Северной Африки нанял Мохаммеда Сулеймана Давода. Договор, по всей видимости, был заключен с целью прощупать почву в Вашингтоне на предмет установления контактов. Затем, с 1976 по 1985 г., постоянное представительство Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии в ООН, народное бюро (посольство) в Вашингтоне нанимали трех консультантов, которые помогали ориентироваться в американской дипломатии.

Наибольшую активность по продвижению своих интересов в США М. Каддафи развил в конце 80-х – начале 90-х годов. Шесть лоббистских фирм нанимали: Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия, правительство Ливии, Хассан Татанани – региональный менеджер нефтедобывающей компании *Challenger LTD*, и даже «Народный комитет ливийских студен-

тов». Целью была отмена санкций ООН и ареста ливийского имущества в США, наложенного указом Р. Рейгана после взрыва 5 апреля 1986 г. ночного клуба *La Belle* в Западном Берлине. Через девять дней США провели операцию «Каньон Эльдорадо», нанеся удар по личной резиденции Каддафи. Подрыв ливийскими агентами 21 декабря 1988 г. рейса Pan Am Flight 103 обострил и так напряженные отношения между двумя странами.

Тогда лоббистская кампания не принесла результатов. Позже к Каддафи пришло понимание: нужно не только нанимать лоббистов, но и взять на себя ответственность за теракты и выплатить компенсации жертвам. С течением времени, к концу 90-х годов, усилиями президента ЮАР Нельсона Манделы и тогдашнего генсека ООН Кофи Аннана положение Ливии на мировой арене улучшилось. Санкции ООН были приостановлены, а позже и вовсе отменены.

В начале 2000 г. усилия лоббистов и выплата компенсаций жертвам террора помогли лидеру ливийской революции на время вывести свою страну из категории стран «оси зла». Однако предотвратить начало военной операции НАТО в Ливии с помощью Вашингтонских консультантов Муаммару Каддафи не удалось. Лоббизм, обладая ограниченными возможностями, может служить лишь вспомогательным механизмом при решении проблем.

Еще одна страна, с которой у США традиционно не складываются дружественные отношения, это Сирия. Информационная политика Сирийской Арабской Республики в условиях массовых беспорядков в 2011 г. кажется рациональной, с точки зрения интересов режима. С одной стороны, закрывается доступ иностранным журналистам на территорию страны, с другой – проводится фильтрация информационного потока через Арабский информационный центр (АИЦ) в Вашингтоне, который действует там с 1955 г.¹ Но оказывается, что сегодня такой подход абсолютно не-

¹ Арабский информационный центр был учрежден Лигой арабских государств для реализации совместной лоббистской и пиаровской стратегии в США. Однако Египет, Саудовская Аравия и Йемен перестали финансировать эту организацию еще в 1973 г. Во втором полугодии 2010 г. ее бюджет составил 398 тыс. долл. Среди мероприятий Арабского информационного центра в Вашингтоне можно отметить участие его директора, д-ра Хуссейна Хассуна, в работе делегации Лиги арабских государств на 65-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 21–25 сентября 2010 г. и выступление 20–21 октября 2010 г. на Международном экономическом форуме по канадско-арабским отношениям в Монреале (<http://www.fara.gov/quick-search/html>).

эффективен. Во-первых, распространение Интернета, возможность обмениваться информацией через социальные сети *Twitter* и *Facebook* прорывают информационные барьеры, во-вторых, падает дисциплина среди сирийских военных и пограничников.

В официальном заявлении посла Сирии Имада Мустафы указывается, что «события, происходящие в Сирии с марта 2011 г., более сложны, чем представлено международными СМИ». Однако по-прежнему действует запрет на работу иностранных журналистов в стране, и они не могут показать «более сложную» картину. В заявлении отмечается, что положением дел в Сирии недоволено и правительство, которое предпринимает ряд реформ, в частности отменен закон о чрезвычайном положении, разрабатывается закон о демократизации, защищающий мирные демонстрации и упраздняющий государственный суд по безопасности. Планируется также принятие законов о выборах и СМИ. Более того, 20 июня 2011 г. во время своего выступления в Дамасском университете президент Башар Асад предложил идею разработки новой конституции.

Начиная с 1942 г. восемь сирийских структур пользовались услугами пяти консалтинговых контор (табл. 1). Пионером сирийского лоббизма в США стала Сирийская социальная националистическая партия, которая была запрещена в 1955 г., но через полвека вошла в Национальный прогрессивный фронт, возглавляемый партией власти «Баас». Позже, в 1957–1960 гг., *Syrian Broadcasting System* пользовалась услугами вашингтонского консультанта Мэри Хэгэн для продвижения своих интересов. Можно привести и другие примеры лоббизма в сфере бизнеса: в 1987–1990 гг. фирма *Bankers Capital Management, Inc.* консультировала Центральный и Коммерческий банки Сирии на предмет проведения операций в США. Это стало возможным после отмены американских санкций в отношении САР 19 августа 1987 г.

Традиционно сложные сирийско-американские отношения значительно ухудшились в результате неудачного переворота, организованного ЦРУ в 1957 г. с целью свергнуть президента Адиба Аль Шишакли. Это привело к тому, что среди всего арсенала политико-дипломатических инструментов начал доминировать лоббизм. В 1979–1994 гг. для оказания влияния на политику Вашингтона сотрудники сирийского дипломатического корпуса нанимали частные фирмы. Так, постоянное представительство САР в ООН начало работать с Мэрилин Перри в период, когда Сирия была включена в список государств, поддерживающих терроризм. Затем

посольство в Вашингтоне наняло пиаровскую фирму *Van Kloberg & Associates, LTD*, позднее переименованную в *Washington World Group*. В 1990 г. Сирия и США едва ли не впервые стали союзниками, оказывая содействие Кувейту, который стал жертвой иракского вторжения. А спустя четыре года даже состоялись две встречи президентов США и Сирии – Билла Клинтона и Хафеза Асада – во время переговоров по ближневосточному мирному урегулированию.

* * *

Важно отметить, что арабское лобби в США на протяжении своего существования проделало определенную эволюцию. Саудовская Аравия, Бахрейн, Йемен, Египет, Сирия в 50–70-е годы минувшего века использовали Арабский информационный центр в Вашингтоне для выработки совместной лоббистской стратегии. Однако после того как романтическая идея целостного арабского мира канула в Лету, местные правители решили выстраивать самостоятельные линии поведения. Одни, как правители Бахрейна, едва ли не с момента получения независимости сделали ставку на США, другие, как Саудовская Аравия, имея в активе 20% мировых разведанных запасов нефти, использовали Соединенные Штаты в качестве рынка сбыта, позволяя вольности в виде финансирования террористов. Третьи, как Йемен, исходили из внутривосточных соображений в выборе геополитических ориентиров. Четвертые же, такие как Сирия, до сих пор задействуют АИЦ в реализации своей пиар-стратегии.

Проведенное исследование показывает, что несмотря на некоторые характеристики, общие для всего региона, лоббизм каждой из рассмотренных стран имеет свои особенности и использует свои методы и технологии.

Очевидно, что поддержка США того или иного ближневосточного режима не может быть гарантирована ни тесными союзническими отношениями, ни ролью той или иной страны в «борьбе с терроризмом», ни наличием нефтяных ресурсов, ни использованием вашингтонских консультантов. Главным фактором является способность самого режима контролировать мирными средствами положение в стране и собственный народ.

«Мировая экономика и международные отношения», М., 2012 г., № 9, с. 90–99.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Ольга Чикризова,

магистр (РУДН)

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ

ПОНЯТИЯ «ИСЛАМИСТСКИЙ ТЕРРОРИЗМ»

Современный терроризм имеет много обличей и проявлений, каждое из них особенное, но все в равной степени опасно. Этнорелигиозный терроризм, на наш взгляд, является самой опасной «личиною» терроризма, поскольку он формируется в рамках той или иной религии и использует религиозные постулаты, искаженные и «подогнанные» под террористические цели.

В настоящее время, как представляется, не существует ни одного человека в «цивилизованном мире», который ни разу не слышал бы об «исламистском терроризме». Им пугают население стран Запада, именно ему в 2001 г. Соединенные Штаты объявили войну. С подачи недобросовестных журналистов ислам, одна из мировых религий, стал синонимом международного терроризма, термины «исламский фундаментализм», «исламский экстремизм» и «исламизм» стали одними из самых часто употребляемых в речах политиков, материалах СМИ и научно-исследовательской литературе. Зачастую эти слова заменяют друг друга как синонимы. Но если попытаться найти четкие определения этих понятий, то можно столкнуться с тем, что их просто не существует. Каждый ученый, политик или журналист трактует их по своему собственному усмотрению. Но эта вольная трактовка приводит к абсолютному искажению представлений о сущности «исламистского терроризма». В данной работе мы попытаемся разобраться в значении и соотношении таких понятий, как «исламский фундаментализм», «исламизм», «политический ислам», «салафизм», «ваххабизм», а также «исламский экстремизм» и «исламистский терроризм».

«Исламский фундаментализм». Термин «фундаментализм» зародился в США в недрах протестантского христианства в первой

четверти XX в. Фундаменталисты призывали вернуться к истокам веры, ратовали за очищение религии от возникших со временем «наслоений», которые зачастую искажали первоначальный смысл отдельных религиозных постулатов. Что касается исламского фундаментализма, то он представляет собой призыв очистить ислам от всего того, что было в него привнесено в ходе многочисленных модернизаций.

Как мы видим, «исламский фундаментализм» не является синонимом «исламского терроризма». «Исламский фундаментализм» – это обобщающий термин для обозначения различных направлений мусульманской мысли и религиозно-политических движений, которые ратуют за возвращение к исламу времен Пророка Мухаммада. Одним из таких направлений внутри суннитского ислама является **салафизм** (от слова «салаф» – «предшественник, предок», так именуют сподвижников Пророка). Идеологи салафизма проповедуют восстановление истинного ислама и отвергают традиции и практику современного исламского мира как отклонения от пути Аллаха. Основными постулатами салафизма являются:

- буквализм в толковании Корана и Сунны; отрицание философских методов в вопросах толкования и трактовки текстов Корана; отрицание необходимости посредничества священнослужителей между Богом и человеком;
- борьба с мистицизмом в исламе;
- борьба за чистоту единобожия («вахданийя»), т.е. борьба против поклонения могилам и почитания различных священных авторитетов и реликвий.

Салафизм находится за рамками четырех основных правовых школ («мазхабов»), его с определенной долей условности можно считать пятой школой.

«Ваххабизм». Ваххабизм представляет собой религиозно-политическое движение в рамках салафитского учения. Ваххабизм – это реформаторское движение за возвращение к чистому исламу, принявшее на вооружение не только методы мирной проповеди, но и силовые методы борьбы за распространение своих убеждений.

Основными постулатами ваххабизма являются:

- строжайшее единобожие («таухид»);
- призыв к отказу от нововведений («бид’а») и мистицизма;
- трактовка джихада исключительно как вооруженной борьбы с неверными («кяфирами»);
- буквализм в понимании Корана и Сунны.

Наиболее интересным в контексте изучения терроризма является пункт о трактовке джихада ваххабитами. В классическом исламском понимании джихад (араб. «усилие») является, наряду с пятью столпами ислама, формой служения Богу. Прежде всего, джихад подразумевает усилие над собой, над своими страстями, слабостями и пороками. «Разновидностями» джихада являются:

– «джихад сердца» – борьба с собственными дурными наклонностями;

– «джихад языка» – распространение правильных знаний; повеление одобряемого и запрещение порицаемого;

– «джихад руки» – предотвращение совершения проступков; наказание нарушителей норм нравственности и преступников;

– «джихад меча» – вооруженная борьба, которая, однако, не является обязанностью, за исключением случаев, когда мусульманская община подвергается нападению.

Таким образом, ваххабиты отдают приоритет «джихаду меча», несмотря на то, что Пророк Мухаммад считал «великим джихадом» духовное самосовершенствование каждого мусульманина. Многие исследователи, основываясь на данной особенности «примата» вооруженного джихада, говорят о существовании «**джихадизма**» («глобального джихада»), сущностью которого является борьба с «нечестивыми» правителями мусульманских стран, «продажными» умеренными улемами и имамами. Инструментом джихадистов является терроризм. Однако эти исследователи указывают на то, что джихадизм сформировался в рамках салафизма. На наш взгляд, это верно только отчасти: джихадизм, как представляется, является радикальной формой ваххабизма, который, в свою очередь, является движением, опирающимся на религиозную школу салафизма. Ваххабизм – производное от салафизма, а не наоборот.

Отдельно стоит сказать о ваххабизме в Саудовской Аравии. В этом государстве ваххабитский ислам – официальная идеология. Однако это отнюдь не значит, что Саудовская Аравия – террористическое государство. Как отмечает эксперт И.П. Добаев, религиозно-политическая карта саудовского королевства представляет собой триединую конфессиональную сеть салафитского ислама ваххабитского толка:

1) традиционалисты, т.е. сунниты ханбалитского мазхаба с «налетом» ваххабизма. К ним принадлежит основная масса верующих на бытовом уровне мусульман, а также клерикальные проправительственные круги;

2) умеренные исламисты-оппозиционеры, не согласные с политикой, проводимой действующим правительством, но действующие в рамках правовых границ;

3) антиправительственные экстремистские силы, радикальные исламисты, крайне негативно настроенные по отношению к власти. Основная их претензия лежит в области политических механизмов реализации исламской власти, которые не претворяются в жизнь при существующем режиме династии Саудидов.

Объективности ради стоит отметить, что Саудовская Аравия поддерживает экстремистские фундаменталистские группировки на территории различных стран с целью содействовать «глобальному джихаду» и созданию «исламского пояса», а также с целью реализации своих геополитических интересов. В этом, как представляется, проявляется «солидарность» Саудовской Аравии делу ваххабитского движения.

«Исламизм». Определить значение термина «исламизм» было особенно сложно, поскольку в исследовательской литературе по данному вопросу мнения ученых слишком разнятся. В ходе анализа различных точек зрения были «отброшены» как несостоятельные несколько определений.

1. Доктор Садик аль-Азм: «Исламизм – это крайне воинственная и мобилизующая идеология, развитая на основе избранных священных писаний, текстов, легенд ислама, исторических прецедентов, организационного опыта и современных обид и печалей... Эта идеология вводится в практику через возрождение давнишнего понятия исламского джихада (священной войны) в его самых сильных и агрессивных формах, войны против окружающего мира язычества, многобожия, идолопоклонства, безбожия, атеизма, предательства и неверия, известного этой идеологии как вероотступничество (“джахилийя”) XX столетия». На наш взгляд, данное определение однобоко: оно не учитывает того, что исламизм – это политическая идеология, а исламисты используют политические методы для распространения собственных убеждений. Данное определение больше похоже на определение понятия «воинствующий ислам» или «глобальный джихад». Об этом свидетельствует и использование термина «джахилийя» (араб. «невежество») в его узком значении, которое было разработано «идеологами» джихадизма (С. Кутб, С. Абул аль-Маудуди). В исламской историографии «джахилийей» принято называть доисламский, «варварский» период в истории арабов, эпоху до ниспослания Корана.

2. К. Поляков: «Исламизм – это практика использования религии ислама в политических целях». В данном определении не учтен тот факт, что ислам – это не просто религиозное учение. Ислам регламентирует абсолютно все сферы жизни своих последователей, и политика не исключение. В государствах, где ислам является господствующей религией, разделение на светское и духовное условно, поскольку ислам оказывает значительное влияние на светские сферы: политику, экономику, общественные отношения. Поэтому определение исследователя К. Полякова, на наш взгляд, несостоятельно.

Важно отметить тот факт, что термин «исламизм» (как и большинство различных «-измов») возник отнюдь не в мусульманской среде. Он впервые был введен французскими социологами, которые под исламизмом понимали теорию и практику политических движений, ставящих перед собой цели приведения общественного и государственного устройства в тех странах, где живут мусульмане, в соответствие с установлениями ислама. Данное определение достаточно полно отражает сущность данного явления и позволяет утверждать, что «исламизм» и «политический ислам» есть, по сути, одно и то же.

Процесс политизации ислама начался после победы Исламской революции в Иране (1979). Политическая доктрина имама Р. Хомейни, сейчас именуемая многими «хомейнизмом» (очередной «-изм»), легла в основу социально-политического устройства Исламской Республики Иран. «Хомейнизм» – это фундаменталистская концепция в рамках шиитского ислама, базирующаяся на представлениях Р. Хомейни об исламе как всеобъемлющем «учении, которое охватывает все стороны бытия». Р. Хомейни утверждал, что в Коране и Сунне содержатся все законы и установления, необходимые человеку для счастья, а государству – для процветания. Исламское государство мыслилось аятолле Хомейни как альтернатива капитализму и коммунизму.

Понятие «исламское государство» является центральным в программах и идеологиях исламистов различных толков. Так, согласно салафитской традиции (С. Абул аль-Маудуди), «исламское государство» («теодемократия») строится на трех принципах:

- единобожие («таухид»);
- суверенитет Бога («хакимийя»);
- наместничество правителей («халифат»).

С. Абул аль-Маудуди писал, что «ислам не навязывает свои принципы другим силой, не конфискует их собственность, не на-

вызывает правление страха с помощью массовых казней людей... Ислам не стремится ликвидировать меньшинства, он стремится защитить их и дать им возможность жить в соответствии с собственной культурой». Радикально настроенные идеологи ваххабизма отказались от постулата ненасильственного создания исламского государства (и, к слову сказать, от многих постулатов собственно ислама), провозгласив вооруженную борьбу с «неверными» долгом всех правоверных мусульман. Конечной целью этой борьбы является создание Великого халифата, исламского государства, основанного на шариате. Чтобы понять концепцию исламского государства в «хомейнизме», достаточно взглянуть на современный Иран. В основе Конституции ИРИ лежит Коран, шариат является системой права Ирана, а шиитское духовенство выполняет функции наместников Бога на земле до того момента, когда «скрытый имам» Махди придет в этот мир, чтобы установить царство Бога.

Таким образом, «исламизм», или «политический ислам», также не является синонимом «исламистского терроризма». Исламизм не обязательно является воинствующим, радикальным. Исламизм может быть умеренным, например, в таком варианте, как он существует в Марокко, где исламисты, составляющие большинство в парламенте, прекрасно сосуществуют с монархией. Марокканские исламисты выступают за обдуманную модернизацию отдельных сфер жизни марокканского общества, которая проводилась бы исключительно в рамках норм шариата и исламской нравственности. Как пишет российский ученый М.Р. Исмаилов, «исламисты, как и прочие политические силы в развивающемся мире, стремятся разрешить насущные проблемы с позиций Корана, найти ответ на многие вызовы глобализирующегося мира, распутать узел проблем, связанных с процессами модернизации, глубокой трансформацией во всех сферах повседневной жизни, урбанизацией, изменениями социальной структуры, размыванием традиционных ценностей». «Подвидами» исламизма можно считать «ваххабизм», который по сути своей является религиозно-политическим реформаторским движением за возрождение чистого ислама, и «хомейнизм», или «концепцию третьего пути», представляющую собой шиитскую фундаменталистскую религиозно-политическую идеологию.

Попытавшись дать определение термина «**исламистский терроризм**» в рамках приведенного выше анализа, мы пришли к выводу, что исламистский терроризм представляет собой силовой

метод реализации концепции «исламского государства», инструмент экстремистских организаций радикального толка (ваххабитского или иного). Подобные организации используют искаженные представления салафитского исламского мировоззрения, извращенные цитаты из Корана и Сунны. Любопытно отметить, что шиитский политический ислам фактически не использует терроризм напрямую, зато активно использует экстремистские и террористические организации (как шиитского, так и суннитского толка) для реализации концепции «экспорта исламской революции» в соседние государства. Примерами такого «симбиоза» может служить «Хезболла», пользующаяся поддержкой Ирана в своей деятельности на территории Ливана. По некоторым свидетельствам, Иран поддерживает ХАМАС на территории Палестинской автономии. Но в целом, исламистский терроризм зарождается и процветает в мусульманских государствах, которые стремятся «откреститься» от ислама в светской жизни: радикально настроенные фундаменталисты обвиняют лидеров подобных государств в предательстве ислама, в вероотступничестве. Эти государства включаются террористами в число «ближних врагов»: по мнению радикальных фундаменталистов, в этих мусульманских странах необходимо сменить прозападные режимы на исламские.

Таким образом, в настоящее время искаженный ислам стал инструментом идеологического обоснования террористической деятельности экстремистски настроенных фундаменталистов, которым присущи нетерпимое отношение ко всякому инакомыслию, фанатизм, неприятие настоящего и идеализация прошлого. Всплеск активности экстремистских исламистских организаций, наблюдающийся в наши дни, объясняется вступлением человечества в эпоху глобализации, которая сопровождается распространением западных ценностей. Глобализация породила на Ближнем Востоке «противодействие» в лице исламского фундаментализма, который воспринимается многими как единственное средство спасения и защиты исламской культуры от ассимиляции и поглощения западной культурой. Как пишет российский исследователь Л.Д. Чернышова, «исламская религия как единственный аспект современного арабского мира, не подверженный процессу вестернизации, становится условием сохранения самобытности арабской цивилизации».

Однако так как ислам не имеет никакого отношения к терроризму, поскольку он отрицает как насильственное обращение в религию, так и насилие само по себе, то фундаменталистам прихо-

дится исказить смысл исламской религии для того, чтобы привлечь к себе людей и увеличить число своих сторонников. И если фундаменталистам не удается отстаивать свою позицию цивилизованными политическими методами, если их политическая платформа оказывается несостоятельной, они прибегают к использованию «оружия слабых» – терроризму. Терроризм – это крайняя мера для исламистов, поскольку он фактически является нарушением основных норм ислама. Терроризм является орудием, разрешенным Богом, только для фанатиков или для ангажированных мусульман, которые ради достижения ограниченных целей используют ислам для легитимации насилия. Исламистский терроризм – это не порождение мусульманской религии, а политическое оружие в руках нечистоплотных мусульман и немусульман.

*«Диалог цивилизаций: Восток–Запад.
Глобализация и мультикультурализм
в посткризисном мире»,
М., 2013 г., с. 545–553.*

«АРАБСКАЯ ВЕСНА»: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИИ И МИРА

Российский институт стратегических исследований предлагает вниманию читателей обзор, подготовленный группой экспертов во главе с кандидатом философских наук, руководителем Центра Азии и Ближнего Востока Е.В. Супониной. Среди авторов обзора: кандидат филологических наук, заместитель руководителя Центра Азии и Ближнего Востока А.В. Глазова; кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела евроатлантических исследований Ю.Н. Глущенко; кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник отдела оборонной политики В.В. Карякин; главный редактор журнала «Проблемы национальной стратегии» А.А. Куртов; научный сотрудник сектора международных экономических организаций Центра экономических исследований Р.В. Шелгунов.

* * *

Дестабилизация. Волнения, которые привели к смене в 2011 г. политических режимов в Тунисе, Египте, Йемене и Ливии (а в последней – и к иностранному военному вмешательству), дес-

табилизировали ситуацию в этом стратегически важном регионе и оказали ощутимое влияние на происходящее в мире. Оценить всю степень этого влияния непросто, поскольку события динамично развиваются и в других странах, причем не только на Ближнем и Среднем Востоке. Политическое будущее стран, переживших эти потрясения, все еще туманно, а уже один за другим появляются новые очаги конфликтов. Началась война в Сирии. Продолжаются волнения в Бахрейне. На пороге войны с северянами стоит Южный Судан, в 2011 г. отколовшийся при активной поддержке Запада от северной части Республики Судан. Все чаще звучит вопрос: а могут ли по сходному сценарию развиваться события в других частях мира? Политические катаклизмы в этом регионе вкупе с не всегда удачными попытками международного сообщества справиться с этими вызовами приводят к трещинам во всей сформировавшейся после Второй мировой войны системе международного права, притом что старая система дает сбои, а новая не формируется из-за разных представлений держав о ее будущем. При всем своеобразии происходящего в отдельно взятой стране можно выделить общие тенденции, которые позволяют понять причины этих конфликтов и оценить их последствия, выходящие далеко за рамки этого региона.

Основные причины политических сдвигов на Ближнем Востоке. На первом этапе развития протестного движения наиболее активной силой в ряде стран (особенно в Египте и Тунисе) стала молодежь, в основном образованная, но не нашедшая достойной работы, владеющая новыми информационными технологиями и консолидированная через социальные сети Интернета. Этот слой населения придал динамику протестному движению. Обращает на себя внимание, что в последние годы доля «молодежных страт» в совокупном населении растет не только в арабских странах. Демографы нередко называют этот феномен «молодежным бунтом».

На втором этапе эстафету у молодежных активистов перехватили представители более организованных и политически опытных исламистских движений, которые после проведения парламентских выборов в Египте и Тунисе в конце 2011 – начале 2012 г. оказались главными бенефициариями смены власти.

Движущей силой протестов стали отнюдь не самые бедные слои населения, а скорее те, кого можно было бы определить как «средний класс», представители которого из-за безработицы потеряли возможности поддерживать прежний уровень жизни. При таком большом социально-экономическом расслоении этот класс

становился все малочисленнее и не мог уже поддерживать стабильность в обществе.

Почти во всех проблемных арабских странах в последние годы наблюдался взрывной рост численности населения, который сопровождался (благодаря научно-техническому прогрессу и успехам в медицине) сокращением смертности. Власти понимали степень сложности возникающих в связи с этим задач, но оказались не способны с ними справиться. «Руководить страной – процесс нелегкий. Прирост населения в Египте ежегодно – 1 млн. 300 тыс. человек, а доходы растут далеко не такими темпами», – жаловался несколько лет назад одному из авторов этой статьи президент Х. Мубарак. Мало кто мог тогда предположить, что дело кончится революцией, но было уже очевидно, что рост численности населения Египта набирает угрожающие темпы – сегодня здесь проживают почти 82 млн. человек. Проблемы обострились на фоне миграции сельских жителей в города и, соответственно, увеличения численности городского населения. В Тунисе, например, такая тенденция сыграла существенную роль.

Наконец, «спусковым крючком в дестабилизации региона стал рост цен на продовольствие», поскольку «мировые цены на продовольственные товары начали быстро расти с августа 2010 г.». Важно иметь в виду, что арабские страны импортируют большую часть продовольствия и особенно зависимы от поставок зерновых. Признавая приоритет внутренних причин, тем не менее нельзя игнорировать и роль внешнего фактора в развитии событий на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Наиболее ярко его действие проявилось в Ливии, где не просто совпали интересы ряда западных и восточных стран, а впервые (весной 2011 г.) был создан прецедент совместного участия блока НАТО и некоторых арабских государств в насильственном изменении режима в арабской же стране.

Военно-политические аспекты операций в Ливии. Военные действия в Ливии Альянс начал как формально легитимную операцию по исполнению резолюции 1973 Совбеза ООН, которая уполномочила страны – члены ООН ввести запрет на полеты в воздушном пространстве Ливии. Однако в ходе операции, мандат которой несколько раз продлевался и был официально прекращен 31 октября 2011 г., страны НАТО вышли далеко за рамки этой резолюции. Действия в Ливии показали, что страны НАТО во главе с США готовы в короткие сроки начать воздушную наступательную операцию по сценарию, аналогичному тем, которые США и их

союзники ранее осуществляли на Балканах и Ближнем Востоке. И такая операция под названием «Одиссея. Рассвет» началась в ночь на 20 марта. В ней участвовали США, Великобритания, Франция, Италия, Канада, Испания и другие страны. Вблизи ливийского побережья была сосредоточена морская группировка НАТО в составе 25 боевых кораблей и подводных лодок, в том числе трех кораблей ВМС США с ракетами «Томагавк» на борту, авианосца «Энтерпрайз» и нескольких десантных вертолетоносцев. Позже к ним присоединился французский авианосец «Шарль де Голль».

Целью союзников были прежде всего стоявшие на вооружении ливийской армии ракетные комплексы С-200 советского производства, а также 15 радиолокационных станций раннего оповещения на побережье Средиземного моря. Они были выведены из строя в первую же ночь боевых действий, как и вся система управления интегрированной противовоздушной обороной Ливии. Объектами ударов были также позиции регулярной ливийской армии, пункты управления и узлы связи, предприятия военной промышленности. Неоднократно подвергались ударам правительственный комплекс в Триполи, здания парламента, военной разведки и гостелерадио, а также аэродромы, система электроснабжения страны и даже нефтехранилища, например в районе Мисурата на северном побережье к востоку от Триполи.

За прошедший год в специальной литературе и в СМИ появилось достаточно информации о вооружении и тактике союзников, представлены цифры потерь с обеих сторон. Главное, что следует подчеркнуть: никогда прежде такое количество разнородной авиационной техники не использовалось одновременно в ходе одной военной кампании, что предъявило высокие требования к системе автоматизации связи, разведки и управления тактического звена. В первые дни войны общую координацию действий союзников осуществлял генералитет США. Однако, учитывая осторожное отношение администрации Б. Обамы к событиям на Севере Африки (большую активность проявляли в основном Франция и Великобритания), уже через несколько дней началась передача командных полномочий Альянсу, который окончательно взял на себя руководство операцией в Ливии в конце марта 2011 г. В начале апреля тогдашний глава Пентагона Р. Гейтс и вовсе объявил о выходе США из боевых действий. Тем не менее американская авиация совершила в Ливии 801 боевой вылет для ударов по наземным целям, из них 183 атаки осуществили БПЛА «Предатор».

Примечательно, что участие американских беспилотников в боевых действиях возобновилось с конца апреля (т.е. уже после объявления о том, что США прекращают свое участие в них), что объяснялось просьбами союзников и военно-технической необходимостью.

Мнения экспертов об эффективности действий авиации НАТО неоднозначны. Одни считают, что она продемонстрировала в них свои сильные стороны: высокую эффективность разведки, возможность нанесения ударов по идентифицированным целям через несколько минут после их выявления. Высокая эффективность действий авиации Альянса стала результатом проведенной модернизации. Теперь многие самолеты помимо полного спектра вооружений могут нести комплекс средств разведки, наблюдения и наведения на цель. Это повышает автономность действий авиации над полем боя. До сих пор, исходя из опыта боевых действий в Афганистане, существовало распространенное мнение, что удары по сложным объектам могут наноситься только при наличии целеуказания с земли.

Однако критически настроенные эксперты отмечают, что действия авиации союзников были малоэффективными и затратными. Более того, по мнению некоторых российских авторов, Альянс «потерпел в Ливии поражение» (Ф. Яковлев). Среди главных недостатков применения ударной авиации отмечается излишне затянутый процесс обработки разведанных, который проходил не менее пяти инстанций. В результате отдельные авиагруппы были вынуждены возвращаться на базы с пустыми топливными баками, так и не отбомбившись. Европейские союзники испытывали нехватку самолетов-заправщиков. Поэтому 80% всех дозаправок в воздухе выполняли самолеты США. Дело в том, что Великобритания сократила число своих самолетов-заправщиков, списав старые VC10s и «Тристарз» еще до замены их новыми транспортными танкерами A330 «Вояджер», а Франция к тому времени еще не успела завершить модернизацию своих ВВС.

Еще одним недостатком авиации НАТО оказалась большая зависимость от США в решении задач по подавлению ПВО противника. Кроме того, отсутствие поисково-спасательных самолетов в ВВС Альянса было чревато трудностями при спасении пилотов сбитых самолетов (в случае необходимости) во время действий ударной авиации в глубине Сахары. За все время операции коалиционные силы несколько раз несли технические потери. Например, 21 марта из-за неисправности (по официальной версии)

разбился F-15E, поднявшийся с авиабазы Авиано. Оба летчика, как сообщило командование НАТО, катапультировались.

И хотя поставленных целей союзники по НАТО достигли, полностью подавив сопротивление правительственных войск, К. Волкер, бывший посол США в НАТО, считает, например, что «несмотря на положительный исход, было бы ошибкой говорить об успехе НАТО в Ливии». По его мнению, в действиях Альянса в Ливии наглядно проявилась «системная болезнь», которой он страдает, – отсутствие солидарности среди его членов. Это «ставит под сомнение будущее НАТО как сильного союза». В качестве примера экс-посол привел изменение формата участия США в операции «в угоду внутривосточным соображениям». Американский дипломат и политолог убежден, что Альянс мог бы действовать более решительно, и события в Ливии высветили проблему «лидерства в организации» и «необходимость четкого определения ее миссии». В атаках на наземные объекты Ливии было уничтожено около 570 военных баз, бункеров и объектов управления, 355 зенитных ракет, более 500 танков и другой бронетехники, около 860 складов с боеприпасами.

Однако главное «достижение» НАТО заключалось в другом. Прежде всего, Альянс апробировал политический формат своих действий, осуществлял свои планы под эгидой ООН, но при этом произвольно трактуя положения резолюции СБ в свою пользу. А кроме того, он «обкатал» военный формат проведения будущих интервенций НАТО с использованием ударной авиации, крылатых ракет, в том числе запускаемых с подводных лодок, а также с применением ударных и разведывательных БПЛА. И это при ограниченном применении наземных войск (лишь в виде сил специального назначения).

Были случаи применения дорогостоящих французских и британских крылатых ракет большой дальности по не представляющим большой военной ценности ливийским танкам Т-55 и Т-62 советского производства. Очевидно, что здесь французы и англичане конкурировали между собой за будущие оружейные контракты.

Существует точка зрения, что Ливия оказалась не готова к отражению удара, поскольку не выполнила достигнутые в апреле 2008 г. договоренности с Россией и не успела модернизировать свои вооруженные силы, однако она относится скорее к области предположений, как и то, что решающую роль могло бы сыграть создание российской базы военно-морского флота в Бенгази.

Возникает вопрос: почему ливийская армия не оказала настоящего сопротивления противнику? Почему Каддафи, проявив решительность в действиях против повстанцев на земле, не поднял в воздух авиацию? Очевидно, что ВВС Ливии не могли бороться на равных с авиацией НАТО, но нанести ущерб силам Альянса они могли. Однако ни одного воздушного боя между самолетами ливийских ВВС и НАТО не произошло. Боевые вертолеты, которые могли бы эффективно работать по наземным целям, тоже не были задействованы.

Ключевую роль в этом сыграли внезапность операции, слабая подготовка кадрового состава ливийской армии, а также техническое отставание Ливии, связанное с действовавшими на протяжении долгих лет международными санкциями. Важно также, что авиация союзников в самые первые сутки операции нанесла удары в первую очередь по ливийской системе ПВО и аэродромам.

За последние 40 лет США, остальные члены НАТО и союзный им Израиль, используя опыт военных действий в Ливане, Югославии и Ираке, научились успешно подавлять системы ПВО, созданные на базе устаревших советских комплексов С-75, С-125, С-200 и «Квадрат». Сегодня применение таких средств против вооруженных сил стран Запада уже считается малоэффективным.

Надо сказать, что в целом боевые действия натовской авиации показали неспособность стран Альянса самостоятельно осуществлять крупные военные операции из-за отсутствия достаточного количества авианесущих кораблей, самолетов-заправщиков, самолетов боевого обеспечения и авиационных средств поражения. И тому есть объективные причины. В операции против Ливии удары наносились исключительно высокоточным оружием, без применения обычных бомб, не имеющих систем наведения. При этом даже в этих сравнительно небольших по масштабам боевых действиях запасы авиационных средств поражения были израсходованы довольно быстро, и восполнить их удалось только за счет американских поставок. Ливийская кампания еще раз продемонстрировала огромное значение авианесущих кораблей как платформ для базирования самолетов и вертолетов разных типов и назначения. Стало ясно, что для непрерывного применения палубной авиации в операциях продолжительностью более трех месяцев необходимо использовать как минимум два авианосца и два вертолетоносца на ротационной основе.

Последствия операции в Ливии: Упущенная выгода России. Для России ливийские события помимо прочего отозвались и

упущенными возможностями в сфере военно-технического сотрудничества (ВТС). По оценкам экспертов, российские оружейники из-за срыва сразу нескольких контрактов недополучили около 4 млрд. долл. По одному из таких контрактов, подписанному в 2010 г., Россия должна была поставить Ливии различных вооружений на сумму 1,3 млрд. евро. Триполи планировал закупить 20 боевых самолетов, несколько десятков танков, два дивизиона ЗРК «Фаворит», 40 ЗРК «Панцирь-С1». Планировалось подписать контракт на модернизацию более 140 танков и иного вооружения. Ожидалось также, что Ливия будет первым зарубежным покупателем отечественных истребителей Су-35. Еще примерно 1 млрд. долл. она была готова заплатить за десять боевых вертолетов Ка-52 «Аллигатор». Ливийская сторона выражала заинтересованность в приобретении подводных лодок, скоростных ударных катеров «Молния», ракетных комплексов залпового огня «Град» и современной зенитной ракетной системы С-400 «Триумф».

Понятно, что сегодня возобновление военно-технического сотрудничества с Ливией в прежнем объеме маловероятно, так как новые власти будут ориентироваться прежде всего на оружейные рынки США и Европы. Однако нашей стране пришлось свернуть серьезные планы в сфере ВТС не только в Ливии, но и в Египте и Йемене. Аналогичные опасения возникают и в связи с ситуацией в Сирии, которая в последние годы проявляет растущий интерес к продукции российского военно-промышленного комплекса. Об особых отношениях Москвы и Дамаска говорит, например, тот факт, что в сирийском порту Тартус еще с советских времен располагается единственный на сегодняшний день в Средиземном море пункт материально-технического обеспечения кораблей ВМФ РФ. В последние годы, особенно после введения шесть лет назад международных санкций против Ирана, Сирия постепенно становилась самым важным импортером российского оружия на Большом Ближнем Востоке. За ней следует Алжир, который в 2011 г. и в первой половине 2012 г. (в том числе благодаря спокойно завершившимся в апреле этого года парламентским выборам, подтвердившим руководящую роль Фронта национального освобождения) остался вне зоны политической турбулентности, хотя отдельные волнения были отмечены и там. Только в период с 2007 по 2010 г., согласно западным источникам, Россия заключила с Сирией военные контракты на сумму 4,7 млрд. долл., а с Алжиром – на 1,6 млрд. долл. Среди других арабских стран в списке покупателей российских вооружений в указанный период фигури-

руют Кувейт (700 млн.), Йемен (300 млн.), Египет и Ирак (по 200 млн.), ОАЭ (100 млн.).

События сначала в Ливии, а теперь уже и в Сирии, где с марта 2011 г. продолжается противостояние власти и оппозиции, отрицательно сказываются и на борьбе с международным терроризмом. В Ливии, например, в руки повстанцев, в том числе связанных с экстремистами, попали значительные объемы вооружений со складов ливийской армии. По западным оценкам, к новым хозяевам могло перейти около 1,5 тыс. переносных ЗРК «Стрела». А по данным экспертов Африканского командования Вооруженных сил США, на вооружении ливийской армии находилось около 20 тыс. портативных ракетных систем противотанкового оружия и противовоздушной обороны, в том числе западного производства. Это особенно опасно, поскольку обстановка в Ливии до сих пор остается беспокойной. К власти в этой и других арабских странах (в том же Египте) приходят исламисты. И все это происходит в условиях сохранения общей политической и экономической нестабильности в регионе, обострения ситуации вокруг ядерной программы Ирана (страны Запада уже не скрывают своего намерения сменить режим и там) и роста напряженности между двумя соседними государствами, на которые в 2011 г. раскололся ранее единый Судан.

Влияние региональной нестабильности на международную энергетическую безопасность. На фоне «арабской весны» мировые цены на нефть продолжали расти, хотя к лету 2012 г. наметилась их волатильность. Всякий новый всплеск нестабильности в любом случае только способствовал росту цен. Надо сказать, что положительная динамика цен на нефть сохранялась с 2002 г. и вплоть до разразившегося в 2008 г. глобального экономического кризиса. Причиной этому явились увеличение спроса на сырье, война и нестабильность в Ираке, а также переход «черного золота» (точнее, фьючерсов на его поставку) в разряд финансовых инструментов, выгодных для вложения спекулятивного капитала.

За шесть-семь предкризисных лет цены на энергоносители выросли в 4 раза. Развитие кризиса в Ливии и Египте заставило потребителей и поставщиков нервничать из-за возможных перебоев в танкерных перевозках сжиженного природного газа, нефти и нефтепродуктов через Суэцкий канал. Они опасались, что кризис распространится и на другие ближневосточные страны – экспортеры углеводородных ресурсов, включая даже Саудовскую Аравию (в самых алармистских сценариях). Кроме того, в конце 2011 – на-

чале 2012 г. заметно выросли политические риски из-за тревожного развития ситуации в Ормузском проливе и введения США и Евросоюзом дополнительных санкций против Ирана. На фоне этих событий в феврале 2012 г. произошел очередной скачок цен (почти на 10 долл.).

По данным Управления энергетической информации Министерства энергетики США, в 2011 г. мировое потребление нефти увеличилось на 1 млн. баррелей в сутки, до совокупного уровня 88,1 млн. баррелей. Прогнозируется, что в 2012 и 2013 гг. спрос на «черное золото» вырастет в среднесуточном исчислении на 1,3 и 1,5 млн. баррелей соответственно.

В то же время на рынке есть возможности для сдерживания слишком быстрого роста цен. Это и дополнительный потенциал нефтедобычи в Саудовской Аравии (еще около 4–5 млн. баррелей в сутки), и уже заметное повышение добычи нефти в Ираке. В последние годы эта страна из-за своего тяжелого экономического и политического положения не была связана квотами ОПЕК на добычу, хотя и является членом этой организации. В 2011 г. средний объем извлекаемой в Ираке нефти составил 2,653 млн. баррелей в сутки. Для сравнения: в России добыча нефти в сутки в 2011 г. составляла 10,36 млн. баррелей, что давало возможность сохранять мировое лидерство. Стоит отметить, что сократившаяся из-за войны добыча нефти в Ливии постепенно возвращается на прежний уровень (в 2010 г. эта страна ежедневно добывала 1,65 млн. баррелей).

Удельный вес «платы за риск» в стоимости нефти, связанной в том числе и с протестами против правящих режимов в арабских странах, во многом объясняется действиями финансовых спекулянтов, которые разрушают фундаментальные основы формирования цен на рынке сырой нефти. Они не заинтересованы в поддержании на нем стабильности, поскольку, как и на фондовом рынке, извлекают прибыль из повышения цен в моменты их краткосрочной высокой волатильности. Многие эксперты, однако, задаются вопросом: насколько долго просуществует эта тенденция и есть ли другие фундаментальные факторы среднесрочных и долгосрочных изменений цен на углеводороды в мире? По мере осмысления крупнейшими мировыми державами – потребителями углеводородных ресурсов новых реалий современного мира на энергетических рынках стали вызревать новые тенденции. И арабские революции в этом смысле являются для них лишь катализатором.

Когда цена на нефть превышает равновесную, особенно после преодоления уровня в 90–100 долл., экономическая целесообразность развития альтернативных технологий заметно возрастает. Напомним, что накануне глобального кризиса в июле 2008 г. цена на нефть на спотовом рынке взлетела до отметки 145 долл. за баррель, но уже к декабрю того же года последовало ее резкое падение до 35 долл., что существенно ниже равновесной отметки. Не надо забывать и о том, что арабские страны Персидского залива при низкой себестоимости добычи нефти (от 3 до 5 долл. за баррель, для сравнения: в России – от 12 до 15 долл.) могут позволить себе меньшую доходность при меньших рисках и объемах вложений в освоение новых месторождений и в развитие транспортной инфраструктуры.

Специфика современной биржевой торговли нефтью в условиях неопределенности в мировой политике и экономике предполагает возможность возникновения новых ценовых экстремумов, которые подрывают долгосрочную стабильность на сырьевых энергетических рынках и стимулируют страны-потребители к серьезному изменению своих энергетических стратегий. А значит, Россия должна учитывать как общие глобальные тенденции в целом, так и последствия арабских революций в частности. Основными конкурентами России на европейском рынке газа по-прежнему остаются Катар и Алжир, и здесь события «арабской весны» принципиально ничего не изменили. Среди негативных моментов отметим охлаждение отношений Москвы и Дохи из-за различий в оценках «арабской весны», что может отразиться на эффективности сотрудничества в рамках Форума стран – экспортеров газа.

Экономические последствия революций для арабских стран. Последствия «арабской весны» ощущаются сегодня и на глобальном уровне, но в первую очередь их почувствовали в «очагах революций» и соседних с ними странах, особенно на фоне общих негативных тенденций в мировой экономике и возрастающей взаимосвязанности современного мира. Так, за последние полтора года резко ухудшилось и без того сложное экономическое положение арабских стран, не входящих в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), объединяющий шесть арабских монархий. Более того, замедление темпов роста экономики Евросоюза может оказать существенное негативное влияние на экономическую ситуацию в Марокко, Тунисе и Египте, поскольку для этих стран Европа является основным торговым

партнером (более 60% экспорта), источником поступлений от туризма (80–90%) и прямых иностранных инвестиций (80%). Более 60% переводов трудовых мигрантов в Марокко и Тунис осуществляется именно из стран ЕС.

В этих условиях национальные правительства не смогут увеличить социальные расходы для стабилизации ситуации в своих странах. В первой половине 2012 г. ситуация в этих странах оставалась сложной. С одной стороны, действующая в них модель экономического роста не способна решить ключевую социальную проблему – снижение безработицы. По оценкам МВФ, в ближайшие десять лет им необходимо создать от 55 до 70 млн. рабочих мест, прежде всего для молодежи. С другой стороны, политические силы и экономические элиты этих стран сосредоточены на борьбе за власть и не способны создать новую модель роста за счет структурных реформ в экономике.

В силу указанных обстоятельств восстановление социальной и политической стабильности в группе арабских импортеров нефти будет во многом зависеть от соглашений с кредиторами, в первую очередь с иностранными государствами. Что касается арабских стран – экспортеров нефти, не входящих в ССАГПЗ (Алжир, Ирак, Йемен, Ливия, Судан), то тенденции их экономического развития также остаются крайне неустойчивыми.

Экономическая ситуация в Йемене, по оценкам международных экспертов, находится в состоянии коллапса. Половина населения живет ниже уровня бедности, безработица выросла до 35%, более 40% детей страдают от острого недоедания. И в связи с усилением межплеменного соперничества, сепаратистских настроений на юге и активизацией «Аль-Каиды» экономическое положение в этой стране будет только ухудшаться. Высок риск, что такое развитие событий станет причиной дестабилизации внутривнутриполитической ситуации и в ключевом государстве региона – Саудовской Аравии. Доходы от экспорта углеводородов оставляют этим странам пространство для маневра в проведении структурных экономических реформ. Однако, учитывая их сложное внутреннее положение, в настоящее время у действующих режимов, скорее всего, отсутствует необходимая политическая воля для проведения реформ. Здесь следует отметить стремление США «оседлать» происходящие в арабском мире процессы и по возможности использовать их для сохранения или даже укрепления своих экономических позиций в регионе.

По мнению экспертов «Рэнд корпорейшен», до 2011 г. у США не было серьезных рычагов экономического воздействия на арабские страны – экспортеры нефти (за исключением Ирака). Поэтому американскому правительству рекомендуется усилить влияние на эти страны через двусторонние переговоры и международные институты. В частности, отмечается необходимость содействовать «большей открытости экономики Саудовской Аравии» через механизмы «Большой двадцатки».

В отношении стран – импортеров нефти США имеют больше рычагов влияния ввиду их растущей зависимости от внешней финансовой помощи. В ближневосточной политике Вашингтон делает ставку на реанимацию своей идеи Большого Ближнего Востока, предложенную еще в 2004 г. на саммите в Си-Айленде (США). Тогда американская инициатива предполагала проведение широких политических, демократических и экономических реформ в регионе в обмен на масштабную финансовую помощь Запада. Цель этих действий – создать новую экономическую и политическую модель региона для снижения уровня нестабильности, радикализма и терроризма, учитывая, что исходящие оттуда угрозы представляют опасность и для Запада.

Можно предположить, что в ближайшем будущем США смогут расширить набор рычагов политического и экономического влияния на арабские страны, однако в дальнейшем, по мере ужесточения условий предоставления американской экономической помощи, негативное отношение арабского населения к США будет, скорее всего, усиливаться, особенно на фоне ухудшения социально-экономической ситуации в регионе. Вполне возможно, что некоторые национальные правительства даже попытаются переложить ответственность за провалы в экономической политике и свои непопулярные решения на Запад, и в первую очередь на США. А радикальные исламисты объявят навязанные экономические реформы вызовом мусульманской цивилизации. Подобное развитие событий может придать дополнительный импульс росту экстремизма в регионе. За прошедший год социальное положение молодежи не изменилось, напряжение в арабском обществе растет, и вероятность второй революционной волны и прихода к власти радикалов исключить нельзя.

Для российских экономических интересов процессы, происходящие в арабском мире, будут иметь как отрицательные, так и положительные последствия. К числу отрицательных можно отнести вытеснение российского бизнеса из стран, где оппозиционные

силы одержали победу при поддержке западной коалиции. В то же время падение тех арабских режимов, которые в большей степени ориентировались на США (например, Х. Мубарака в Египте), может привести к изменениям внешнеполитической ориентации этих стран, что открывает для России новые возможности. При этом, учитывая неопределенности и высокий риск новых социально-экономических потрясений, России пока не следует инициировать новые крупные торговые и инвестиционные проекты с арабскими странами. На данном этапе важно держать руку на пульсе быстро развивающихся событий и делать акцент на налаживании и развитии контактов со всеми ведущими политическими силами, отказавшись от жесткой бескомпромиссной поддержки одной из них и оказывая дозированную гуманитарную помощь странам на двусторонней основе.

Роль Турции в «арабской весне». В бурных событиях на Ближнем Востоке ведущую роль наряду с западными играли и региональные державы. И если Иран оказывал сдерживающее воздействие на революционеров, охлаждая их пыл, в частности в Сирии, а Израиль склонялся к непривычной для себя роли наблюдателя, то Турция и ряд арабских стран, такие как Саудовская Аравия и Катар, возложили на себя бремя ответственности за происходящие события, активно в них участвуя.

На роли Турции здесь стоит остановиться особо, поскольку волна арабских революций в Северной Африке и на Ближнем Востоке привела к усилению региональной роли этой страны и стала причиной изменения ее внешнеполитического курса на восточном направлении. Вместе с тем амбиции Турции уже сталкиваются здесь с новыми вызовами. На протяжении последних лет и вплоть до «арабской весны» внешняя политика Турции базировалась на концепции «стратегической глубины», базовыми принципами которой являлись «обнуление» проблем с соседями и создание зоны стабильности и безопасности в ближайшем окружении. Следуя в русле этих принципов, Турция за короткий период сумела если не разрешить, то как минимум сгладить существовавшие в течение десятилетий проблемы с Сирией, Ираном и Ираком и активизировать связи со странами Ближнего Востока. Она сумела завоевать популярность и на «арабской улице», и среди политических партий и лидеров региона, которые рассматривают опыт модернизации этой страны и усиление ее роли на мировой арене в качестве примера для подражания.

Еще до начала политических потрясений в Северной Африке 66% респондентов из арабских государств считали, что турецкая политическая модель может стать образцом для этого региона благодаря «удачному сочетанию ислама и демократии». Арабские революции еще более усилили притягательность политического устройства Турции для других региональных держав. Арабские эксперты заговорили даже о том, что опыт модернизации турецкой политической системы может стать примером для будущего послереволюционного устройства Египта.

С началом арабских революций концепция «стратегической глубины» потеряла свою актуальность, поскольку, как считает турецкое руководство, в нынешней геополитической ситуации роль Турции в мире изменилась и из посредника она превратилась в игрока, непосредственно влияющего на региональную политику.

После некоторых колебаний Анкара поддержала позицию евроатлантических стран в отношении происходящих событий, отмежевываясь от своих недавних союзников в лице правящих элит, с которыми укрепляла отношения на протяжении последних лет. Турецкие власти особо и не пытались выступить посредником между оппозицией и правящими режимами, а быстро встали на сторону протестующих и способствовали формированию на территории Турции оппозиционных организаций Ливии, а затем и Сирии. Так, вскоре после начала массовых протестов против баасистского режима Анкара приняла сторону оппозиции и призвала президента Б. Асада уйти в отставку. 16 марта нынешнего года турецкий премьер-министр Р. Эрдоган заявил, что Турция рассматривает возможность создания «буферной зоны» вдоль границы с Сирией, если количество беженцев из этой страны будет и дальше увеличиваться (весной 2012 г. их число достигло 25 тыс. человек).

События на Ближнем Востоке вновь привели к политическому сближению Турции и США, превратив Анкару в союзника Вашингтона по «переформатированию» региона. Если до 2010 г. евроатлантические стратеги, обсуждая смещение турецкого политического вектора в сторону Востока, называли Турцию «заклятым другом» и «потерянным союзником», то в последнее время эти характеристики постепенно изменились, и Турция начала превращаться в «страну-модель», с которой Западу нужно учиться разговаривать на равных. По расчетам турецких стратегов, результатом сближения с США должно стать усиление влияния Турции на измененном геополитическом пространстве региона.

Существует мнение, однако, что США никогда не были и не будут заинтересованы в экономически и политически сильной Турции, особенно учитывая стратегию, которую они реализуют на Ближнем Востоке. Их цель – создание «государств-сателлитов», лояльных Белому дому. Не исключено, что новая политика турецких властей в итоге может бумерангом ударить по самой Турции, в перспективе превратив ее в следующий центр региональных потрясений. Действия турецкого руководства на сирийском направлении обострили ее отношения с Ираном, который предупредил Турцию, что в случае ее вооруженного вмешательства в Сирию он не останется в стороне и предпримет ответные действия. Еще большему росту напряженности между Анкарой и Тегераном способствовало согласие Турции разместить на своей территории американские радары. В ответ на это Иран пригрозил атаковать турецкую систему ПРО в случае нападения на него США или Израиля.

Таким образом, у Турции в регионе остается все меньше союзников, но появляется все больше стратегических соперников, которые с опасением наблюдают за ее «неоосманским» возрождением. Обострение отношений с соседями по региону, курс на ухудшение отношений с Израилем, да к тому же на фоне охлаждения отношений с Евросоюзом – эту новую для Турции ситуацию некоторые политологи стали не без иронии называть «ноль соседей без проблем».

Политика Анкары на Ближнем Востоке, где Турция, по словам Р. Эрдогана, сыграет «роль, которая изменит ход истории и поможет перестроить регион с чистого листа», усиливает напряженность внутри самой страны. Эту политику критикует основная оппозиционная Народно-республиканская партия, лидер которой, К. Кылычдароглу, заявляет, что турецкое руководство, вмешиваясь во внутренние дела других государств, способствует разжиганию войны в регионе. По его мнению, отношения Турции с Ираком, Ираном и Сирией ухудшились из-за вмешательства правительства во внутреннюю политику этих стран, и это снизило шансы Турции стать региональной державой.

Руководители других турецких оппозиционных партий, таких как Партия националистического движения и прокурдская Партия мира и демократии, считают, что политика нынешнего правительства в отношении Сирии очень опасна и выводит Турцию на войны со своими соседями. США и НАТО, членом которой Турция является, по ряду причин не стремились к проведению

военной операции в Сирии по ливийскому сценарию. Однако свержение сирийского режима, если оно начнется, может быть осуществлено с помощью региональных противников Сирии, причем Турции в этом сценарии отводится одна из ведущих ролей. Осознавая это и не желая брать на себя подобную ответственность, Р. Эрдоган 11 апреля 2012 г. впервые заявил о возможности привлечения сил НАТО для защиты турецких границ от сирийских войск.

Тем не менее необходимо принимать во внимание, что признание Вашингтоном лидирующей роли Турции в регионе потребует от нее конкретного участия в изменении геополитического пространства Ближнего Востока. На таком фоне претензии Турции на региональное лидерство столкнутся (и уже сталкиваются) с проблемами, вызванными ростом нестабильности на Ближнем и Среднем Востоке.

Влияние арабских событий на государства Центральной Азии. События в арабском мире не могли не повлиять на ситуацию на постсоветском пространстве, где связанные с выборами волнения впервые за многие годы произошли даже в стабильной ранее России. Но особенно это касается региона Центральной Азии: невозможно не заметить, по меньшей мере, внешнего сходства причин, вызвавших «арабскую весну», и ситуаций в странах этого региона.

В той или иной степени все группы причин, которые обычно выделяют эксперты, оценивающие феномен арабских революций, присутствуют и в Центральной Азии. Это, в частности, обострение социально-экономической ситуации в условиях, когда «пересидевшие» во власти лидеры не способны адекватно реагировать на новые вызовы. Это и активное вмешательство в дела региона консервативных арабских стран Персидского залива. Наконец, это еще и целенаправленное вмешательство США и стран Запада (в Египте, например, прокуратура установила, что неправительственные организации этой страны только в 2011 г. получили из-за границы 8,5 млн. долл.). И это только наиболее часто называемые причины.

В странах Центральной Азии социально-экономические проблемы тоже являются одной из главных тем для критики со стороны различных оппозиционных сил, для которых перемены, произошедшие в арабском мире, – пример для активизации борьбы с местными режимами. Например, 60% населения арабского мира составляют люди моложе 30 лет. Среди них много образованных, но безработных. Чтобы покончить с безработицей, необходимо,

как уже говорилось выше, в ряде стран за десять лет создать около 70 млн. новых рабочих мест. А эта задача, по мнению авторов статьи, не по силам любому правительству. Тем более что для многих арабских стран, испытавших потрясения в последние два года, характерны рост численности, маргинализация и растущее обнищание населения.

В некоторых странах Центральной Азии можно наблюдать сходные тенденции. Даже в Казахстане, где за годы независимости численность населения сократилась с 16,5 млн. в 1991 г. до 16 млн. в 2012 г., это стало следствием не демографической, а этнократической политики властей, которая привела к массовому исходу нетитульного населения.

Между тем в Киргизии численность населения выросла с 4,4 млн. в 1991 г. до 5,5 млн. в 2012 г.; в Таджикистане – с 5,3 до 7,5 млн. соответственно; в Узбекистане – с 20,6 до 29,1 млн. Наблюдается увеличение численности населения и в Туркмении: с 3,8 млн. в 1991 г. до примерно 5,4–7,5 млн. (данные не вполне достоверны из-за манипуляций с национальной статистикой). Причем и в этих странах значительная часть молодежи не имеет работы.

Есть сходство и в сфере политики. Авторитарные лидеры государств Центральной Азии, как и в арабском мире, находятся на своих постах не один десяток лет. Нелишне напомнить, что президенты Казахстана и Узбекистана заняли свои посты еще в 1990 г., т.е. еще во времена существования СССР, причем до этого они уже занимали высокие должности первых секретарей ЦК компартий своих республик, а значит, находились на вершине пирамиды власти. Лишь Киргизия после волнений 2005 г. несколько выбивается из этого ряда.

Эти режимы поражены теми же пороками: nepотизмом, коррупцией, местничеством, нетерпимостью к инакомыслию и беспринципным поведением во внешней политике. Близкие родственники президентов Казахстана и Таджикистана контролируют, пожалуй, куда большую часть высокодоходного бизнеса в этих республиках, чем родня второй жены президента Бен Али в Тунисе (из клана Трабелси), которая владела авиакомпанией, автосборочным заводом, сетью автомобильных салонов, гостиницами и радиостанцией.

И все же вряд ли события в арабском мире могут автоматически повториться в Центральной Азии. После освобождения от колониальной зависимости арабы прошли более долгий путь надежд и разочарований в своих лидерах, в установленных ими по-

рядках. За это время там сменилось несколько поколений. А среди населения наших азиатских соседей и партнеров по СНГ по-прежнему живучи иллюзии, рожденные тоталитарной пропагандой. Граждане этих стран еще верят в то, что их нынешние лидеры способны привести государство не только к подлинной независимости, но и к процветанию. Плод недовольства авторитарными режимами здесь еще явно не созрел.

Утверждать, что арабский сценарий далеко не обязательно будет повторен в Центральной Азии, позволяет еще одно отличие. Если Европа уже отгородилась от Северной Африки жестким миграционным валом и периодические попытки прорвать его через тот же итальянский остров Лампедуза не приводят к успехам, то Россия пока не считает миграцию из Центральной Азии реальной угрозой своей экономической, конфессиональной и культурной безопасности. И в то время как заявления ряда европейских лидеров о крахе политики мультикультурализма свидетельствуют, что барьер перед арабскими мигрантами будет только укрепляться, Москва своей миграционной политикой помогает смягчить социальные конфликты в соседнем регионе. Не будь этой помощи, перспектива выживания новых независимых государств давно оказалась бы под вопросом.

Более того, события на Ближнем Востоке могут даже пойти на пользу центральноазиатским автократам, поскольку наблюдавшийся сразу после революций рост цен на энергоносители сам по себе и так необходимая странам Евросоюза дополнительная страховка от перебоев поставок из Ближневосточного региона помогли пополнить финансовые ресурсы лидеров Центральной Азии. Это уже происходит, судя по внешнеполитическим контактам президентов Туркмении, Узбекистана и Казахстана. Нет сомнений, что эти ресурсы будут использованы в том числе и для усиления репрессивного аппарата.

Конечно, не все режимы в Центральной Азии могут похвастаться богатствами своих недр, а значит, и использовать такой шанс. Например, власти лидера Таджикистана угрожает скорее заговор или дворцовый переворот, чем народное восстание на площадях. Но и здесь есть сходство с арабским миром: Бен Али и Х. Мубарак в свое время тоже получили власть похожим путем (первый в 1987 г. отстранил от власти своего патрона, президента Бургибу, а второй в 1981 г. занял пост главы государства после убийства исламистами президента А. Садата).

Обращает на себя внимание обозначившаяся в последние годы тенденция монархических арабских режимов «покупать» лояльность властей стран Центральной Азии. Не случайно руководство Казахстана, который с лета 2011 и по июль 2012 г. председательствовал в Организации исламского сотрудничества (до 2011 г. – Организация Исламская конференция), воздерживается от оценок происходящего на Арабском Востоке.

Арабские монархии Персидского залива стремятся наладить более тесное сотрудничество с государствами Центральной Азии. Так, в начале марта 2012 г. состоялся визит премьер-министра Киргизии в Катар. Киргизскую делегацию интересовали двусторонняя торговля и возможные инвестиции Катара в золотодобывающую отрасль страны, авиаперевозки, туризм, энергетику и сельское хозяйство. Планируется учредить инвестиционный фонд в размере 100 млн. долл. Обсуждался вопрос о создании совместного киргизско-катарского фонда для реализации проектов в различных областях.

В Киргизию скоро выедет группа специалистов из Катара для изучения на месте возможностей закупки продукции сельского хозяйства. Еще одна группа катарцев прибудет для отбора желающих работать в эмирате. Киргизии будет предоставлена квота на обучение в катарских вузах за счет принимающей стороны и с выплатой стипендий. Прорабатывается вопрос о прямом авиасообщении.

Дипломатическая служба Катара проявляет активность и в отношениях с другой, весьма бедной и проблемной страной – Таджикистаном. В марте МИД Таджикистана разместил в таджикской прессе серию материалов о якобы успешных переговорах с Катаром по вопросам трудовой миграции в эту страну (притом что она явно не в состоянии трудоустроить лишние таджикские рабочие руки). Шла речь и об открытии прямого авиасообщения, и об инвестициях. Кстати, посол Таджикистана в Катаре не имеет там своей резиденции, поскольку одновременно представляет интересы своей страны в Пакистане, где и расположено посольство.

Арабские монархии Персидского залива, как видим, пытаются распространить свое влияние на ближнее зарубежье России. Ранее они лишь давали средства на отдельные программы, связанные, главным образом, с распространением ислама. Так, в 2004 г. Саудовская Аравия выделила Казахстану 2 млн. долл. на строительство мечети в Петропавловске. Главная мечеть в новой казахстанской столице Астане построена на грант Катара в

6,5 млн. долл. В 2005 г. в Педагогическом университете Алма-Аты была открыта кафедра арабского языка. А ведущее исламское учебное заведение Казахстана – Египетский университет исламской культуры – был построен на египетские деньги (15 млн. долл.).

Возвращаясь к социальным вызовам, с которыми столкнулись страны Центральной Азии, отметим, что воспользоваться имеющимися трудностями постарается не только светская, но и исламистская оппозиция. О серьезности грозящих правлению Н. Назарбаева проблем свидетельствуют, например, террористические акты, совершенные в 2011 г. в Таразе, Мангыстау и Актобе, а также беспорядки в Жанаозене. «Ислам – это решение» – таким лозунгом руководствуются не только египетские «Братья-мусульмане», но и многие аналогичные организации в странах Центральной Азии.

Авторитарные светские режимы не смогли сохранить стабильность в арабском мире. Схожие с ними по своим политическим характеристикам режимы Центральной Азии сталкиваются с аналогичными вызовами. А вытоптанную авторитарными лидерами «политическую поляну» в результате революционных катаклизмов вполне могут занять радикалы.

«Москва», М., 2013 г., № 1, с. 179–189.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2013 – 8 (254)

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам
Художественный редактор Т.П. Солдатова
Компьютерная графика
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 4/VII-2013 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 10,5 Уч.-изд. л. 9,9
Тираж 300 экз. Заказ № 119

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

